Ю.М. Иванов

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ
(Последние годы жизни Ленина)

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга посвящена анализу идей Ленина, которые в 1922-1923 гг. отторгались руководством компартии. В течение многих десятилетий эти идеи либо тщательно скрывались от массового читателя, либо преднамеренно искажались, чтобы доказать, что компартия неукоснительно руководствовалась ленинскими указаниями, и что Сталин, будучи верным учеником Ленина, последовательно реализовал завещанный им курс.

В задачу автора входило проследить эволюцию ленинских решений проблем, становившихся предметом скрытых и явных ожесточенных внутрипартийных споров, в которых ему уготовано было поражение. В связи с этим выявилось, что некоторые важнейшие работы и документы Ленина подверглись искусной фальсификации для того, чтобы скрыть отступления их автора от основополагающих канонов тоталитарного социализма, утвердившегося в стране после его смерти.

В ходе исследования многие факты приходилось устанавливать по историческим источникам. К сожалению, о послереволюционной истории своей страны мы до сих пор многого еще не знаем, так как в течение не одного десятилетия первоочередная задача советских исследователей сводилась к описанию неиссякаемого энтузиазма и воодушевления масс, вызванного очередным показом тоталитарного срама, а также яростного негодования в адрес тех, кто этим действам мешал. Эталоном для их опусов служил краткий курс "Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)".

Теперь же возможности объективного исторического исследования на основе закрытых в прошлом документов стали неизмеримо шире. Однако первенство пока принадлежит многочисленным эссе, в которых давно известные факты, не считаясь с реальными процессами прошлого, подгоняются под нужды современной политической борьбы и требований книжного рынка. Зерен без плевел не бывает.

Работа Ленина "Как нам реорганизовать Рабкрин" и развернувшаяся вокруг нее дискуссия нами не рассматривалась, поскольку в ней не затрагивались тоталитарные основы партии. Предложения Ленина сводились лишь к реорганизации партийной верхушки, ограничивавшей власть генерального секретаря. Сохранявшиеся принципы демократического централизма, беспрекословное подчинение низших звеньев партийного аппарата высшим обеспечивали существование прежней иерархии, в которой члены партии обрекались на послушное выполнение решений, принятых наверху.

Что касается приложения, то оно писалось по известным многим читателям материалам "Дневника дежурных секретарей", биографической хроники "Владимир Ильич Ленин", т. 12, рубрик изданий ленинских собраний сочинений "Основные вехи жизни В.И. Ленина", "Архива Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927." т. 1 (М. 1990), а также ставших достоянием широкой общественности фактов, приведенных в статье Ю.Г. Фельштинского "Тайна смерти Ленина" (Вопросы истории, 1999, № 1) и в книге В.А. Куманева, И.С. Куликовой "Противостояние" (М. 1994). Источники непубликовавшихся по нашим сведениям фактов по тексту указаны.

Представленное читателю исследование было бы невозможным без доброжелательности и высокопрофессиональной помощи работников читальных залов Государственного архива социальных и политических исследований и Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР.

ВВЕДЕНИЕ

"Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, - писал Энгельс В. И. Засулич в 1985 г., - всегда убеждались на другой день, что, они не знали, что делали, что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую хотели сделать".[1] Русские большевики знали, что писал Энгельс В.И. Засулич, но считали, что это им не грозит. На деле получилось как всегда.

В результате победы Октябрьской революции к власти пришли не рабочие, а та фракция армии наемного труда, которая, будучи занята в управлении производством, жила за их счет. Ее претензии на роль защитников интересов пролетариата оказались несостоятельными. В советской России рабочие хронически бедствовали: они ютились в чудовищно перенаселенных бараках, общежитиях и коммуналках, а их реальная заработная плата даже в 30-х годах была ниже довоенной, тогда как в капиталистических странах, несмотря на кризис, она на много превысила довоенный уровень.[2] Все существовавшие до революции легальные формы коллективного протеста были запрещены, рабочее движение поставлено вне закона, а его участники с невероятной жестокостью преследовались. В действительности, пришедшие к власти коммунисты отстаивали не пролетарские интересы, а интересы сменившего буржуазно-монархическую верхушку директората. Его представления об обществе, в котором он занял господствующее положение, в основном ограничивались в то время тоталитарными идеями основоположников марксизма, сформировавшимися в эпоху становления в Западной Европе фабричного производства.

И это не было случайным. В России фабричное производство имело еще слишком короткую историю. Присущие ему противоречия, с одной стороны, во многом сохраняли черты эпохи формирования марксизма, с другой, - в отличие от последней уже обладали достаточной степенью зрелости, чтобы породить массовое движение, отстаивающее идеалы тоталитарного социализма.

Как известно, марксизм как политическое течение сформировался в середине XIX в., когда крупное машинное производство, синонимом которого была фабрика, еще только начинало развиваться. Даже в Англии - родине промышленной революции - его история исчислялась тогда десятилетиями, поскольку ткацкий станок стал широко применяться только в 20-30-е годы XIX в. и только в хлопчатобумажной промышленности, в других текстильных отраслях это произошло еще позднее. Лишь к середине века Англии удалось механизировать производство самих машин и фабрика стала ведущей формой индустриального развития, тогда как на континенте фабричное производство находилось на значительное более низком уровне.

В России конца XIX в. текстильная промышленность также занимала ведущее место в индустриальном развитии. Одно только производство хлопчатобумажных тканей здесь по стоимости на 8% превышало продукцию металлургии, машиностроения и металлообработки вместе взятых[3]. Однако, если в Западной Европе в то время, когда формировался марксизм, управление крупным производством сосредотачивалось преимущественно в руках индивидуальных предпринимателей, то в России рассматриваемого периода их управленческие функции в значительной мере уже перешли к наемным директорам, чему способствовал значительно более высокий уровень акционирования российской промышленности. Даже в текстильном производстве были акционированы 63%

предприятий. Еще более высокий этот показатель был в тяжелой индустрии.[4]

В условиях существования предприятий, находившихся в собственности индивидуальных предпринимателей, появление наемных директоров было во многом делом случая, т. е. оно могло быть и не быть. Предприниматель мог сам руководить производством и мог нанять для этого специалиста. Лишь общественные формы капитала в промышленности (в основном государственные и акционерные общества) в противоположность его индивидуальным формам делают директорское управление абсолютно необходимым. В связи с этим в России еще до революции четко обозначились контуры нового класса, имя которого был директорат.

Что касается самого фабричного управления то оно из-за отсталости России было относительно простым и зачастую не требовало, как и в Западной Европе первой половины XIX в, специальных теоретических знаний. Управленческие функции ограничивались набором рабочих, их обучением простейшим производственным навыкам, а также контролем за дисциплиной и производством продукции. Для того, чтобы выполнять подобные функции, достаточно было знаний квалифицированного рабочего. В Западной Европе эпохи промышленной революции, писал С. Поллард, "у тех, кто ее делал, формальное обучение ограничивалось в основном уровнем сельской школы. Причем всегда за формальным обучением следовало ученичество у местного ремесленника. Ставшие потом умельцами особенно в строительстве, металлообработке и торговле, они обогащали предпринимательский потенциал, пополняли управленческие кадры, становились движущей силой технического прогресса"[5] .Подобное положение, сложилось и в России, где многие предприниматели и управляющие, будучи выходцами из мещан и крестьян, имели лишь начальное образование, но свои технические знания, они, как правило, приобретали уже не у ремесленников, а непосредственно на самой фабрике, умножая тем самым иллюзии о том, что рабочие сами в состоянии управлять производством.

Как известно, Маркс и Энгельс, исходя из того, что многие рабочие со временем пополняли ряды управленческого персонала, делали вывод, что при устранении капиталистов как класса пролетарии сами смогут управлять фабричным производством и преобразовать на его основе все отрасли хозяйства. Позднее, накануне Октябрьской революции, эти идеи были развиты Лениным. Наблюдая деятельность выходивших из народа российских предпринимателей, он приходил к выводу, что контроль за производством и распределением, учет продуктов труда "упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок."[6] Такого рода наивные представления об особенностях управления крупным производством были характерны для большинства российских марксистов.

Действительно на начальных стадиях промышленного развития достижения науки использовались лишь спорадически, и тем, кто руководил производством, еще не требовались систематические научные знания. Лишь по мере дальнейшего индустриального развития, управление все более выходило за узкие рамки навыков, приобретаемых эмпирическим путем, делая необходимой специальную теоретическую подготовку.

В соответствии с нуждами крупного производства такая подготовка предполагала изучение не только технических дисциплин, но и экономики.

Естественно, что полный объем подобного рода знаний оказывался за пределами физических возможностей одного человека; последнее способствовало разделению управленческого труда на множество видов и подвидов и вытеснению индивидуального предпринимателя из сферы управления производством. Об этом в свое время хорошо сказал К.Каутский: "Сам класс капиталистов уже давно начал освобождаться от своих функций в торговле и промышленности, перелагая их на наемных служащих, торговцев, техников. Вначале последние являлись лишь помощниками капиталиста: он передавал им ту часть своих функций по надзору, руководству, организации труда, закупке средств производства, продаже продуктов, которые он не мог выполнить вследствие все растущих требований в специальном образовании для каждой отдельной функции. Но в конце концов акционерные общества делают капиталиста совершенно излишним и даже высшее руководство передается наемным служащим."[7] Вместе с требованиями в специальном образовании управленческий труд в высших и средних эшелонах менеджмента окончательно отторгнул тех, кто имел лишь знания квалифицированного рабочего. Тем самым противоположность управленческого труда труду рабочих приобрела зрелые черты, характерные для развитого индустриального общества.

Изменения, которые отмечал К.Каутский, в Западной Европе в основном произошли в начале XX в. В России же технический уровень фабрик был значительно ниже, что ограничивало возможность использования научных знаний. Ключевой фигурой, определявшей управление фабричным производством был преимущественно тот, кто обладал знаниями квалифицированного рабочего. В 1924 г. в РСФСР инженерно-технический персонал по отношению к числу рабочих составлял всего 0,28% против 2-5% в промышленно развитых странах. Даже в 1928-1930-х гг. по всей промышленности численность инженерно-технического персонала едва ли превышала 50 тыс. чел.[8]

В этих условиях социальные грани между директором и квалифицированным рабочим с точки зрения происхождения и образования были нередко размыты и сами по себе далеко не всегда определяли место в иерархии наемного труда, что опять-таки питало иллюзии, будто пролетарии сами в состоянии руководить фабричным производством, а вместе с ним и всем обществом. Подтверждение подобного рода выводов Маркс и Энгельс видели в деятельности Парижской коммуны, которую они считали прообразом грядущего нового строя. "Простые рабочие, - писал в 1871 г. Маркс, - впервые решились посягнуть на привилегию своего "естественного начальства", имущих классов - на привилегию управления и при неслыханно тяжелых условиях выполняли эту работу скромно, добросовестно и успешно".[9]

Фабричная организация производства с самого начала своего существования включала управленческий персонал, состоявший из многих лиц. В связи с этим Маркс верно отмечал: "Подобно тому, как капиталист освобождается от физического труда, как только капитал достигнет минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, так теперь он передает уже и функции непосредственного постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников. Как армия нуждается в своих офицерах и унтер-офицерах, точно также для массы рабочих, объединенных совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные

офицеры-управляющие и унтер-офицеры (надсмотрщики, foremen, overlookers, contrematres) распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала"[10]

В России рассматриваемого периода этот управленческий персонал был значительно многочисленнее, чем в Западной Европе первой половины XIX в., так как здесь концентрация работников на крупных предприятиях была значительно выше. В частности, на крупных предприятиях хлопчатобумажной промышленности России она в среднем превышала тысячу человек, тогда как в Западной Европе эпохи формирования марксизма она в лучшем случае измерялась сотнями. В России вообще была самая высокая в мире концентрация рабочих на крупных предприятиях. Доля занятых на фабриках и заводах с числом свыше 1000 чел. в 1914 г. в цензовой промышленности составляла 43,8%, тогда как в США - всего - 20,5%, в Германии она была еще меньше. Средняя численность персонала крупнейших предприятий равнялась 2490 чел. Только в Петербурге было 14 заводов, где трудились свыше 5000 чел., а по всей России в 1902 г. их насчитывалось 35.[11] Высокая концентрация рабочих объяснялась тем, что на новейших по тому времени предприятиях широко использовался ручной труд, поскольку исключительная дешевизна рабочей силы препятствовала механизации работ. Естественно, что в этих условиях требовалось существование многочисленного управленческого персонала, находившегося под началом директоров и предпринимателей.

Чем ниже была ступень управленческой иерархии, тем чаще она замещалась выдвиженцами из рабочих. "Унтер-офицеры" - надсмотрщики в прошлом чаще, чем управляющие фабрик, были выходцами из рабочих. Их зарплата была или несколько выше, или такой же, какой была зарплата квалифицированных рабочих. Именно к такой оплате управленческого труда, как известно, в свое время призывали Маркс и Энгельс, анализировавшие опыт Парижской коммуны. Начиная с членов Коммуны, писал Маркс, сверху до низу общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего. Призывая к оплате управленческого труда на уровне зарплаты рабочего, Маркс и Энгельс тем самым в значительной мере проецировали на все общество еще рождавшиеся фабричные порядки, которые существенно отличались от более позднего периода, когда большинство управленческого персонала стали получать несоизмеримо более высокую плату, чем квалифицированные рабочие.

Классический марксизм, как мы уже отмечали, в своих теоретических выводах отражал незрелые фабричные отношения, характерные для Западной Европы первой половины XIX в., проявлявшиеся не только в нередкой генетической связи фабричного управленческого персонала с квалифицированными рабочими, не только в близости производственных знаний тех и других, не только в отсутствии существенных различий в оплате их труда, но и в тех управленческих функциях, которые приходилось выполнять в фабричных заведениях. Указанные функции в конечном счете сводились к административному контролю и учету, позднее провозглашенных альфой и омегой экономики тоталитарного социализма.

Эти же порядки наложили свой отпечаток и на представления зарождавшегося во времена Маркса и Энгельса директората об общественном идеале. Сознательно или бессознательно они рассматривали все общественные связи сквозь призму фабричной организации труда, становившейся для них идеалом, который они противопоставляли рыночной стихии со свойственными ей кризисами,

непредсказуемыми падениями производства, массовыми увольнениями, закрытием фабрик и т. д. На этой почве происходило, говоря словами Г.Перкина, "отчуждение от предпринимателей специалистов, игравших важную роль в критике свободы торговли и в росте требований перехода к коллективистским отношениям".[12] Именно такие настроения отражали Маркс и Энгельс, а вслед за ними и Ленин, утверждавшие, что "противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе".[13]

В России подобные, в сущности антирыночные настроения находили широкую поддержку у пролетаризировавшихся масс, для которых растущий рынок оборачивался прежде всего разрушительной стороной, разоряя их хозяйства. Вторая половина XIX в. в России подобно Западной Европе более раннего времени как раз характеризовалась наиболее масштабными процессами разорения и обнищания мелких производителей города и деревни. Антирыночные настроения так или иначе затрагивали тогда многие слои российского общества, в том числе и формировавшийся пролетариат, значительные массы которого продолжали сохранять тесные связи с деревней. Достаточно сказать, что в годы революции, когда в городах возник голод, его численность сократилась почти наполовину из-за оттока рабочих в деревню, где сплошь да рядом проживали их семьи.

Между тем в Западной Европе массовая база антирыночных настроений к этому времени уже значительно сузилась из-за возросших на более позднем витке развития созидательных возможностей рынка способствовать подъему жизненного уровня всех слоев населения, что сказалось на деятельности социал-демократических партий, превратившихся из партий гражданской войны в партии реформ, боровшиеся за улучшение положения народных масс на почве развитых рыночных отношений, которые марксистским ортодоксам, в том числе большевикам, представлялись атрибутом, свойственным только буржуазному обществу.

Марксизм - детище эпохи, когда крупное машинное производство было еще мало приспособлено к обобществлению на основе рынка капитала. Между тем только обобществленное производство могло в конечном счете могло служить базисом роста нового класса, имя которого - директорат. Разрешая это противоречие, Маркс и Энгельс ратовали за внеэкономические, насильственные методы изменения отношений собственности. "Пролетариат, - писал Энгельс, формулируя экономические основы будущего строя, - берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность".[14]

Эти идеи получили особенно широкий отклик в России, где масштабы государственного вмешательства в экономическую жизнь, приняло неизмеримо большие размеры, чем в Западной Европе первой половины XIX в. Чтобы форсировать преодоление отсталости российские власти были вынуждены принимать активное участие в создании новых отраслей, что в целом было не свойственно для начального периода подъема индивидуального капиталистического предпринимательства Европы. "Базой государственного вмешательства, - пишет И.Ф. Гиндин о России, - было огромное государственно-капиталистическое хозяйство и крупнейшие для XIX в. военные расходы в мирное время. Объектом форсированного развития были, в первую очередь, железные дороги и

обслуживающие их отрасли тяжелой промышленности (производство рельсов, подвижного состава) предприятия военной промышленности, отдельные предприятия других отраслей тяжелой промышленности, с 90-х гг создание самостоятельной металлургической базы в стране".[15]

За годы первой мировой войны масштабы государственного регулирования гигантски выросли практически во всех, включая Россию, воюющих государствах и особенно в Германии, военную организацию которой Ленин рассматривал в качестве образца перехода к социализму и с точки зрения уровня развития техники, и с точки зрения плановой организации производства, и с точки зрения степени распада рыночных связей и замены их административным распределением потребительных стоимостей и т. д. Возникшее на базе милитаризации кратковременное огосударствление экономики большевики посчитали началом превращения капиталистического производства в единую социалистическую фабрику.

Именно с такими идеями накануне Октябрьской революции выступал Ленин, попытавшийся реализовать их в годы военного коммунизма. Он исходил из того, что при социализме все производство будет сконцентрировано в единой государственной фабрике, в которой отдельные предприятия будут ее филиалами. В работе "Государство и революция" он, в частности, писал, что социализм будет означать совокупность "работников и служащих *одного* крупного "синдиката" при полном подчинении "всей работы этого синдиката государству".[16] "Все общество, - предсказывал далее Ленин, - будет одной конторой и одной фабрикой" с "фабричной дисциплиной", которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество".[17]

Естественно, что опиравшаяся на государственное принуждение фабричная дисциплина, распространенная на все общество, несовместима с каким-либо общественным контролем над администрацией, с какой-либо демократией. Возникающая при этом строгая иерархия огосударствленных должностей, зависимость низших от высших, беспрекословное исполнение указаний директора, в таких случаях составляет основу подобной организации общественного производства. На необходимость административного принуждения в фабричных условиях указывал еще Энгельс в работе "Об авторитете". "Комбинированная деятельность означает организацию ... А возможна ли организация без авторитета?" - ставил риторически вопрос Энгельс, подразумевая под авторитетом "навязывание чужой воли", "навязывание подчинения". - "Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности, - отвечал он, - значит желать уничтожения самой промышленности".[18] Эти же идеи в еще более жесткой форме мы находим и у Ленина, заявлявшего, что "руководитель должен быть "диктатором во время работы"[19].

Тоталитарные построения экономического базиса посткапиталистического общества проецировались ортодоксальными марксистами и на его надстройку. Представления о ней исходили из необходимости ликвидации порожденных рынком демократических институтов, которым в качестве политического идеала противопоставлялся так называемый демократический централизм, предполагающий беспрекословное исполнение подчиненными спускаемых сверху указаний.

Вместе с массовым ростом директората как в Западной Европе, так и в России произошло окончательное разделение армии наемного труда на тех, кто создавал прибавочную стоимость и тех, кто жил за ее счет. Если первые - рабочие, продавая свою рабочую силу, воспроизводили ее стоимость, говоря марксовым языком, посредством необходимого труда, а также сверх нее производили прибавочную стоимость посредством прибавочного труда, то вторые - наемный управленческий персонал во главе с директором, распоряжаясь в пределах фабрики рабочей силой и средствами производства, существовали за счет доли создаваемой рабочими прибавочной стоимости. Указанная доля представляла, по Марксу (и это верно), "общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления"[20].

Разумеется в неразвитом виде, такое разделение армии наемного труда можно было наблюдать и раньше, до становления директорского корпуса, когда зарождался фабричный управленческий персонал - руководители бригад, цехов и т. д. - , выполнявший указания владельцев фабрик. Но лишь с появлением директората структура наемного управления фабриками, приобрела законченный вид. Принципиально новое здесь - устранение собственника капитала из сферы непосредственного управления производством: директора, выступая в роли агентов капитала, тем не менее уже сами решали производственные задачи, подразумевавшие распоряжение средствами производства и рабочей силой. Причем они становились таковыми не по праву собственности на капитал, а по праву нанятого служащего, главной обязанностью которого было обеспечение производства прибавочной стоимости.

В рассматриваемых отношениях директор выступает в роли посредника. Он не может представлять непосредственно самого себя, подобно тому как не может сам себя нанимать. Он всегда является представителем кого-то: владельца индивидуального или коллективного капитала, или государства. В такого рода отношениях уже заложена скрытая возможность перехода от присвоения прибавочной стоимости по капиталу к ее присвоению исключительно в зависимости от места в иерархии управленческого труда, т.е. присвоению ее всем классом, реально распоряжающимся рабочей силой и средствами производства. Именно реализации указанной возможности добивались ортодоксальные марксисты, отстаивая тоталитарное огосударствление экономики. В связи с этим в качестве главного противоречия капитализма они указывали противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Его разрешение посредством огосударствления всего и вся на деле означало монополизацию присвоения прибавочной стоимости директоратом.

Великая историческая заслуга основоположников марксизма состоит в том, что, проанализировав отделение функции управления от функции индивидуального капитала, указав, что "вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно также, как ткач, работающий на ручном станке"[21], они тем самым создали задел для изучения зарождавшегося в их времена нового класса. Но это так и осталось заделом, отправной точкой исследования, ибо в своих моделях грядущего общества они постоянно отступали, а вслед за ними и Ленин, от объективного научного анализа, отрицая эксплуататорский характер производственных отношений при социализме. Они полагали, что с экспроприацией частного капитала труд по надзору утратит "свой антагонистический характер, ибо

управляющий фабрикой станет оплачиваться рабочими, а не являться "по отношению к ним представителем капитала".[22] Сегодня подобные заявления выглядят по меньшей мере как нонсенс.

На самом деле с экспроприацией частного капитала антагонистический характер труда по надзору и управлению отнюдь не исчезает. Этот труд по-прежнему остается не трудом, непосредственно создающим стоимость, а трудом по организации ее создания другими, т.е. рабочими, которые ее производят под надзором управленческого персонала. Огосударствление предприятия отнюдь не ликвидирует само производство прибавочной стоимости, а лишь изменяет ее распределение. В той мере, в какой прекращается независимое функционирование индивидуального капитала, происходит ликвидация присвоения прибавочной стоимости по праву его обладания, что, естественно, не исключает, а предполагает ее присвоение по праву заведования производством. Вместе с тем изменяется и форма присвоения. Последняя утрачивает частный характер, поскольку прибавочная стоимость поступает в общественные фонды, которыми от имени общества либо коллектива собственников распоряжается директорат. Он же распределяет ее и индивидуально в виде заработной платы, премий и т. д. среди тех, кто под его началом осуществляет надзор и контроль за трудом рабочих.

Теоретически при тоталитарном социализме все участники производственного процесса могут трудиться по найму. Но труд управленцев не распадается на необходимый и прибавочный труд. Это относится лишь к труду тех, кто создает прибавочную стоимость. Первые живут за счет труда вторых, и в этом смысле деятельность управленческого персонала, как и при капитализме, носит эксплуататорский характер.

Данная черта социализма, естественно искажаясь, подгонялась сторонниками ортодоксального марксизма под провозглашенные ими высокие идеалы посткапиталистического общества, призванного, как они утверждали, уничтожить эксплуатацию человека человеком. Поэтому в их работах можно найти утверждения о том, что при социализме расходы общественного прибавочного продукта включают только издержки управления, "не относящегося к производству", тогда как в самом производстве труд по надзору и управлению, как порой они утверждали, " это производительный труд, выполнять который необходимо во всяком комбинированном производстве"[23]

Подобные утверждения полностью расходились с результатами проводившегося ими анализа досоциалистических формаций, в ходе которого например, Маркс пришел к выводу: "... раз предположены отношения господства и подчинения", то "будет в порядке вещей, что наемный рабочий вынуждается производить свою собственную зарплату и сверх того плату за надзор, компенсацию за труд по управлению и надзору за ним"[24] Во всех формациях труд по управлению и надзору не является производительным трудом.

Когда Маркс пишет, что труд по надзору и управлению "это производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном производстве", то он подменяет понятие производительного труда понятием необходимого труда. Действительно, труд по надзору и управлению есть необходимый труд при "всяком комбинированном производстве", что, однако, не исключает его непроизводительного характера, поскольку он существует не для того, чтобы самому

производить стоимость, а для того, чтобы ее производили другие. Выражая интересы зарождавшегося директората, Маркс и его последователи, включая Ленина, не могли не отступать от многих своих подлинно научных выводов, когда требовалось доказать возможность существования неантагонистических отношений между теми, кто персонифицировал надзор и управление и теми, кто создавал стоимость в условиях полной экспроприации частного капитала.

Во всех формациях, где существует особый социальный слой, монополизирующий функцию управления производством, неизбежны антагонистические противоречия, одним из проявлений которых являются забастовки при социализме. При капитализме управленческие функции - атрибут частного капитала. Маркс прав, когда пишет, что "функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала как только подчиненный ему труд становится кооперативным".[25] При тоталитарном социализме, который впервые возник в России, подобные функции - атрибут управленческих должностей, иерархию которых на предприятиях венчают директора, уже переставшие быть агентами частного капитала. В таких случаях директор распоряжается рабочей силой и средствами производства не потому, что является представителем индивидуального предпринимателя, а потому, что в качестве наемного государственного служащего обладает полномочиями на управление производством.

История социализма показывает, что там, где полномочия директора ограничиваются внутрифабричным надзором и управлением, а производственные фонды и произведенная продукция распределяются в плановом порядке от имени всего общества в интересах директората в целом, там мы имеем дело, говоря словами Ленина, с единой фабрикой в масштабе всего государства, иначе с тоталитарным социализмом. Там же, где полномочия директора выходят за рамки внутрифабричнного надзора и управления, простираясь на организацию производственного снабжения и сбыта готовой продукции на рынке товаров и услуг, как это случилось раньше всего в индустриально развитых странах, там мы имеем дело с рыночным социализмом, где значимость индивидуального руководителя предприятия повышается.

В условиях тоталитарного социализма доля прибавочной стоимости, причитающейся в форме зарплаты, премий и т. д. управленческому персоналу, централизованно регламентируется государством и индивидуально определяется местом в структуре управленческой иерархии. В связи с этим культ торгашества, свойственный капитализму, сменяется культом карьеризма с присущими ему закулисной борьбой, интригами, инсинуациями, наушничеством и т. п., обеспечивающими успех продвижения по служебной лестнице.

Иначе происходит индивидуальное распределение прибавочной стоимости среди управленческого персонала при рыночном социализме. Оно больше не регламентируется централизованно, сверху, а определяется доходами предприятия или организации. При этом возможности увеличения размеров вознаграждения расширяются, как и круг лиц, которые ее присваивают на правах обладающих акциями совладельцев общественного капитала.

При тоталитарном социализме особенность индивидуального распределения прибавочной стоимости заключается в том, что оно предназначается исключительно для личного потребления, тогда как при рыночном социализме возникает

возможность использовать часть вознаграждения за управленческий труд для превращения ее в капитал. Что касается доли прибавочной стоимости, предназначенной для производственных и других общественных нужд, то она остается в общественных фондах, которыми здесь и там распоряжается директор.

Существующее при тоталитарном социализме плановое регулирование производства и распределения по своей природе "административно" и подменяет собой собственно рыночные отношения. Об этом в свое время хорошо сказал, следуя канонам классического марксизма Р. Гильфердинг: "Общество является ли оно самодавлеющей патриархальной семьей, коммунистическим племенем или социалистическим обществом - создает для себя органы, которые как представители общественного сознания определяют размеры и характер производства и распределяют добытый общественный продукт между членами. Как, где, сколько, какими орудиями производятся новые продукты при наличных естественных и искусственных условиях производства - все решает отец семейства или коммунальные, местные или национальные комиссары социалистического общества... В процессе производства сознательно устанавливаются взаимные отношения между членами организованного таким образом общества, как между элементами единого производственного *сообщества*. Организация труда и распределения продуктов подлежат центральному контролю... Сами производственные отношения непосредственно воспринимаются, как сознательно и преднамеренно установленные сообществом".[26].

В описанном Гильфердингом обществе структура управления производством неизбежно должна была иметь пирамидальный характер в той мере, в какой индивидуальные предприятия становились как бы филиалами всеобщей фабрики. Тот, кто стоял на вершине такой пирамиды, будь то генсек, первый секретарь и т. д. получал неограниченную власть, опиравшуюся, говоря словами Ленина, на фабричную дисциплину, распространенную на все общество. А так как управление производством совпадало с управлением государственным, то сама эта дисциплина опиралась на государственное принуждение, не оставлявшее места для мало-мальски независимой деятельности для формально существовавших организаций тех, кто трудился по найму.

Октябрьская революция впервые в истории открыла возможность огосударствить экономику и осуществить на практике принципы организации "единой фабрики", теоретически разработанные Марксом и Энгельсом и позднее развитые Лениным. Однако все попытки в годы военного коммунизма подменить порожденный капитализмом рынок присущим ей централизованным распределением порождали в хозяйственной жизни грандиозный хаос. Принимавшиеся меры по замене торговли "планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов", ставившем целью уничтожение денег, заканчивались полной дезорганизацией экономики, вызывавшей массовые протесты широких слоев населения. Основополагающие марксистские представления о социализме как единой фабрике, свободной от всяких стоимостных отношений, оказались неосуществимыми. Последовавший переход к нэпу, считавшийся большевиками лишь временной уступкой крестьянству, доказал необходимость существования рыночных отношений в качестве необходимого условия восстановления разрушенного хозяйства России и его дальнейшего роста.

Таким образом хозяйственная практика потребовала ревизии ряда краеугольных положений марксистской теории.

Из российских коммунистов первым, кто теоретически переосмыслил эти новые реалии и призвал использовать рынок в целях перехода к социализму был Ленин. Сказанное, разумеется, не означает, что Ленин призывал полностью отказаться от тоталитарных принципов общественного устройства. Более того именно Ленин был зачинателем политики превращения компартии в единственную легальную организацию, определяющую идейно-политическую жизнь каждого россиянина, что как раз является наиболее характерной чертой политического строя тоталитарного социализма. Сохранившиеся некоммунистические партии, требовавшие демократических свобод (партии меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д.), в годы порожденного нэпом рынка представляли намного большую угрозу всевластию коммунистов, чем белогвардейцы в годы гражданской войны. Весной 1922 г. XI съезд РКП(б) провозгласил, что российская коммунистическая партия является в стране единственной легальной политической партией. [27] В связи с этим по инициативе Ленина репрессировались представители духовенства, не мирившиеся с насилием большевиков, по инсценированным обвинениям (политбюро 6 мая 1920 г. узаконило инсценированные суды[28]), производились массовые аресты членов партий эсеров и меньшевиков, принудительной высылке из страны подвергались видные представители интеллигенции, а также студенты, добивавшиеся элементарных демократических свобод.[29]

Уже при Ленине использовались все формы репрессий, присущие тоталитарному социализму: расстрелы, концентрационные лагеря, ссылки и т.д. Однако масштабы репрессий, их жестокость были еще далеки от эталонов, присущих тоталитарному социализму. Счет расстрелянных инакомыслящих шел на десятки, лишения свободы чередовались скорыми амнистиями, ссыльных направляли на жительство в обжитые районы европейской России. Высылавшиеся за рубеж обеспечивались пособием в валюте на дорогу и проживание до трудоустройства.[30] Законодательство запрещало надевать на заключенных цепи и кандалы, применять строгое одиночное заключение, лишать находившихся в изоляции пищи и посещений. Даже в 1928 г., по свидетельству бывшего сотрудника ГПУ Киселева-Громова, в концентрационных лагерях содержалось всего около 30 тыс. чел.[31]

Для полномасштабных массовых репрессий миллионов требовался экономический фундамент тоталитарного социализма, при котором принудительный труд вообще и труд миллионов заключенных в особенности составлял неотъемлемую составную часть всего хозяйственного механизма. Но во времена Ленина такого механизма, с присущим ему подневольным трудом еще не было. К его созданию были устремлены помыслы большинства руководителей компартии. Ленин же хотел использовать тоталитарную политическую надстройку и административные рычаги в целях дальнейшего проведения рыночных реформ, не совместимых с командно-административным распределением всего и вся. Поэтому его призыв к партии коренным образом пересмотреть точку зрения на социализм в свете рыночных отношений так и остался невостребованным.

Как известно, Ленин еще в 1918 г. утверждал, что национализация и конфискация сами по себе еще не совпадают с обобществлением производства и социализмом, поскольку продолжает сохраняться частно-хозяйственная стихия и

рынок. В связи с этим он призывал "наладить крупную, общегосударственную организацию производства на государственно-капиталистических началах." Теперь же с теоретическим признанием существования при социализме рынка и частного торгового интереса, казавшиеся в прошлом "государственно-капиталистическими начала" вместе с частно-торговым интересом и частным производством логически должны были превратиться в естественные атрибуты экономического механизма социалистического общества.

Сторонников его новой концепции, как и старых представлений о необходимости проведения в советской России государственно-капиталистических мер в рядах компартии было мало. Новая концепция, как и старая о государственном капитализме подвергалась за глаза и в меньшей степени в глаза критике партийного большинства. Подавляющее большинство партийных руководителей во главе со Сталиным добивалось скорейшей ликвидации нэпа и возврата к системе централизованного административного распределения. В этих условиях сторонники Ленина со своими рыночными представлениями о социализме неожиданно для себя оказались в меньшинстве в партии, которую он в течение многих лет успешно вел за собой. Положение усугублялось тем, что болезнь чрезвычайно сузила его возможности воздействовать партийный аппарат, чтобы отстоять свои новые решения вопроса о переходе к социализму.

Изучению этих решений посвящена предлагаемая читателю книга. Хотя нас отделяет от того времени почти три четверти века, их знание позволяет лучше понять не только последующие перипетии истории нашей страны, но и современность.

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

За годы войн и революций хозяйство России пришло в полный упадок. "Мы разорили страну, чтобы разбить белых", - говорил Троцкий.[32] Разорению подверглась не только промышленность, но и сельское хозяйство. Посевные площади уменьшились на 22%. Материальная база сельскохозяйственного производства при всей своей убогости катастрофически разрушалась. По сравнению с 1917 г. численность рабочего скота в 1921 г. сократилась на 16,6%, в 1922 г. - на 38%. Поступления в сельское хозяйство машин и орудий едва достигало 10% их фактического износа. В 1920 г. в сельском хозяйстве РСФСР не хватало около 3 млн. плугов, более одного млн. сеялок и других орудий труда.[33] В связи с этим при товарообороте внешней торговли менее 10% довоенного уровня страна была вынуждена с октября 1920 по май 1921 г. импортировать вместо машин и оборудования для промышленности 58 тыс. конных плугов и 3 млн. кос, что, естественно, не покрывало существовавшего дефицита.[34] В этих условиях, чтобы поднять из руин сельское хозяйство, требовалось прежде всего срочно менять аграрную политику.

Как известно, в годы гражданской войны большевики пытались наладить производство сельскохозяйственной продукции путем организации артелей и коммун. "Только при помощи общего, артельного товарищеского труда, - заявлял Ленин в 1919 г. , - можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война".[35] На основе артельного труда мыслилось создание крупных общественных хозяйств, социальной базой которых были сельские бедняки, пользовавшиеся в годы военного коммунизма многочисленными льготами. "Бедняцкая часть деревни, - писал об этом времени Ю. Ларин, - освобождена была от тяжести продразверстки. Бедняцкая часть при недостатке лошадей и орудий - бесплатно пользовалась рабочим скотом и инвентарем более зажиточных крестьян (чем разрешался вопрос о "производственном кредите"). Бедняцкая часть деревенских хозяйств, не отчуждая ничего от продуктов своего хозяйства (ибо не было избытков - на то она и бедняцкая), - все же в порядке снабжения, хотя и немного, но получала от наркомпрода: мануфактуру, соль и еще кое что."[36] Размеры льгот еще более возрастали, когда бедняки объединялись в производственные артели и коммуны. Только в 1919 г. на их организацию был выделен миллиард рублей.

Не трудно представить, какая ненависть возникала у середняков и зажиточных крестьян, когда изымавшиеся у них "излишки" частично передавались беднякам, а также тем, кто трудился в артелях и коммунах, или когда у них изымали в пользование бедняцких хозяйств, артелей и коммун рабочий скот, инвентарь и т. д. Этой ненависти способствовало и то, что, как пишет Л.Крицман, "государственный продуктообмен был не столько обменом между промышленностью и сельским хозяйством, сколько обменом продуктов промышленности на услуги бедноты в деле извлечения продуктов хозяйства зажиточных (не только, но и середняцких - Ю.И.) слоев деревни."[37]

Будучи в значительной мере деклассированными - уже переставшими быть крестьянами, но еще не ставшими наемными рабочими - , члены артелей и коммун не имели навыков к систематическому труду вообще и труду вне своих собственных хозяйств в особенности. Они привыкли время от времени трудиться, руководствуясь лишь текущими нуждами. Заботиться о завтрашнем дне у них не было

возможностей. Поэтому все, что они приобретали, либо поспешно потреблялось, либо бесхозяйственно расходовалось. В глазах добротно хозяйствующего крестьянина-единоличника бедняки, коммунары и члены артелей не без основания считались нахлебниками, существующими за их счет.

В неспособности артелей и коммун стать основой сельскохозяйственного производства в конце концов убедился и Ленин. Выступая в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде советов он заявил: "Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится."[38] Эту же мысль Ленин продолжал развивать и на X съезде партии, где он говорил, что опыт коллективных хозяйств "только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров."[39]

Несостоятельность производственных артелей и коммун объяснялась не тем, что в них по уравнительному принципу распределялась произведенная продукция, как нам доказывали в годы тоталитаризма, а тем, что они оказались несостоятельными как организации производства, способные обеспечить сельскохозяйственный подъем. Они могли существовать только в условиях крайне низких, малоопосредованных рынком потребностей производителей, которые удовлетворялись в основном за счет их натурального хозяйства, так или иначе подписывавшегося поборами с единоличных крестьян.

Не случайно, как только совершился переход к нэпу с его рыночными отношениями, сузившими возможность производственных артелей и коммун существовать за счет индивидуально хозяйствующих крестьян, они стали быстро приходить в упадок. "Создавшиеся в связи с новой экономической политикой экономические, правовые и гражданские отношения, - писал видный партийный деятель Я.Яковлев, - установив сочувственное отношение к советской власти средних слоев крестьянства, в то же время отняли у маломощных возможность подъема хозяйства за счет зажиточных (не только зажиточных, но и середняцких - Ю.И.) элементов, которая толкала их к поддержке советской власти в минувший период."[40] В условиях перехода к нэпу число коллективных хозяйств значительно сократилось. В 1921 г. было 3120 коммун, в 1923 г. их осталось 1672, соответствующие показатели для производственных артелей составили 10185 и 8130, для товариществ по совместной обработке земли - 2514 и 1605.[41] Не подлежит сомнению, что если бы не последовавшие специальные меры, предпринятые компартией, эти формы организации сельскохозяйственного производства в условиях развивавшегося рынка в недалеком будущем сошли бы на нет.

Убедившись в нежизнеспособности производственных артелей и коммун, Ленин настойчиво искал новые пути перехода деревни к социализму, но уже, избегая коллективизации, на основе вовлечения в рыночные отношения индивидуальных крестьянских хозяйств. В этой связи весьма показательны его "Планы брошюры "О продовольственном налоге", где он еще в марте-апреле 1921 г. записывал в виде памятки для себя: "Теперь *гвоздем, оселком* становится (стало) увеличение продуктов... Inde (отсюда - Ю.И.) "ставка" на середняка". "Старательный крестьянин, как центральная фигура хозяйственного подъема". "Страшен ли

социализму "индивидуализм" крестьянина? Его свободная торговля"? Нет"... "*Еще нет хозяйственной* базы *социализма.* В чем она? в *товарообмене с крестьянством*!! Здесь же на полях стоит NB. Весьма примечательна и его запись о кооперации: "*Кооперация*. Ее экономическая и политическая (меньшевики и социалисты-революционеры) сторона."[42]

Эти записи, во-первых, несомненно, вышли за рамки брошюры "О продовольственном налоге" и, во-вторых, в них присутствуют наброски тех самых мыслей, которые Ленин позднее развил в статье "О кооперации", наметившей принципиально новые пути развития российской деревни. Статья "О кооперации" фактически стала итогом долгих мучительных размышлений Ленина о путях преобразования российской деревни на социалистических началах. Она отнюдь не была сиюминутным плодом "невыносимости умственной бездеятельности", как цинично указывалось в рассылавшихся по инициативе Сталина письмах политбюро губкомам и обкомам относительно последних ленинских работ.

История ее написания такова. 1 января 1923 г. Крупская запросила по просьбе Ленина книги по кооперации. Представленный ею список включал практически все наиболее стоящие российские издания по этому вопросу. Среди них были "Кооперация и социализм" Н.Мещерикова (М., 1920), "Развитие кооперации в эпоху капитализма" И.Зассена (М., 1919), "Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации" А.Чаянова (М., 1919), "Социальные основы кооперации" М.И.Туган-Барановского (М., 1916), а также "Кооперативное движение в России. Его теория и практика" С.Н.Прокоповича (М., 1913). В этих публикациях обобщался опыт развития кооперации индивидуальных товаропроизводителей как в Европе, так и в России. Их авторами были описаны ее основные черты, включая связи с рынком без посредничества частного капитала, т.е. те черты, которые Ленин в интересах социализма собирался использовать в условиях советской России. С большинством полученных работ, он, повидимому, был знаком, поскольку еще с дореволюционных времен уделял аграрному вопросу постоянное внимание.

Уже 4 января 1923 г. Ленин начинает диктовать дежурным секретарям статью и затем читать после перепечатки продиктованный текст, внося в него правку. Работа над рукописью была закончена 6 января. 8 января Ленин дважды ее прочитал[43] и, судя по всему, остался доволен, так как 5 экземпляров рукописи по заведенному порядку были сохранены (один экземпляр оставался у него, один - в его секретариате и три экземпляра у Крупской), тогда как черновики по его распоряжению были уничтожены.[44]

До сих пор мы не знаем, когда действительно Крупская по поручению Ленина передала руководству партии рукопись статьи. Однако известно, что Троцкий в письме членам ЦК 16 апреля 1923 г. упоминал статью "О кооперации" как уже знакомую своим адресатам. Вместе с тем несомненен и тот факт, что руководство РКП(б) не хотело, чтобы она вышла в свет. Написанная в начале января она впервые была напечатана в "Правде" лишь в конце мая 1923 г. с припиской, что Крупская якобы только несколько дней назад передала рукопись в газету. Причем для ее публикации (беспрецедентный факт) потребовалось специальное разрешение политбюро. На его заседании 24 мая 1923 г. в присутствии членов политбюро Каменева, Сталина, Троцкого и кандидатов Бухарина, Калинина, Молотова и Рудзутака Зиновьев предложил: "Признать необходимым быстрейшее напечатание

статей Владимира Ильича (речь шла о статьях "О кооперации" и "О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова" - Ю.И.) переданных Надеждой Костантиновной, с обозначенной на них датой. Поручить тов. Бухарину переговорить с Надеждой Костантиновной о тексте примечаний."[45] Предложение было принято.

Беспрецендентность заключалась не только в том, что публикация ленинских статей разрешалась специальным постановлением политбюро, но и в том, что в качестве ее условия оговаривались специальные примечания, подразумевавшие их политическую трактовку. Неизвестно, какие закулисные переговоры велись в последующие дни. Обе статьи были опубликованы в "Правде" без специальных примечаний, однако их текст в ряде мест подвергся существенным искажениям.

В отношении статьи "О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова" это не трудно доказать, сравнив ее публикацию в "Правде" 30 мая 1923 г. с текстом в изданиях сочинений Ленина.

Судя по этим сравнениям искажениям подверглась первая часть статьи. Для удобства читателя мы в вариантах изданий его сочинений выделяем жирным шрифтом исправленный текст и пропуски, сделанные в редакции "Правды". В первом абзаце "Правды" мы читаем: "даже лучшие из них (речь идет о "русских мелкобуржуазных демократах и героях II интернационала" - Ю.И.) кормят себя оговорками, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов... Во втором и последующих изданиях ленинских сочинений этот текст выглядит так: "даже лучшие из них кормят себя **оговорчиками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого образца,** уже не говоря об этом свойстве мелкобуржуазных демократов...[46]

В третьем абзаце этой же части статьи текст "Правды" выглядит следующим образом: наши мелко-буржуазные демократы как и все герои II Интернационала "видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. Этот путь не может быть считаем образцовым иначе как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории)". Начиная с четвертого издания сочинений это место читается так: наши мелкобуржуазные демократы и все герои II Интернационала "видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. **И вот они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцовым mutatis mutandis (с соответственными изменениями) не иначе** как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории").[47]

Последний абзац 1-ой части статьи в "Правде" содержит пропуск. В газете писалось: "Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать каков этот определенный "уровень культуры"), ... У Ленина опять-таки в четветом и последующем издании его сочинений текст несколько иной: "Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать каков этот определенный уровень культуры, **ибо он различен в каждом из западноевропейских государств**),...[48]

У нас и сегодня нет уверенности в том, что в последних изданиях полностью восстановлен ленинский текст. В этой связи читатель может по достоинству оценить сделанное от имени партийного руководства заявление Каменева об отношении к ленинскому литературному наследию. "Мы обязаны, - писал он, - придерживаться

выработанных долгим опытом методов научного издания документов, гарантирующих подлинность воспроизведенного материала, дающего читателю максимальную возможность проверки добросовестности проделанной над воспроизводимым подлинником работы... В деле издания рукописей Владимира Ильича мы - "идолопоклонники"...[49] В действительности же многие работы Ленина в течение многих десятилетий тщательно скрывались от массового читателя либо сознательно искажались цензурой во имя последовательной защиты идеалов тоталитарного социализма.

Приведенные выше отступления от ленинского текста порой могут показаться незначительной мелочью, фиксация которой должна быть уделом только педантов. На самом деле они отражали определенную политическую линию, отличную от той, которую отстаивал Ленин. Существо разногласий фактически сводилось к тому, можно ли считать западноевропейский путь развития капитализма и демократии образцом или нет. Ленин утверждал, что да, можно, но с некоторыми поправками, которые предполагают "отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка" развития общеисторических закономерностей. В связи с этим он рассматривал российскую революцию как своеобразную, обусловленную отсталостью разновидность западно-европейского движения к социализму.

Иначе представляли роль России в мировой истории те, кто корежили ленинскую статью. Для них эталоном во всем была советская Россия, призванная, по их мнению, облегчить по своему образцу роды нового общества во всем мире. Этот путь, разумеется, был не совместим даже с поправленным западно-европейским образцом, ибо уже тогда отражал набиравшие силу тенденции построения в России тоталитарного социализма, призванного по замыслам его творцов утвердиться во всем мире.

Не трудно заметить, что подобные разногласия в модифицированном виде продолжают сохраняться и в наше время. Сегодня они сводятся к тому является ли Россия составной частью индустриально развитого сообщества с присущими ему закономерностями или она остается неповторимо самобытной страной, развивающейся в силу своей "социалистической предрасположенности" впереди планеты всей. Причем в отличие от прошлого те, кто придерживаются первой точки зрения, обычно открещиваются от Ленина, тогда как те, кто отстаивают русско-центристские взгляды, сплошь да рядом объявляют себя наследниками его учения.

С решением этих проблем была непосредственно связана и судьба ленинской статьи "О кооперации". Разногласия сводились к тому - идти ли российской деревне по западноевропейскому пути, создавая кооперацию индивидуальных товаропроизводителей или по пути "авангардно" российскому, создавая колхозы. Этой статье повезло еще меньше, чем статье "О нашей революции". До сих пор мы знаем о ней только по публикациям в "Правде" 26 и 27 мая 1923 г. Ее продиктованная Лениным запись так и не увидела свет, продолжая и сейчас храниться где-то за семью печатями недрах бывшего партархива.

Причина здесь одна: она подверглась еще большей фальсификации, чем статья "О нашей революции". В течение многих десятилетий ей приписывался призыв к крестьянам вступать в колхозы. В последних статьях, указывается в печально знаменитом "Кратком курсе", Ленин "наметил план построения социализма в нашей

стране путем вовлечения крестьянства в дело социалистического строительства...В кооперации вообще и сельскохозяйственной кооперации в особенности, Ленин видел доступный и понятный миллионам крестьян путь перехода от мелкого единоличного хозяйства к крупным товарищеским производственным объединениям - колхозам."[50]

В действительности же в статье речь шла о производящем для рынка крестьянине-единоличнике, который, сохраняя свое индивидуальное хозяйство, был призван стать активным участником кооперативного движения. "В нэпе - писал Ленин, - мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов."[51] По его мнению, оставалось "сделать еще очень немного с точки зрения "цивилизованного" (прежде всего грамотного) европейца", чтобы крестьяне участвовали в кооперативных операциях."[52] По Ленину строем социализма в условиях послереволюционной России должен был стать понятный каждому грамотному европейцу "строй цивилизованных кооператоров", производивших в своих частных хозяйствах продукцию для рынка.

Именно из-за неприятия руководством компартии этих идей статья "О кооперации" фальсифицировалась не только с точки зрения трактовки общих целей и задач, которые в ней ставились, но и текстуально. В ряде мест это видно даже невооруженным глазом. В частности, в опубликованном в "Правде" тексте мы читаем, что в России "государственной власти принадлежат *все* (курсив наш - Ю.И.) средства производства."[53] Такого Ленин, выделявший многочисленные хозяйственные уклады, написать никогда не мог. Не мог он такого написать и о будущей социалистической России, где, как он считал, будет как государственная, так и кооперативная, а также частная собственность на средства производства. Рассматриваемая фраза безграмотна и противоречит тому, что пишется ниже, где говорится о власти государства только "на все крупные средства производства."[54] Принадлежность каждой из этих формулировок редакции ли "Правды" или Ленину не вызывает сомнения.

Как мы уже отмечали, Ленин ставил вопрос о необходимости вовлечения крестьян в кооперацию в качестве индивидуальных товаропроизводителей, соединяя при этом их частный торговый интерес с контролем государством. Этой мысли противоречит в тексте "Правды" фраза о том, что нужно "научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении."[55] *Всякий* мелкий крестьянин, как уже давно убедился Ленин, не мог стать кооператором, ибо бедняк был не в состоянии регулярно производить в своем хозяйстве товарную продукцию. Кооперация должна была объединять преимущественно хозяйствующую часть деревни, а именно середняков и зажиточных, которые, говоря языком Ленина, были старательными крестьянами, призванными обеспечить хозяйственный подъем. Что же касается "*всяких* мелких крестьян" из полудеклассированной бедноты, то они могли стать субъектами рыночных отношений только в качестве наемных рабочих, ибо кроме своих рук им

нечего было продавать.

Большим искажениям подверглась и вторая часть статьи. В частности, в тексте здесь вставлена фраза о "предприятиях последовательно социалистического типа""[56] Ленин такого никогда не писал. Он считал, что в России еще нет предприятий "последовательно-социалистического типа". Это вытекает, например, из написанного им годом раньше "Проекта тезисов о роли и задачах профсоюзов", впервые опубликованном лишь в пятом издании его сочинений, где указывалось, что перевод госпредприятий на хозрасчет означает перевод в "значительной степени на коммерческие, капиталистические основания." К тому же отсталость, он считал, главным препятствием на пути установления социалистической гармонии интересов между нанимателем и рабочими, которым, как он полагал, принадлежат фабрики и заводы, где они трудились. "В связи с настоятельнейшей необходимостью, - писал он, - повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия" неминуемо возникает "известная противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому и по отношению к госпредприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защиты классовых интересов пролетариата и трудящихся масс против их нанимателей."[57]

Как нередко бывает с теми, кто наблюдает противоречия еще только рождающегося нового общественного строя (в данном случае "известная противоположность интересов между массой рабочих и директорами, управляющими предприятиями или ведомствами") новые антагонизмы представляются им как остаточные антагонизмы предшествующих эпох. У Ленина не было сомнения в том, что рассматриваемые противоречия носят объективный характер, тогда как большинство руководителей российской компартии, не соглашаясь с ним, видело в них лишь "бюрократические извращения госаппарата", или, говоря иначе, объясняло их возникновение исключительно субъективными причинами.[58]

Вряд ли принадлежит Ленину и положение о том, что в условиях аграрного строя России предприятия кооперативные "отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству..."[59] Согласно этой формулировке ни индивидуальный крестьянин ни сама кооперация не имеют собственных средств производства. Зато она весьма близка к господствовавшим в партийных рядах представлениям о производственных артелях и коммунах, хозяйствовавших преимущественно средствами производства, принадлежащими государству.

Таким образом, читая статью Ленина "О кооперации", приходится быть очень внимательным, иначе обязательно можно вляпаться в гадости цензуры. Хотя текст статьи фальсифицировался, полностью вытравить ленинские идеи не удалось. Но и не печатать статью в обстановке обострявшейся внутрипартийной борьбы было нельзя. Для захватившего власть триумвирата - Сталина, Зиновьева и Каменева - отказ от ее публикации был равносилен отказу от признания себя гарантом продолжения ленинского курса, что было бы равносильного признанию своего

политического банкротства. Авторитет Ленина в партии в то время был непоколебим.

В связи с этим и сам триумвират и те, кто его поддерживал, старались по мере возможности вообще не упоминать кооперацию. Типичным примером в этом отношении могут служить статьи Зиновьева "Ближайшие задачи партии после кончины Ленина" и Стучки "Ленин и аграрный вопрос", в которых о ней не говорится ни слова. [60] О том, какое раздражение вызывала в партийных верхах статья "О кооперации" можно судить, например, по следующей реплике Зиновьева: "С этой статьей происходят такие казусы. Даже наши видные партийные деятели замечают только первую часть статьи, а вторую часть, относительно сознательного кооперирования населения, создания кооперативного строя, относительно такой постановки дела кооперации, которая дала бы возможность через кооперацию действительно вытеснить частный капитал - они пропускают мимо ушей."[61]

Так, как Зиновьев, могли говорить только те, кто под видом ленинского курса стремился проводить старую политику создания в деревне производственных артелей и коммун, где действительно не было места для частного капитала. Между тем в статье "О кооперации" впервые в истории российской компартии утверждалось, что при социализме будет существовать "частный торговый интерес", подчиненный общим интересам, а следовательно, и частное производство, частный капитал и рынок, в связи с чем как раз во второй части статьи, о которой говорил Зиновьев, ставился вопрос о "коренном пересмотре всей точки зрения на социализм".

Естественно, что призыв к "коренному пересмотру всей точки зрения на социализм" порождал множество вопросов. Обойти их совершенно было нельзя, а обсуждать публично было нежелательно. В связи с этим откровенные дискуссии проводились лишь в закрытом порядке на самом высоком в партийной иерархии уровне. В частности, 26 июня 1923 г. проводился Пленум ЦК РКП(б), обсуждавший вопрос о кооперации в связи со статьей Ленина "О кооперации". О пленуме и его решениях, не говоря уже о выступлениях участников не сообщалось даже в "Правде". До сих пор о нем не упоминается ни в одном из многочисленных изданий под названием "КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК". Лишь издававшиеся ограниченным тиражом для партийной верхушки "Известия ЦК Российской коммунистической партии" поместили после пленума в "Отчете Центрального Комитета РКП(б) за май -июнь 1923 г." краткое сообщение о принятых решениях, которые должны были стать руководящей установкой. Установка сочетала славословие в адрес Ленина, (ему через 2 недели, 8 июля 1923 г., присвоили звание Первого почетного кооператора) с набором мер, не вносивших ничего заметно нового в организацию работы кооперации. В частности, в постановлении указывалось, что "статьи тов. Ленина поставили вопрос о кооперации в новой плоскости, открыв грандиозные перспективы ее развития". Что же касается мер, то это были уже давно набившие оскомину призывы о соблюдении добровольности членства, усилении внимания к низовым ячейкам, максимальном усилении влияния партии и т. д. Подобные меры не "ставили вопрос в новой плоскости" и не открывали, не говоря о грандиозных, никаких новых перспектив.[62]

Что касается открытых дискуссий в печати, то они изобиловали преимущественно материалами, доказывавшими необходимость создания производственных артелей и коммун, тогда как редкие материалы оппонентов, так или иначе отстаивавших ленинские идеи, подвергались мягкой критике без обычного

приклеивания политических ярлыков. Тон дискуссии задавала "Правда", на страницах которой лишь через полмесяца после опубликования статьи "О кооперации" впервые появился неофициальный комментарий в виде серии статей члена правления Центросоюза М.Х. Кантора под рубрикой "По поводу статей Ленина "О кооперации".[63] Ее главный лейтмотив сводился к тому, что в ленинских статьях нет ничего принципиально нового, что партия уже давно делает то, к чему призывает Ленин, ставя вопрос о кооперации. "Сам по себе вопрос о социалистическом строительстве через посредство кооперации не нов - писал М.Х. Кантор, - открывая рубрику. Он санкционирован еще 8-м съездом партии и впоследствии неоднократно поднимался. Разумеется не с той определенностью и не с той последовательностью и не с той прочной увязкой теории с практикой".

По его мнению, задачи кооперации в свете ленинской постановки вопроса должны были, как и в прошлом, сводиться лишь к роли "посредника между городом и деревней" и проведению "ряда мер по организации культурного шефства" города над деревней.[64] Ни в одной из последовавших потом серии его статей не было ни слова ни о частном торговом интересе, подчиненном общему интересу, ни о частном капитале, который представлял этот частный интерес. Партийное руководство предпочитало публично игнорировать либо отрицать существование подобных мыслей у Ленина.

Идеи Ленина о кооперации настолько расходились с привычными представлениями российских коммунистов о путях развития деревни, настолько глубоко были связаны с переменой их взглядов на социализм, что оказались непонятными даже многими близкими ему людьми. Для них камнем преткновения оставалось признание возможности существования при социализме каких либо форм частного производства и рыночных отношений. Достаточно сказать, что в этих вопросах Ленина не поняла даже Крупская. Об этом, например, свидетельствует ее трактовка статьи "О кооперации". "Последняя его статья, - писала она, - раскрывает формы этой борьбы (борьбы за социализм - Ю.И.). Борьба должна развертываться на экономической базе между капитализмом частнохозяйственным и капитализмом "кооперативным". Советская власть должна всеми силами поддерживать капитализм "кооперативный"... Кооперация - зародыш коллективистской формы хозяйствования. Это росток хозяйственной формы будущего."[65] Для Крупской кооперация индивидуальных производителей и после ленинской статьи оставалась разновидностью капитализма, а не той формой производства, которая в российских условиях, как указывал Ленин, "сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом".[66] Подлинно социалистическими она считала лишь производственные объединения крестьян - артели и коммуны. Поэтому, ссылаясь на прежние работы Ленина она утверждала, что "Владимир Ильич говорил о кооперации имея ввиду не торговую только кооперацию, но он говорил и о хозяйственной кооперации. Он считал, что самое важное - это устройство жизни крестьянина через объединение мелких хозяйств."[67]

После публикации статьи "О кооперации" подавляющее большинство российских коммунистов в худшем случае считали ее феноменом капитализма, как, например, начинающий тогда идеолог эпохи сталинизма Жданов, утверждавший, что "линия кооперации не есть линия социалистическая, а есть линия капиталистическая."[68] В лучшем же случае они воспринимали ее не как готовую

производственную ячейку социалистического общества, а лишь как переходную ступень к такой ячейке.

С этой точки зрения весьма примечательна позиция Бухарина, по мнению которого "в своей статье "О кооперации" т. Ленин впервые (мы подчеркиваем это впервые) ответил утвердительно на вопрос о возможности некапиталистической эволюции сельского хозяйства через кооперацию, об эволюции крестьянского хозяйства к социализму, минуя стадию капиталистических отношений."[69] Конечной же остановкой на этом некапиталистическом пути, по видению Бухарина, были призваны стать колхозы. "Чисто производственная" точка зрения, - писал он позднее, - совпадает с точкой зрения "классового замещения", постепенного замещения капиталистических элементов сельского хозяйства возрастающей коллективизацией индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств и обобществлением сельскохозяйственного производства."[70] А это в свою очередь, в конечном счете, по его мнению, должно было привести "к победе социалистических, плановых начал, что было бы не чем иным, как "процессом сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья."[71]

В статье "О кооперации" Ленин предлагал, используя рыночные связи, превратить частные хозяйства крестьянских товаропроизводителей в составную часть общественного производства, организованного на кооперативных началах. В отличие от него его оппоненты в качестве ведущей ячейки общественного производства видели колхозы, призванные существовать в условиях, в лучшем случае не выходящих за рамки эмбриональных рыночных отношений.

Ленинская статья послужила импульсом обострившим противоречия между теми, кто ратовал за развитие рыночных связей, и теми, для кого рынок оставался исчадием ужасов капитализма. Однако в целом сами противоречия пока оставались незрелыми, они еще не сказывались на политической практике. Нэпу с порожденным им рыночными связями не исполнилось и двух лет. Это обстоятельство во многом предопределило более или менее спокойный характер дискуссии, которая была лишена обычной большевистской беспощадности спорящих сторон.

Споры носили преимущественно теоретический характер, но за ними скрывалась борьба за выбор пути российской деревни: создавать ли ей общественное производство на кооперативных началах, сохраняя при этом индивидуальные крестьянские хозяйства, как это делалось в Западной Европе, или пойти по пути организации производственных артелей, так или иначе ставших позднее достоянием коммунистических стран Востока. Россия, как правильно указывал Ленин, - стоящая на границе стран цивилизованных и стран всего Востока, стран вне-европейских "могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным."[72] Именно пограничное положение России между Западом и Востоком определяло большие возможности альтернативного развития русской деревни.

Как известно, западно-европейский путь капиталистической трансформации сельского хозяйства был обусловлен продолжительным периодом становления на одном полюсе частных хозяйств, использующих наемный труд, и превращением мелких крестьян в наемных рабочих на другом - , тогда как промежуточные слои,

представленные владельцами семейных хозяйств, вымывались, тяготея к этим полюсам. В ходе этих процессов широкие массы разорявшихся производителей отделялись от средств производства. В связи с этим в западноевропейских странах еще задолго до возникновения марксизма делались попытки соединения их вновь со средствами производства на базе создания самоуправляемых производственных коллективов.

Такие коллективы, как правило, не выдерживая конкуренции частного капитала, весьма быстро разорялись, а их члены в конце концов превращались в наемных рабочих. Тем не менее социалисты того времени, отражавшие помыслы разорявшихся мелких собственников, считали подобные кооперативы вполне жизнеспособными производственными ячейками грядущего социалистического общества. Их быстрый распад они объясняли пагубным воздействием рынка и отсутствием действенной государственной поддержки. Очертания того аграрного строя, который сегодня мы называем аграрным строем тоталитарного социализма, были намечены еще задолго до Маркса. Их не трудно заметить и в работах многих немарксистских социалистов XIX века. В частности, эти контуры присутствуют в работах Луи Блана, в которых он призывал создавать в будущем производительные товарищества при активной поддержке государства. Не менее четко они видны и в работах Ф. Лассаля, полагавшего, что государство должно управлять всей совокупностью хозяйственной жизни, представленной производительными ассоциациями. "Если, - писал он, - рабочее сословие является собственным предпринимателем, то исчезает всякое противоречие между заработной платой и предпринимательской прибылью, а, следовательно, исчезает вообще заработная плата. На ее место в качестве оценки труда выступает продукт труда."[73]

В Западной Европе первой половины XIX в. зарождавшееся социалистическое движение во многом еще виделось движением разорявшихся мелких производителей, способных при государственной поддержке создавать свои собственные самоуправляемые производственные коллективы. Не избежал подобных представлений и Маркс, когда, имея в виду производственные кооперативы, писал: "рабочие доказали, что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом наемных рабочих." И далее: "чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства."[74] Подобные идеи отражали представления начальной стадии формирования директората, обусловленной в обстановке массового разорения частных собственников зарождением фабричного производства, которое давало возможность меньшинству разорившихся становится его организаторами. Возникавшие на основе последних политические движения требовали насильственного устранения капиталистов из сферы производства, где они занимали то место, которое зарождавшийся директорат стремился занять.

Их идеалом была огосударствленная экономика, в которой производственная кооперация была призвана занимать подчиненное место. "А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству, - писал Энгельс, - нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, - в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело

должно быть поставлено так, чтобы общество - следовательно, на первое время государство - сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом."[75]

Производственное кооперирование казалось тогда той формой объединения производителей, которая могла позволить им хозяйствовать без капиталистов. Однако во второй половине XIX в. развитие кооперации Западной Европе пошло по иному пути. Вместо производственных коллективов здесь стали успешно расти особенно в сельском хозяйстве кооперативы индивидуальных товаропроизводителей. Те самые товарно-денежные отношения, которые в прошлом только разоряли владельцев семейных хозяйств, теперь на новом, более высоком витке исторического развития стали принуждать их объединяться но не для ведения совместного коллективного производства, а для того, чтобы иметь возможность, пользуясь благами кооперации, индивидуально производить для рынка без посредничества торгового капитала. Исторически, не кооперация индивидуальных товаропроизводителей предшествовала в деревне кооперации производственной, как утверждала пропаганда в годы тоталитарного социализма, а наоборот, последняя, как правило, предшествовала первой.

В Западной Европе толчком к росту в деревне кооперации индивидуальных товаропроизводителей послужил кризис 60-х годов XIX в., вынудивший интенсифицировать сельскохозяйственное производство, что повлекло за собой "быстрое проникновение в деревню денежного хозяйства и сопровождалось чрезвычайным обострением нужды крестьянина в денежных средствах."[76] В условиях интенсификации сельскохозяйственного производства множились связи крестьян с рынком, чему препятствовало посредничество частного капитала, стремившегося обобрать крестьянина до нитки. На этой почве начался рост кооперативного капитала индивидуальных товаропроизводителей, который используя льготный кредит, оптовые закупки и продажи за собственный счет разрушал рыночные связи крестьян с оперировавшими торгово-ростовщическими методами частными предпринимателями.

С конца XIX в., в Западной Европе множились различные виды кооперативных обществ: кредитные, закупочные (они снабжали крестьян минеральными удобрениями, кормами, семенами, инвентарем и т. д.), а также сбытовые, строившие, в частности, собственные зернохранилища, чтобы иметь возможность выжидать рост цен на рынке. Подобные однофункциональные кооперативы, разумеется еще не могли полностью избавить крестьян от торгового посредничества частных предпринимателей. Поэтому общей тенденцией было становление многофункциональных кооперативных товариществ, сочетавших кредитные, снабженческие и сбытовые функции. В результате индивидуальные крестьянские хозяйства превращались в составную часть крупного производства, организованного кооперативом, который, снабжая крестьян средствами производства, диктовал что и как производить.

Этот диктат кооператива неизмеримо возрастал, когда кооператив сам переходил к собственной переработке сельскохозяйственного продукта, как это было, например, еще в начале XX в. в маслоделии и сыроварении. Переработка всегда предъявляет строгие качества к поставляемому сырью, в данном случае к молоку.

А это предполагает, что крестьянин должен обладать скотом определенной породы и соответствующим кормами, строго соблюдать предписания по содержанию стада, соблюдать ветеринарный контроль и т. д. В таких случаях индивидуальные крестьянские хозяйства становились аграрными подразделениями кооперативного промышленного производства, легко поддающегося общественному контролю.

Наконец, последнее по месту, но не по важности. В условиях организованного кооперативами интенсивного сельскохозяйственного производства семейные хозяйства стали обладать преимуществом по сравнению с теми, в которых использовался наемный труд. У них была выше производительность труда из-за большей тщательности выполнения сельскохозяйственных операций, недоступной наемному работнику, и меньше издержек из-за отсутствия затрат на заработную плату, вырастающую вместе с товарностью производства.

Раньше, при экстенсивных методах ведения хозяйства наивысшая производительность труда достигалась там, где имелась возможность возделывать большие площади, требовавшие применения труда многих рабочих, тогда как в семейных хозяйствах, вынужденных компенсировать недостаток земли интенсификацией производства, производительность труда быстро падала в соответствии с законом убывающего плодородия. Теперь же в условиях существования кооперативов индивидуальных товаропроизводителей семейные хозяйства становились более доходными, начиная теснить хозяйства, использующие наемный труд.

Разумеется, во времена Ленина отмеченные тенденции еще не стали всеобъемлющими. Тем не менее, это не помешало ему, обобщая опыт аграрного развития Западной Европы, признать кооперацию, сочетавшую частный торговый интерес с интересом общим, кооперацией социалистической, правда с оговоркой, что такая кооперация становится социалистической лишь тогда, когда у власти стоят коммунисты (согласно его риторике рабочий класс) а собственность на землю и крупную промышленность принадлежит государству.

В отличие от Западной Европы развитие капитализма в деревне России имело свои отклонения, которые, как указывал Ленин, действительно были незначительными "с точки зрения всемирной истории", но весьма существенными с точки зрения исторических судеб страны. В то время как в Западной Европе уже наступал закат концентрации земли в хозяйствах товаропроизводителей, использовавших наемный труд, в России этот процесс, набирая высокий темп, только начинался. Накануне крестьянской реформы 1861 г. страна была уже настолько беременна рынком, что после ее проведения, несмотря на господство унаследованного от феодальной эпохи трехполья, сельское хозяйство стало стремительно товаризироваться, порождая владельцев капиталистических хозяйств и наемных рабочих, тогда как в Западной Европе этот процесс начинался в условиях более высокого уровня производительных сил, в условиях порожденных капитализмом плодосменных севооборотов.

Великая историческая заслуга русских марксистов заключается в том, что они, развенчивая народнические предрассудки о социалистическом менталитете русского мужика и общины, еще в XIX в. четко зафиксировали "европейские" процессы поляризации деревни на владельцев капиталистических хозяйств и наемных рабочих. Первым эту поляризацию с общественно значимыми выводами

зафиксировал Плеханов, за ним Ленин, проанализировавший громадный статистический материал. "Как и всякие мелкие производители, - отмечал, в частности, Ленин, - наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата..."[77]

Исходя из международного опыта развития капитализма, Ленин в первое десятилетие XX в. полагал, что России еще предстоит борьба за выбор путей капиталистического развития деревни - между помещичьим, который он называл прусским, и крестьянским, который он называл американским. Но история распорядилась иначе. Преодолевая отставание, она сокращала фазы исторического развития, нагромождая при этом громадные завалы из не успевавших исчезнуть остатков тех стадий, которые она стремительно (по меркам обычного исторического развития) преодолевала. В связи с этим в России самые ультрасовременные формы соседствовали с такими пережитками прошлых эпох, которые передовые страны Западной Европы уже давно не знали, что неминуемо влекло громадное обострение всех противоречий. Одним из их проявлений был быстрый рост в полуфеодальной стране кооперативов частных товаропроизводителей. По числу их членов Россия перед революцией занимала первое место в мире.[78]

Зигзаги истории во истину неисповедимы. Кооперативы здесь создавались при поддержке полуфеодального государства, тогда как большевики, боровшиеся за социализм, самоустранялись от кооперативного движения, считая обманом, "будто "всевозможные кооперации" играют революционную роль в современном обществе и подготавливают коллективизм, а не укрепление буржуазии".[79] Решая сиюминутные задачи ослабления противоречий между помещиками и крестьянами, царское правительство (с точки зрения долгосрочных перспектив оно их только обостряло), начиная с 1904 г., стало предоставлять ссуды для создания в деревне кредитных товариществ.

Там, где предоставлялась возможность интенсифицировать производство, эти товарищества перерастали в многофункциональные кооперативы. Среди них выдающееся место заняли кооперативы, производившие масло и сыр. В частности, до революции ежегодный экспорт только сибирского масла, производившегося кооперативами, стоил столько же, сколько годовая выработка сибирских золотоприисков.[80] Что же касается сыра, то вкус таких производившихся тогда сортов, как честер, бакштейн, эдамский, зеленый и французские сыры и т. д. мы познали вновь только после краха тоталитарного социализма да и то первоначально преимущественно в зарубежном исполнении.

Нет сомнения, что до революции капитализм в российской деревне развивался по европейскому образцу, одновременно охватывая весь спектр порождаемых им стадий, включая в том числе и ту, на которой стали возникать производственные формы, присущие социализму. Однако ведущее место среди них занимала та из них, которая была обусловлена развитием экстенсивного производства, сопровождавшимся концентрацией земли и скота в частных капиталистических хозяйствах и раскрестьяниванием деревенских низов, становившихся наемными рабочими.

Этот исторически сжимавшийся путь развития аграрного капитализма по западноевропейскому образцу был прерван Октябрьской революцией, после победы

которой российская деревня, как по волшебству, оказалась на ступени с чертами, присущими начальной стадии капитализма Востока, где ведущую роль в аграрном секторе в то время играл скупавший крестьянскую продукцию торгово-ростовщический капитал, а не капитал, использующий наемный труд. Дело в том, что последовавшие после победы революции аграрные преобразования уничтожали не только феодальные пережитки, но и частно-капиталистические хозяйства, втягивавшие, низы в рыночные отношения в качестве наемных рабочих. Возможности использования в деревне наемного труда резко сократились. Деревенские низы, получавшие по реформе землю, из наемных рабочих с наделом, как правило, становились мелкими крестьянами, которые, не имея в достатке орудий труда и рабочего скота, были не в состоянии существовать за счет собственных хозяйств и поэтому постоянно влезали в долги. В связи с этим сократилась средняя урожайность в крестьянских хозяйствах. "С одной десяны в довоенное время, - пишет Л.Б. Красин,- наш крестьянин получал в среднем 50 пудов зерна. В настоящее время средний урожай составляет всего 30-35 пудов с десятины".[81]

В годы военного коммунизма гигантски возросшая масса крестьян, не обладавших почти ничем, кроме земли, еще кое-как могла выживать за счет остальной деревни, принуждаемой к этому посредством военно-административных мер. С ликвидацией этих мер и переходом к рынку их торгово-ростовщическая эксплуатация усилилась, поскольку, не имея возможности существовать за счет своих наделов, они в условиях резко сократившегося рынка рабочей силы, стали намного больше, чем прежде, прибегать к займам средств производства и предметов потребления у своих состоятельных соседей.

Место капиталиста, главным источником дохода которого служил наемный труд в его хозяйстве, занял капиталист, основным источником доходов которого были торговля и ссуды мелким крестьянам, порождавшие различного рода отработки. В частности, как указывалось в резолюции XII съезда РКП(б), в условиях нэпа "начинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых, ростовщических условиях, изъятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т. п."[82]

Объектом эксплуатации такого кулачества был не наемный рабочий, а пауперизированный мелкий крестьянин. "Мы знаем, - говорил Каменев, - что среди крестьянства есть расслоение и мы знаем, что в крестьянстве растет новый кулацкий строй. Не старый, который вырастал на дворянском землевладении, - такого строя нет и мы его недопустим - а новый кулацкий строй, который возник благодаря нэпу и свободной торговле, который мы не можем отменить."[83] Утверждая так , Каменев не замечал, что в "новом кулацком строе" в отличие от старого доминировали не отношения найма, а отношения, свойственные торгово-ростовщическому капиталу. В советской деревне эти отношения стихийно развивались снизу, тогда как на колониальном Востоке они целенаправленно насаждались сверху иностранными банками и коммерческими фирмами, скупавшими за бесценок крестьянскую продукцию.

По степени вовлеченности в рыночные отношения советская деревня намного уступала дореволюционной. "Перед войной, - указывалось в одной из докладных записок Сталину и Рудзутаку, - денежная часть крестьянского бюджета доходила

по некоторым районам до 40 и даже 50% . За время войны и революции денежно-товарная часть крестьянского бюджета сократилась. Тем не менее даже в 1920-21 г. она составляла в среднем 10%, а по некоторым районам доходила до 20,8%... Покупательная сила деревни определялась перед войной более, чем в 2000 млн. зол. рублей. или более, чем 20 руб. на душу. В 1922 г. она составляет не более 500 млн. зол. рублей или около 5 руб. на душу."[84]

В условиях натурализации хозяйственной жизни изменились процессы расслоения деревни. Раньше ведущей тенденцией разорения мелких крестьян было "освобождение" их в конечном счете от земли и превращение в наемных рабочих. Теперь же оказавшись в торгово-ростовщической кабале, они, как правило, по-прежнему оставались крестьянами, обладающими землей. Главным "предметом" расслоения, - обосновано указывал А. Айхенвальд, - является не земля, а скот, инвентарь, хозяйственные постройки и т. д."[85] С точки зрения превращения мелких крестьян в наемных рабочих процесс таким образом оставался незавершенным. На эти последствия эксплуатации торгово-ростовщического капитала первым обратил внимание еще в конце XIX в. А.Л. Гельфанд (псевдоним Парвус), а за ним и Ленин.[86] И тот и другой в этой связи выделяли "непролетарское обнищание", которое они рассматривали как побочный процесс расслоения крестьянства на сельскую буржуазию и пролетариат.

Но то, что в Европе и в дореволюционной России было действительно побочным феноменом, то в российской деревне 20-х гг. подобно деревне всего Востока стало нормой, определявшей мучительный процесс обнищания широких крестьянских масс и превращения их в пауперов в масштабах намного превышавших их пауперизацию в процессе превращения в наемных рабочих. По данным Каменева маломощные, не в состоянии самостоятельно хозяйствовать дворы составляли в российской деревне 63%.[87] По сравнению с довоенным временем число их заметно возросло - в дореволюционной деревне их было менее 50%.[88], но последние жили лучше тех, кто проживал в советской деревне, так как у них был источник существования в виде труда по найму. Доля же кулаков за это время заметно сократилась - с 20% до 3-5% (в условиях преобладания торгово-ростовщичества их всегда значительно меньше, чем там, где широко используется наемный труд). Что касается середняков то их удельный вес практически остался неизменным, составляя приблизительно 30%. Утверждения о массовом осереднячивании крестьянства в годы революции, утверждения о том, что середняк стал центральной фигурой советской деревни - не более, чем мифы, рожденные тоталитарной пропагандой.

Идея осереднячивания деревни была выдвинута Лениным в годы военного коммунизма, когда он считал, что с помощью государственных мер можно поднять хозяйства бедняков до середняцкого уровня. Последний раз он об этом говорил в самом начале перехода к нэпу, когда иллюзии военного коммунизма еще не были полностью им преодолены. В частности, выступая 9 апреля 1921 г., он утверждал: "Беднота этот непосредственный переход земли у помещиков могла использовать очень мало, ибо у нее не было для этого ни материалов, ни орудий. И вот мы видим, что беднота организуется, чтобы не дать кулакам захватить отобранные земли. Советская власть оказывает помощь возникшим комитетам бедноты у нас и "комнезаможам" на Украине. Что же получилось в результате? В результате

получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки". Однако переход к рынку, как мы уже показали, окончательно подорвал основы государственного вспомоществования, оказавшегося неспособным поднять производство в бедняцких хозяйствах. Неслучайно об осереднячивании деревни Ленин позднее уже не говорил. Для тех же, кто добивался реставрации тоталитарной экономики, "достижения" государственного вмешательства в экономическую жизнь составляли неотъемлемый элемент проводившейся ими пропаганды.

С публикацией статьи Ленина "О кооперации" четко обозначились два пути перехода к социализму российской деревни. Один предполагал создание при поддержке государства производственных коллективов, используя возможности начальной стадии развития аграрного капитализма с присущим ей обширным слоем полупролетаризированных крестьян не способных самостоятельно хозяйствовать в условиях рынка, другой - создание кооперативов частных товаропроизводителей, используя возможности конечной стадии развития того же капитализма, когда частное товарное производство уже стало превращаться в составную часть общественного, объединявшего в кооперативах индивидуальных товаропроизводителей. На почве отстаивания первого пути в России широко пропагандировались уже переставшие котироваться в Западной Европе идеи о переходе к социализму посредством организации производственных артелей, на почве второго - впервые среди коммунистов прозвучал призыв пересмотреть ортодоксальные марксистские взгляды на рынок и строить социализм, совмещая частный торговый интерес с интересом общественным.

По замыслу Ленина крестьяне-товаропроизводители были призваны составить массовую базу кооперативного движения. В российской деревне такими крестьянами были прежде всего середняки. Участие бедняков в намечаемой им кооперации могло быть скорее исключением чем правилом. Их мизерные от случая к случаю продажи были продажами из нужды и у них не было даже денег для уплаты членских взносов для вступления в кооператив. "Мы часто наталкиваемся на то, - говорил Вельман на заседании комиссии по торговле и кооперации на XIII съезде РКП(б), что средний крестьянин может войти в кооператив и внести свой пай в размере 5 рублей, но бедняк своего пая внести не может."[89]

Условием и предпосылкой развития кооперации частных товаропроизводителей был рост рынка, а вместе с ним и рынка рабочей силы, происходившего как на базе расширения кооперативного промышленного производства в самой деревне и интенсификации рыночных связей последней с городом, так и расширения городского производства и сферы услуг. В связи с этим непролетарское обнищание масс должно было смениться превращением их в наемных рабочих, которые как показывает история, всегда живут лучше закабаленных торговым капиталом мелких крестьян. А это в свою очередь позволило бы на базе рынка ликвидировать существовавшее в российской деревне громадное аграрное перенаселение, ростом которого постоянно пугали сторонники преобразования деревни на колхозных началах.

В развитии этих тенденций были непосредственно заинтересованы и жители крупных промышленных центров, жизненный уровень которых напрямую определялся степенью развития рыночной экономики. Их настроения разделяли также тесно связанные с партийно-государственным аппаратом директора

промышленных (особенно крупных) предприятий, которых рынок избавлял от мелочной опеки сверху, позволяя самостоятельно решать хозяйственные вопросы в зависимости от складывавшейся конъюнктуры. Им постоянно приходилось отражать наскоки тех, кто, как Ю. Ларин, выступал за свертывание рыночных связей. "Появилось, - писал он, - некоторое тяготение к своего рода промышленной демократии, к стремлению провозгласить в государственной промышленности господство своего рода "принципов учредилки" в виде "всеобщего, равного и прямого" права каждого отдельного предприятия на независимость, на торговую автономию, на верховенство ближайших частных выгод данного предприятия над интересами целого."[90]

Подобные заявления не были только данью марксистской риторике, отрицавшей существование рынка в условиях социализма. Они отражали антирыночные настроения самого многочисленного социального слоя послереволюционной России - полуразорившихся мелких производителей деревни и городских местечек, выходцы из которых во все большом числе заполняли вакансии руководящих должностей в партийно-государственном аппарате. Для них рынок оборачивался исключительно разрушительной стороной, был главной причиной упадка принадлежавших им хозяйств. До революции они были способны лишь на порожденный отчаянием стихийный протест, крайней формой которого был аграрный бандитизм. После революции именно молодежь из этих слоев составляла основной контингент Красной Армии, обеспечивавшей им по сравнению с нищетой в деревне, по их понятиям, комфортные условия существования, ибо им не приходилось заботится об одежде и питании. За годы гражданской войны у них появилась возможность приучиться к регулярной дисциплине, обязывающей исполнять и отдавать приказы, а также усвоить революционные лозунги с тем, чтобы вступать в компартию, открывавшей им доступ к командным должностям. В 1920 г. в армии было 300 тыс. коммунистов, из которых не меньше 75-80% были крестьяне.[91]

По окончании гражданской войны их политическими трофеями после демобилизации стали должности в партийно-государственном аппарате, дававшие власть и оклады, которые позволяли наслаждаться соответственно чину благами жизни и призывать массы к новым жертвам во имя светлого будущего. Для Сталина выходцы из деревенских низов и мелких городских местечек были идеальным материалом для сооружения фундамента его личной власти. Будучи политически крайне ограниченными, они беспрекословно одобряли любые спускаемые сверху решения. К тому же они еще в армии прошли выучку быть лично преданными тем, кто стоял выше их по должности, беспрекословно выполнять их распоряжения и обладать способностями принуждать массы. Материальным фактором, цементировавшим эти отношения служила подменявшая рынок система административного распределения, звенья которой они они возглавляли, находясь на командных должностях еще в годы военной службы.

Уже к осени 1923 г. по инициативе Сталина, отвечавшего за партийные назначения, на местах сменился почти весь партаппарат,[92] а вместе с ним и аппарат советской власти, поскольку председатели исполкомов были обязательно и членами партийных комитетов соответствующих административных единиц. "Даже среди работников аппарата ЦК партии, - указывалось в материалах дискуссии 1923 г. -

больше половины (из 146 ответственных работников - 99) работают на этой работе меньше одного года."[93] Пройдет всего несколько лет и выходцы из деревни станут преобладать и в политбюро. В 1923 г. в политбюро было три сельских уроженца, двое городских и трое москвичей и питерцев. В 1925 г. соответствующие показатели составили соответственно шесть, один и два, в 1929 г. - семь, два, ноль. Таким образом подавляющее большинство в политбюро стало принадлежать выходцам из деревни, тогда как возглавлявший его Сталин сам был выходцем из захолустного грузинского местечка.[94]

Новые кадры вытесняли городских "умников" с дореволюционным стажем, которые могли выражать несогласие с проводимым политическим курсом, быть недовольны климатом в партийных ячейках и отстаивать свои политические убеждения. Эти процессы, несмотря на массовость, проходили настолько скоропалительно, что их первоначально никто не замечал. Когда же "старая гвардия", спохватилась (сначала Троцкий, за ним Каменев, Зиновьев и другие) было поздно - бескровный переворот в основном был уже совершен.

Русская революция соединила социалистическое движение рождавшегося директората с крестьянской войной, чем в не малой степени гордился Ленин. Основной ее массовой силой были деревенские низы, получавшие в ходе революции землю и всестороннюю поддержку новой власти. Эти низы по мере роста своего активного участия в революционном процессе постепенно становились в условиях отсталой крестьянской страны его ведущей силой, а само социалистическое движение утрачивало свое городское первородство. Та легкость, с какой при Сталине низам деревни и городских местечек удалось в течение одного лишь года овладеть властными структурами свидетельствует лишь о силе тех стихийных подспудных сдвигов, которые происходили в политической жизни страны. Хотя городская составляющая партии еще оставалась у власти, ее представители теперь были вынуждены либо идти на компромисс с решениями, определявшимися новыми кадрами партийных и государственных работников, либо уходить с политической сцены. Сложившееся соотношение сил до известной степени отражал тот симбиоз рыночных и тоталитарных методов хозяйствования, который представлял собой нэп. Его судьба исторически была предрешена, поскольку во властных структурах уже произошел коренной сдвиг в пользу сил, материально заинтересованных в окончательном торжестве тоталитарного социализма, где задуманной Лениным кооперации не было места.

Но во времена Ленина это торжество еще не наступило. Тоталитаризм эпохи военного коммунизма не смог до конца искоренить европейскую "наследственность" российской деревни. Как только совершился переход к нэпу, устранившему преграды крестьянскому производству для рынка, здесь стихийно вновь ожила кооперация частных товаропроизводителей. К концу 1923 г. "маслодельная кооперация, - указывалось в статистических материалах, опубликованных в 1924 г., - вновь отстроила и пустила в ход 2600 маслодельных заводов. Она настолько улучшила качество продукта, что масло "Сельскосоюза" котируется на английском рынке на 10-15% дороже всякого другого русского (по-видимому, имеется в виду топленое масло - Ю.И.) аргентинского и австралийского масла и уступает только датскому. Льноцентр довел сортировку и качество своих льнов до такой высоты, что его марка на английском и французских рынках признается потребителями лучшей маркой

русских льнов. Картофельная кооперация отстроила более 100 кортофелеобрабатывающих заводов и из-за насыщенности внутреннего рынка вынуждена искать за границей возможности для сбыта своих продуктов."[95] Качество кооперативной продукции было выше продукции неорганизованных в кооперативы крестьянских хозяйств.

Преодолевая все препоны, кооперативы стихийно росли снизу. На 1 октября 1925 г. 52% кооперативов РСФСР считались " дикими", т. е. не вступившими ни в один из официально зарегистрированных кооперативных союзов. На 1 октября 1926 г. кооперативы республики объединяли почти 6 млн. членов, т. е. почти 25% крестьянских дворов или, иначе говоря, почти 70% крестьян, способных регулярно поставлять продукцию для рынка.[96] В наибольшей мере кооперативное движение индивидуальных товаропроизводителей охватило те отрасли, где можно было наладить интенсивное производство сельскохозяйственной продукции и ее кооперативную переработку; в меньшей -, где интенсификации еще не произошло. С рассматриваемой точки зрения наиболее отсталым было зерновое хозяйство, где переход к интенсивным методам и обусловленная ими товаризация служившая основой возникновения зрелых кооперативных форм, пока в основном виделись в перспективе.

Для тех, чьи помыслы были устремлены на организацию производственных артелей и коммун, кооперация индивидуальных товаропроизводителей по-прежнему оставалась полем, заросшим сорняком частного интереса, мешавшего всходам культивируемого коммунистами коллективного производства. Со страниц "Правды" постоянно раздавались призывы "очистить сельскохозяйственную кооперацию от чуждых ее задачам кулацких и торгашеских элементов."[97] Не была необычной и травля в печати кооператоров представителями госорганов.

Партийно-государственный аппарат с первых шагов нэпа делал все чтобы подчинить себе кооперацию и получить возможность использовать ее доходы в том числе и для финансирования за ее счет производственных коллективов. С этой целью стали обыденными "аресты кооператоров, не только как способ изъятия одиозных деятелей (цитируется закрытый документ ЦК РКП(б)), но и как мера "овладения" кооперацией и даже как метод проведения экономических мероприятий."[98] Среди причин арестов, роспусков правлений т. п. были отказы от принятия в кооперативные структуры союзов колхозов, не принимавших кооперативный устав, отказы от передачи колхозам кооперативного имущества, протесты против запрещений торговать, конфискаций готовой продукции и т. д.[99]

Уже к середине 20-х гг. кооперативы были лишены права самим выбирать свои руководящие органы. "Добровольность кооперации, - отмечается в одном из документов Центросоюза 1925 г., - провозглашенная верховными парторганами, за последний период превращается в явную свою противоположность вследствие назначенства членов правлений и председателей при полном игнорировании определенных условий, предусмотренных уставом кооперативной организации. Выборы правления производятся по уставу только на собрании уполномоченных."[100] О том, как в действительности проходили "выборы по уставу" можно узнать из другого документа Центросоюза: "Во всех случаях органы управления конструированы парторганами совершенно секретно и объявлялись кандидаты на фракции съезда в день выборов. Следовательно, само по себе вытекает, что лояльные

беспартийные механически входят в органы управления и выбывают по решениям укомов и губкомов."[101]

Таким образом выборы крестьянами кооперативных органов сменились назначениями сверху, производимыми партийными организациями. Это позволяло последним бесконтрольно распоряжаться ресурсами кооперации. Помимо обычных мотивов узурпировать все, что только было возможно, стремление распоряжаться кооперативными ресурсами усиливалось еще и тем, что кооперативные организации были теми редкими учреждениями советской России, которые в те годы получали иностранные кредиты и имели валютную выручку.

Ненасытная алчность партийно-государственного аппарата во истину не знала границ. Вспомним, как Ленин настаивал на необходимости льготного кредитования кооперирующихся крестьян, теперь же, чтобы увеличить кооперативные ресурсы, находившиеся в распоряжении властей, от крестьян потребовали самим кредитовать свои кооперативные организации. В 1925 г. на XIV партконференции была поставлена задача, чтобы не кооперация кредитовала крестьян, а крестьяне кредитовали кооперацию. "Низовая кооперация, - указывалось в резолюции конференции, - должна поставить своей задачей, чтобы крестьянство кредитовало свой кооператив, сдавая ему в кредит для реализации продукты своего хозяйства и внося задаток по предметам снабжения."[102]

За каких-то несколько лет ничем не сдерживаемого грабежа кооперация оказалась "на грани финансово-экономической смерти,"[103] Вместе с ней на грани смерти оказалась и идея Ленина о преобразовании российской деревни на базе строя цивилизованных кооператоров, в котором частный торговый интерес должен был сочетаться с общим и подчиняться ему.

На почве политики, проводимой партией в деревне, обострялись социальные противоречия. С одной стороны, росла, говоря словами Калинина "страшная ненависть крестьян" к колхозам,[104] с другой, усиливалась готовность бедняцких слоев "вместе с частью партийных работников начать вновь процесс "раскулачивания."[105] В конце концов за гранью жизни и смерти ленинских идей о кооперации последовали их окончательные похороны в ходе кампании уничтожения индивидуальных крестьянских хозяйств и создания колхозов - русской разновидности идеала разорявшихся крестьян и ремесленников Западной Европы первой половины XIX в.

В ходе раскулачивания искоренялись не только экономические основы социальной базы ленинской кооперации - частное производство для рынка -, но и физически уничтожались те, кто ее персонифицировал. Вопреки официальной пропаганде ими были преимущественно середняки, насильственно переведенные в разряд излишнего аграрного населения, которое первым пятилетним планом оценивалось в 8-9 млн. чел.[106] Под раскулачивание, по данным Д. Волкогонова, попали "8,5-9 млн российских мужиков, их жен, детей и стариков", из которых половина была уничтожена в течение первого года.[107] Остальные продолжали умирать в лагерях либо в безлюдных районах, куда их насильственно выселяли.

Хозяйственную жизнь деревни теперь стали определять не старательные крестьяне-труженики, большую часть которых заставляли покинуть родные места, а те, кто, свыкаясь с постоянной нуждой, уже утратил способность к систематическому труду. С точки зрения уровня потребления такие работники для

командовавших экономикой властей были идеальными производителями. Потребление последних сознательно удерживалось на уровне лишь "естественной функции человеческого организма", вынуждая их существовать в основном за счет приусадебных участков, тогда как власти брали на себя "мучительное бремя" потребления в соответствии с доставшейся от капитализма "священной обязанностью индивида".[108]

Другой же стороной медали здесь было то, что получая мизерное вознаграждение за свой труд на общественных полях, колхозник был мало заинтересован в результатах труда. Поэтому, чтобы заставить его трудиться, требовались меры внеэкономического принуждения с обширным набором административных и уголовных наказаний, а также прикрепление к колхозам подобно тому, как в свое время были приписаны к мануфактурам поссесионные крестьяне.

Естественно, что каков был труд, такой был и результат. Принудительный труд не совместим с интенсивными методами ведения сельскохозяйственных работ, требовавших большой тщательности ухода за выращиваемыми биологическими организмами и строгого выполнения технологической дисциплины. Поэтому производственные операции, как правило, выполнялись небрежно, абы как, лишь бы этого не заметило начальство. Производственные фонды расходовались расточительно. Единственное преимущество колхозов заключалось в том, что только у них можно было систематически изымать за бесценок основную массу продукции, обрекая сельское хозяйство на глубокий застой.

Чтобы не быть голословными, сравним показатели урожайности зерновых в России конца XIX в. с урожайностью в Российской Федерации в 1976-1985 гг. Согласно данным, приводимым в работе Ленина "Аграрный вопрос в России к концу XIX века" урожайность зерновых в Европейской части России (пуды и десятины переведены нами в метрическую системы мер) в крестьянских хозяйствах составляла 9,5 ц с га, в помещичьих - , которые велись на капиталистических началах, 11,5 ц с га.[109] Средняя же урожайность зерновых в РСФСР в 1976-1985 гг. равнялась примерно 13 ц с га - (в 1971- 1975 гг. 12,9 ц ; в 1976-1980 гг. 13,8 ц; в 1981-1985 гг. 13,0 ц) [110] Таким образом в условиях колхозного строя урожайность зерна почти оставалась на уровне конца XIX века. Причем прирост на несколько центнеров был достигнут, только благодаря громадному увеличению затрат, связанных с широким использованием минеральных удобрений и множества машин, тогда как до революции дело обходилось обычно навозом и лошадиным инвентарем. К этому времени в Западной Европе, где были цивилизованные кооператоры, о которых мечтал Ленин, средняя урожайность зерновых в 80-х гг. приближалась к планке 100 ц с га. Даже в Индии урожайность зерновых сегодня составляет в среднем 24,9 ц с га.[111] По этому показателю мы со своими богатейшими черноземами среди тех, кто плетется позади планеты всей.

Державшийся на внеэкономическом принуждении колхозный строй с самого начала был непреодолимой преградой на пути интенсификации сельскохозяйственного производства и связанного с ней роста производительности труда. Он не смог бы так долго просуществовать, если бы не одно обстоятельство: колхозы имели возможность увеличивать сборы сельскохозяйственной продукции за счет освоения новых земель. Как нередко бывает в истории, богатство страны

порой становится ее несчастьем. За годы тоталитарного социализма посевные площади постоянно увеличивались, а вместе с ними росли и ресурсы необходимые для их освоения до тех пор пока возможности экстенсивного роста не исчерпали себя и в стране четко не обозначился аграрный кризис. С 1960 г. по 1982 г. импорт зерна вырос с 200 тыс. т до 35 млн. т.[112] Субсидировавшее в прошлом промышленный подъем сельское хозяйство еще в 80-х гг. само превратилось в дотационную отрасль. В эти годы половина колхозов и совхозов были убыточны и держались на плаву только благодаря бюджетным субсидиям.[113] Тенденции глубокого упадка сельскохозяйственного производства не смогли приостановить и громадные инвестиции - к 1980 г. на долю сельского хозяйства приходилось 38% инвестиций страны против 16% в 1950 г. Колхозный строй к этому времени уже окончательно себя изжил.

Сегодня его сменяют новые формы организации сельскохозяйственного производства, рожденные рыночной экономикой. Среди них видное место занимают те, которых теперь называют фермерскими. Иначе говоря, в условиях рынка вновь возрождается социальная база той самой кооперации, к созданию которой когда-то призывал Ленин. Сегодня такая кооперация в виде сельскохозяйственных объединений делает первые шаги. Обеспечивая фермеров дешевыми кредитами, избавляя их от грабительских поборов перекупщиков, организуя переработку сельскохозяйственной продукции и ее сбыт она может стать одним из могучих локомотивов, способных вытянуть наше сельское хозяйство из той пропасти, в которой оно оказалось за годы командно-административного управления экономикой.

Но ее становление упирается в отчаянное сопротивление колхозного лобби, видящего в ней (не без основания) своего главного конкурента. Добиваясь бесконечных кредитов, защитники отжившего колхозного строя лишь продлевают его агонию. Поднять сельское хозяйство на основе полупьяного труда колхозников, существующих теперь почти целиком за счет своих приусадебных хозяйств, невозможно. В сельском хозяйстве мы сегодня переживаем полосу мучительного процесса: с одной стороны, наметилась тенденция превращения старого колхозного производства в крупные предприятия наемного труда, с другой, в еще большей степени - ускоряемого ненасытной алчностью колхозного руководства разорения колхозов, которое подготавливает почву для роста фермерских хозяйств.

В то время, как в современной России идее создания строя цивилизованных кооператоров приходится еще с трудом пробивать дорогу, в ряде стран Востока она успешно воплощается в жизнь. Типичным примером в этом отношении может служить континентальный Китай, где крах попыток обеспечить подъем сельскохозяйственного производства, опираясь на коллективные хозяйства близкие к колхозному типу, потребовал вновь возродить строй мелких землевладельцев, так или иначе вовлеченных в рыночные отношения на основе семейного подряда. А это в свою очередь потребовало их кооперирования, которое происходит как стихийно снизу, так и целенаправленно сверху путем создания "территориальных хозяйственных организаций" во главе с комитетами жителей деревни. "Новые хозяйственные объединения, - пишет Л. Д. Бони, - в большей мере тяготеют к сфере обращения, промышленности (переработка) и производственных услуг. Таким образом в китайской деревне нарастают тенденции к развитию качественно новой,

подлинно крестьянской формы кооперации, как одной из эффективных форм растущей рыночной экономики."[114]

В наибольшей мере эти тенденции получили развитие в развитых аграрных районах, где воспроизводство в крестьянских хозяйствах уже лишилось девственности натуральных отношений, а сами крестьянские хозяйства превратились в придатки коллективного капитала, функционирующего в сфере снабжения, сбыта и переработке продукции этих хозяйств. В то же время в отсталых аграрных районах, где воспроизводство в крестьянских хозяйствах остается в основном натуральным, для функционирования кооперативов еще нет материальной базы, и они существуют лишь в виде административной вывески.[115]

Как бы то там не было тенденции рождения в континентальном Китае строя цивилизованных кооператоров, о котором много лет тому назад писал Ленин, несомненны. Предложенная им модель экономического развития в общих чертах совпадает с экономической моделью современного коммунистического Китая, где земля и крупная промышленность остаются в собственности государства, а индивидуальные крестьянские хозяйства так или иначе кооперируются при сохранении своей хозяйственной самостоятельности. При этом осуществляется широкое привлечение иностранного капитала, к чему в России безуспешно призывал в свое время Ленин. В качестве же политической предпосылки существования экономической системы с отмеченными чертами здесь сохраняется однопартийный коммунистический режим, на необходимость которого опять-таки указывал Ленин.

Его идеи трансформирования российской деревни на кооперативных началах - составная часть разработанной им теоретической модели перехода от командно-административных методов управления экономикой к рыночным при сохранении тоталитарных основ коммунистического строя. Как показывает история, эта модель, впервые теоретически разработанная в России в начале второго десятилетия прошлого века, сегодня так или иначе успешно реализуется на практике странами, где у власти находятся коммунисты, представляя переходную ступень на пути неизбежной ликвидации во всех сферах жизни коммунистического тоталитаризма.

ПРОБЛЕМА СОЮЗА НЕЗАВИСИМЫХ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

1922 г. ознаменовался в жизни Ленина ожесточенными спорами со Сталиным по вопросу о будущем независимых советских республик - Белоруссии, Украины, Грузии, Армении и Азербайджана. Эти споры послужили одним из поводов развернувшейся между ними борьбы за власть. На стороне Ленина был неоспоримый авторитет, действенность которого из-за болезни чрезвычайно сузилась, на стороне Сталина - всесильный аппарат партии и подавляющее большинство ее руководителей, поддерживавших его тоталитарные начинания.

В рамках намечавшегося союза Ленин отстаивал независимое существование советских республик, Сталин - их существование на автономных началах. Подходы Ленина были для большевиков принципиально новыми решениями национального вопроса, тогда как требование предоставления автономии нерусским народам благодаря его же прежним теоретическим разработкам давно уже успело стать привычным решением национальных проблем.

По иронии судьбы именно Ленин в течение почти двух десятилетий был главным теоретиком автономизации жизни народов России. Поэтому в теоретическом плане споры о будущем независимых советских республик в значительной мере свелись между Лениным времен нэпа и Лениным предшествовавших лет, так как его оппоненты постоянно использовали прежние ленинские высказывания в качестве обоснования своего решения национального вопроса на автономных началах.

От решения национального вопроса во многом зависели исторические судьбы страны, поскольку Россия издавна была многонациональным государством, в течение столетий успешно реализовавшим свои имперские амбиции. Дореволюционные историки, как правило, оправдывали притязания царской России на территории, населенные нерусскими народами. Вслед за ними также поступали и советские историки, глубокомысленно доказывая, например, что войны России в Туркестане велись для спасения народов Туркестана от нашествия англичан, войны России на Кавказе - для спасения христианских народов - грузин и армян - от мусульманского ига Турции и Персии, присоединение Украины к России производилось для спасения ее народа от гнета католической Польши и т. д. При этом сознательно замалчивалось главное: "спасенные" становились объектом национального гнета и грабежа русского царизма, а населенные ими территории превращались в колонии откуда вывозилось сырье и куда сбывались промышленные товары.

До революции подобных умолчаний большевистская пресса не делала. Согласно данным, приводимым Лениным, в 1914 г. площадь колоний российской империи составляла 17,4 мил. кв. км. с населением 33,2 мил чел.[116] Для инородцев, как писали в начале XX в. большевики, царская Россия была подлинной тюрьмой народов. В связи с этим свержение самодержавия было одной из важнейших предпосылок их национального освобождения. Однако исторически сложилось так, что ведущая роль в борьбе против царизма принадлежала не национальным окраинам, а населенным русскими центральным районам России, где большинство партий при всех глубоких различиях между ними отстаивали принципы автономизации, чему в немалой степени способствовали как представления о

неизменности существования России в качестве "единой, неделимой", так и исторические особенности развития российской государственности.

В царской Рссcии высочайшая централизация государственного управления в Петербурге сочеталась на местах с земскими решениями локальных хозяйственных, бытовых и культурных проблем. Различия между партиями, как правило, сводились не столько к отрицанию местной автономии как таковой, сколько в подходах к ее классовому содержанию и масштабам ее использования в районах, населенных нерусскими народами. Программные заявления партий и их руководителей о политике в отношении угнетенных национальностей сплошь да рядом дальше требований предоставления национальной автономии не шли. В частности, монархист Шульгин предлагал пожаловать нерусским народам широкую автономию.[117] Кадеты в своей программе 1905 г. заявляли, что "основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям, помимо полной гражданской и политической равноправности, всем гражданам право свободного культурного самоопределения".[118] В решениях организованного Лениным Поронинского совещания большевиков 1913 г. записано: "В особенности необходима... широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава и т. д."[119] При этом указывалось, что "вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос, - указывалось в решениях, - "с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм."[120] На деле, применительно к России, это, как правило, означало лишь формальное признание права наций на самоопределение, ибо характер общественного развития многонациональной страны определялся не столько борьбой против царизма нерусского населения окраин, сколько борьбой в центральных районах, где проживали русские. Не случайно в письме к С. Г. Шаумяну 6 декабря 1913 г. Ленин утверждал: "Автономия есть наш *план* устройства демократического государства... Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма."[121] В связи с этим он полагал, что "всемирным языком может будет английский (а может быть русский)".[122]

Примечательно и то, что до революции многие национальные организации угнетенных царизмом народов также отстаивали принципы автономизации. В частности, на конференции российских национально-социалистических партий в апреле 1907 г. за резолюцию о национальной и территориальной автономии единогласно проголосовали 4 партии: Серп (Белоруссия), Громада (Украина), Дашнакцютюн (Армения) и грузинская партия социалистов-федералистов. Это были партии возникшие на территориях будущих республик, образовавших Советский Союз.

После победы февральской революции принципы автономизации робко пыталось реализовать Временное правительство. Оно восстановило конституцию Финляндии, установило автономию Эстонии, согласилось на возможное предоставление в будущем автономии Украине и Латвии.[123] После Октябрьской

революции этот курс был решительно продолжен большевиками, провозгласившими создание РСФСР. В конституции республики было записано: "Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом могут объединяться в автономные областные союзы... Эти областные союзы входят на началах федерации в РСФСР." При этом "начала федерации", предполагающие взаимное согласие сторон, соблюдались чисто формально. На деле складывавшиеся отношения с центром автономных образований диктовал, учитывая объективные обстоятельства, всесильный Кремль.

В подобных решениях национальных проблем большевики не были уникальны. Аналогичные подходы к национальному вопросу нередко предлагали и белые. Например, Колчак в своей политической программе заявлял, что его "правительство уже теперь обеспечивает автономные права национальностей. Пределы же и характер автономий, добавлял он, должны, конечно, каждый раз быть определены отдельно."[124]

Таким образом и красные и белые порой отстаивали одинаковые формы сожительства нерусских народов в рамках "единой неделимой" России, сознательно или невольно потворствуя устремлениям русских шовинистов. Белые проводили автономизацию, чтобы обеспечить себе поддержку нерусских народов в деле реставрации самодержавия, красные, - чтобы заложить политические и экономические основы тоталитарного социализма, при котором, как писал Ленин, "все общество будет одной конторой и одной фабрикой".[125] Такая "фабрика" предполагала существование системы максимально централизованного производства и административного распределения, охватывающих идентично все государство в целом, а вместе с ними и сосредоточения власти в Москве в руках единого центрального органа, обязывающего все население исполнять его распоряжения.

Создававшаяся "единая фабрика" было несовместима с многообразием национальных форм и интересов, требовала унификации всех своих отношений в соответствии с их однородным тоталитарно-социалистическим содержанием, которое неизбежно должно было принимать великорусские формы и потому, что распоряжения диктовались Москвой и потому, что основные промышленные предприятия грядущей единой фабрики были сосредоточены в великорусских районах России.

Неслучайно, идеалом государственного устройства большевиков, как писал тогда Ленин, была "единая централистически-демократическая республика", в которой прежняя Россия была призвана оставаться "единой и неделимой". Даже федерацию большевики рассматривали в это время лишь как вынужденное краткосрочное отступление от своих централистских принципов. Вслед за Марксом и Энгельсом они полагали, что федеративная республика может рассматриваться "либо как исключение и помеха развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как "шаг вперед" при известных особых условиях", среди которых указывалась сохраняющаяся неизжитость национальных противоречий.[126] Определявшийся требованиями "единой фабрики" максималистский централизм был не совместим, с созданием угнетенными царизмом народами независимых государств и отстаиванием собственных национальных интересов, выходивших за рамки прокрустова ложа запредельной

великорусской централизации общества, которую стремились осуществить большевики.

Еще до революции они сознательно игнорировали значимость при социализме независимых национальных образований. В частности, Ленин в 1913 г. утверждал, что "разграничение наций в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся сблизить и слить их".[127] Для Ленина национальный вопрос тогда сводился лишь к ликвидации национального гнета. "Это, - как он считал, - задача, главным образом, отрицательная".[128] Положительные решения национального вопроса, обусловленные, как он считал, прошлой борьбой с феодализмом, возникновением наций и образованием национальных государств с точки зрения развития долгосрочных тенденций уже стали бесперспективными.

Теоретическим обоснованием такого подхода служило его утверждение о том, что наступило время, когда всемирно-историческая тенденция капитализма ведет "к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм". Он полагал, что происходит "денационализация" наций, что "капитализм как мельница наций" перемалывает их в единое целое и поэтому само понятие национальность есть ничто иное "как буржуазно-демократический постулат и лозунг".[129] "Развивающийся капитализм, - писал Ленин, - знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д... Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм".[130] С тех пор прошло почти сто лет, но нации и возникшие на их основе государства, несмотря на неизмеримо возросшую силу мировых интеграционных процессов, продолжают существовать и вряд ли исчезнут в обозримом будущем.

Понятие нация не вписывалось в тоталитарные представления российских марксистов о социализме ни с точки зрения не признающей национальных границ "единой фабрики", ни с точки зрения ее безрыночного основания, поскольку нации территориально ограничены а их существование обусловлено внутренними рынками, на почве которых они возникают. Поэтому как только ставился вопрос о переходе к безрыночному социализму изучение наций подменялось поиском обоснования их запредельной ассимиляции, сводящей различия между ними лишь на уровень быта и культуры, или, говоря языком Ленина, на уровень "чисто-местных или чисто-национальных *частностей*".[131]

Неслучайно, такие понятия как нация, национальное развитие и т. д. вне контекста ликвидации национального гнета в программных документах большевиков упоминались в лучшем случае вскользь в связи с необходимостью учета национальных особенностей быта и культуры. Предложенное же Сталиным известное определение нации в виде "исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической

жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры"[132] в сущности представляет пустую абстракцию, лишенную конкретно-исторического этнического содержания. С равным успехом под это определение попадает любое общество независимо от его этнической формы будь то нация, народность, племя и т. д.

Ленин, хотя и неполно, но все же точнее характеризовал нацию. Он указывал, что ее экономической основой является внутренний рынок, являющийся "центром торговых сношений".[133] В связи с этим он верно отмечал, что буржуазия стремится очистить указанный "центр" от всех препон и рогаток, унаследованных от феодализма. Но на этом он полагал историческая судьба нации вместе с вызвавшей ее к жизни буржуазией заканчивается и начинается эпоха интернационализма, сопровождающаяся разрушением наций и уничтожением свойственных им самостоятельных форм бытия.

Такое видение исторического процесса не учитывало главного, что демиургом внутреннего рынка является обрабатывающая промышленность. Возникающие на почве ее рыночных связей национальные "центры торговых сношений", о которых говорил Ленин, отнюдь не исчезают вместе с переходом к социализму. Интенсифицируя обмен между городом и деревней в соответствие с национальными природными и историческими условиями, обрабатывающая промышленность и при отсутствии феодальных пережитков продолжает определять национальное производство и потребление, делая необходимым сохранение собственных государств, защищающих внутренние рынки и обретенные нациями ниши в рамках международного разделения труда.

Ленин был прав, отмечая, что в Западной Европе указанные рынки, как правило, зарождались эндогенно в недрах феодального общества. Хотя внешнеторговые связи, несомненно, оказывали воздействие на эти процессы, их воздействие в целом носило вторичный характер. Но за этим, вопреки его представлениям, после расчистки пережитков феодализма отнюдь не наступала эпоха "ассимиляции" наций. Напротив нации не только продолжали успешно развиваться, сохраняя свою самость, но к ним добавлялись новые, порожденные в отсталых аграрных странах тем самым капитализмом, который, по мысли Ленина, подобно мельнице должен был перемалывать все национальные различия.

В отличие от индустриально развитых государств их генезис был иным, экзогенным. В условиях преобладания натуральных отношений рыночные связи в этих странах, как правило, первоначально множились на базе экспорта сырья в индустриальные капиталистические государства и импорта из них промышленных товаров. Зарождаясь в качестве придатка, в качестве продолжения рынка этих государств, такие связи в ходе своего дальнейшего развития порождали потребность в ориентирующемся на местный спрос собственном индустриальном производстве, а вместе с ним и в государственном обособлении порожденных им рынков для защиты собственных национальных интересов.

В России, в рамках ее границ, не трудно обнаружить широкую гамму форм становления наций, начиная от эндогенных и кончая экзогенными. Примером первого рода может служить Польша, Финляндия, Прибалтийские страны, которые после победы революции 1917 г. сумели добиться независимости, создав собственные национальные государства. Примером второго рода - Белоруссия, Армения, Азербайджан, где промышленность была занята лишь добычей и

первичной обработкой сырья, предназначенного для вывоза в Россию, откуда поступали промышленные товары. Процессы формирования наций здесь еще только начинались. Украина и Грузия, где уже имелись фабричные предприятия, ориентировавшиеся на местный спрос, по сравнению с ними были впереди. Но и в них обрабатывающая промышленность была еще слабо развита. В частности, , доля Украины в обрабатывающей промышленности царской России в 1913 г. составляла всего 15%, что по этому показателю было всего на 4% больше доли Петербурга. Зато по добывающей промышленности, продукция которой преимущественно экспортировалась в Россию, доля Украины составляла 70%.[134] Подобные цифры - типичные показатели экономики, сохраняющей колониальные черты.

Ленин неверно полагал, что в таких странах как Англия, Франция, Германия и т. д. "национальная общность, по его словам, давно изжила себя", что там объективно нет "общенациональных задач" и "поэтому только в этих странах возможно теперь же "взорвать" национальную общность, установить общность классовую". Сегодня вряд ли найдется серьезный специалист который стал бы утверждать, что у России, например, нет своих национальных задач, или что она не представляет национальную общность со своими собственными национальными интересами.

Фиксируя внимание на классовых противоположностях капитализма, Ленин недооценивал особенности и своеобразие форм их единства. Подобно тому, как наемные работники заинтересованы не только в осуществлении собственных классовых акций, но и в труде на не принадлежащих им предприятиях, так и все население нации заинтересовано в ее развитии в качестве обособленного хозяйственного организма, экономическая организация которого, в отличие от организации производства на самих предприятиях, зиждется не на административных, а на рыночных связях. Определение понятия нация органически включает эти связи, которые согласно тоталитарным канонам марксизма были несовместимы с производственными отношениями социализма, что, по-видимому послужило, одной из причин обоснования Лениным исчезновения наций, рассматривавшихся им в качестве одного из рудиментов умирающей рыночной экономики, которую породил капитализм.

Для доказательства своих взглядов Ленин указывал на многочисленные факты "денационализации" и "ассимиляции" национальностей. Однако в действительности как в прошлом так и теперь протекают одновременно два противоположных процесса: с одной стороны, продолжается дифференциация человечества по нациям в качестве обособленных этнических общностей со своей экономикой и политическими институтами, со своими традициями, привычками и культурой, с другой, - происходит стирание, размывание этнических различий внутри них самих. Когда Ленин писал о "денационализации", об "ассимиляции" разных наций он в силу своих представлений о грядущем тоталитарном социализме абсолютировал лишь одну сторону современных этнических процессов, а именно процессов, протекавших внутри наций вообще и в самой России, в частности.

По составу населения нации всегда полиэтничны. Однако существующие этнические различия внутри них со временем стираются и исчезают, сменяясь этническими чертами, присущими нации. "Этнографические группы, - пишет С.

А. Арутюнов, - в рамках нации постепенно теряют свои различия, сливаются воедино, в особенности в новейшее время".[135] При этом скорость ассимиляционных процессов зависит от многих факторов, в том числе от степени вовлеченности в рыночные отношения тех или иных местностей, компактности проживания этнических групп, существования или отсутствия национальной вражды или национального гнета и т. д. В частности, там, где этнические общности проживают компактно, там стирание внутринациональных этнических различий происходит замедленно. Например, татары, башкиры как во времена Ленина, так и теперь были одними из многих народов российской нации. У них не было и нет собственных национальных рынков. Те рыночные отношения, в которые они вступают, были и остаются неотделимой составной частью общероссийского рынка. Естественно, что компактное проживание позволяет им сохранять этнически "первородные" черты, народные и религиозные традиции, что не исключает существование у них и общероссийских интересов, общероссийского менталитета, совпадающих с интересами и менталитетом всех народов, составляющих российскую нацию.

Как бы то ни было для нации внутренние этнические различия, если они не приводят к конфликтам, не существенны, вторичны по сравнению с целым, составляющим ее. Несмотря на инонациональное происхождение, проживающие длительное время на ее территории, как правило, так или иначе становятся выразителями интересов классов той нации, к которой они вольно или невольно стали принадлежать. Так было в частности, с многими участниками русского революционного движения, имевшими инонациональное происхождение - Троцким, Сталиным, Дзержинским, Орджоникидзе и т. д., как впрочем и с теми, кто отстаивал идеалы контрреволюции. Для нации определяющим служит не национальное происхождение, а гражданство, фиксирующее юридическую законность проживания на ее территории со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями.

Октябрьская революция привнесла принципиально новое в процессы формирования наций. Раньше национальные и национально-освободительные движения неизменно возглавляла буржуазия. Теперь в качестве движущих сил таких движений стал участвовать и директорат, представленный социалистическими и коммунистическими партиями. На окраинах бывшей царской России директорат приходил к власти либо в союзе с буржуазией, либо в бескомпромиссной борьбе с последней, будучи вынужденным в своих тоталитарных устремлениях порой против собственного желания провозглашать отделение от РСФСР возникавших здесь советских республик.

В таких республиках сплоченное российской компартией руководство нового класса приходило к власти, опираясь, с одной стороны, на военно-политическую мощь Российской Федерации, с другой, - на сочувствие широких кругов местного населения, избавлявшегося от колониального гнета русских помещиков и буржуазии, с которыми боролись большевики. Но так как компартия исходила прежде всего из приоритета российских интересов, то это неминуемо порождало коммунистические всплески колонизаторских устремлений, сопровождавшиеся в условиях провозглашенного равноправия ущемлением национальных чаяний масс, с настроениями которых большевики не могли не считаться, поскольку периодически возникавшие антисоветские движения коренного населения обычно выдвигали требования национальной независимости.

3 декабря 1917 г. советская Россия признала независимость Украинской республики, 1 февраля 1919 г. была признана независимость Белорусской советской социалистической республики. Позднее в 1920 г возникли Азербайджанская и Армянская независимые советские республики, в феврале 1921 г. была установлена провозгласившая независимость советская власть в Грузии. Одновременно под влиянием российской революции наметилась тенденция возникновения и за пределами бывшей царской России независимых советских государств, возглавлявшихся коммунистическим директоратом.

Учитывая новые тенденции, в программе, принятой на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г), была провозглашена "новая переходная форма на пути к *полному единству* (курсив наш Ю.И.)" - "федеративное объединение государств, организованных по советскому типу".[136] Такое объединение не означало отказа от принципов автономизации. Ленин полагал, что вызвавший на съезде споры вопрос о самоопределении наций в общей сумме программных требований играл "менее, чем второстепенную роль", так как, по его мнению, интересы трудящихся масс разных национальностей "тождественны", как это было, например, записано в решениях 8-ой Всероссийской конференции РКП(б) в разделе "О советской политике на Украине.[137]

"Федеративное объединение государств, организованных по советскому типу" рассматривалось им как форма, позволявшая автономизировать независимые советские республики в рамках РСФСР. Именно Ленин был инициатором проведения той самой национальной политики, которую продолжил Сталин, создавая позднее СССР, или, иначе говоря, той самой политики, против проведения которой Ленин позднее столь же решительно возражал. На заседании политбюро 26 мая 1919 г. в присутствии Ленина, Каменева и Крестинского было принято постановление об объединении с РСФСР военного комиссариата и командования Украины, а также ВСНХ, наркомпути, наркомзема и наркомтруда. В связи с этим была дана следующая директива ЦК: "Указанное объединение должно быть осуществлено в том виде, что соответствующие народные комиссары РСФСР являются и народными комиссарами УССР. В украинском СНК будут заседать их уполномоченные со званием "нарком Украины". Реорганизовать воен. упр. и комис. на Украине поручается Реввоенсовету Республики".[138] Украина, наиболее созревшая по сравнению с остальными независимыми советскими республиками для государственного оформления своей национальной независимости, явилась тем полигоном, на котором российские большевики обкатывали приемы и методы автономизации новых государств в рамках РСФСР.

Уже к лету 1919 г. появился декрет ВЦИК "Об объединении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом". С этой же целью декрет наметил объединение народного хозяйства, железных дорог, финансов и комиссариатов труда.[139] В июне 1919 г. ВЦИК создал под председательством Каменева комиссию, занимавшуюся вопросами объединения хозяйств независимых советских республик на автономных началах их отношений с РСФСР. Выступая на комиссии Раковский предложил в качестве временных предварительных мер ввести в состав ВЦИК представителей республик и подчинить ряд республиканских наркоматов соответствующим ведомствам РСФСР.[140]

Реализация подчинения республиканских наркоматов соответствующим ведомствам РСФСР в это время тормозилась продолжавшейся гражданской войной. Тем не менее курс на автономизацию продолжался. Его теоретическое обоснование получило дальнейшее развитие в "Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам", написанном Лениным для второго конгресса Коминтерна. В тезисах отмечалась тенденция " к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого", иначе говоря тенденция рождения всемирной "единой фабрики", призванной строиться на основах административного распределения из единого центра средств производства и рабочей силы. В связи с этим он писал в тезисах: "Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем). так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)".[141]

Действительно с точки зрения функционирования "единой фабрики" во всемирном масштабе с ее системой командно-административного распределения не могло быть различий, например, между Татарской и Украинской республиками. И та и другая были одинаковыми "переходными формами к полному единству", когда, по словам Ленина, еще не изжиты мелкобуржуазные "предрассудки национального эгоизма, национальной ограниченности".[142] Подлинные же различия между ними могли обнаружиться только в условиях рынка, при котором у первой проявляются качества одного из российских народов, у второй - нации. Ленинский нигилизм по отношению к нациям при социализме и отрицание рынка послужили основанием его тоталитарных построений национальных отношений при социализме, открывавших независимо от субъективных побуждений широкий простор для великорусской колониальной экспансии и шовинизма.

Во второй половине 1920 г. наступила череда так называемых союзных договоров советских республик, наметивших основные контуры их автономизации в рамках РСФСР. После их подписания независимость республик становилась еще более призрачной по сравнению с независимостью государств, которым колониальные державы навязывали тогда свои соглашения. Объяснялось это тем, что тоталитарная распределительная система совпадала с государственной и поэтому нуждалась в большем использовании государственных рычагов, чем иностранный капитал, устремлявшийся в эти страны. Первой договор заключила 20 сентября 1920 г. Азербайджанская республика. Согласно ему Азербайджан устанавливал свои производственные планы в соответствии с производственным планом РСФСР. На ВСНХ возлагалась обязанность принимать все меры по поддержанию и развитию промышленности Азербайджана, включая ее финансирование. При этом АЗСНХ должен был распределять все имеющиеся в его распоряжении запасы сырья и фабрикатов по соглашению с полномочным представителем ВСНХ при Азербайджане. Договор предусматривал также, что законодательные акты РСФСР будут действовать и на территории Азербайджанской республики.[143]

В декабре 1920 г. был подписан договор между УССР и РСФСР,

предусматривавший объединение ВСНХ, а также комиссариатов военных и военно-морских дел, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа. При этом предусматривалось, что объединенные комиссариаты входят в состав СНК РСФСР и имеют в составе СНК Украины своих уполномоченных. В январе 1922 г. аналогичный договор был заключен между РСФСР и Белоруссией. Можно только себе представить, какие проклятия понеслись бы со страниц коммунистической прессы в адрес подлых колонизаторов, если бы подобное соглашение было заключено колониальной державой с какой-либо страной.

Указанные договоры были промежуточной ступенью на пути к окончательной автономизации "независимых" советских республик в рамках РСФСР с целью создания безрыночной "единой фабрики". Однако принципы ее организации, которыми руководствовались большевики привели страну к полному хозяйственному развалу. Уже весной 1921 г. они были вынуждены частично устранять препятствия, преграждавшие развитию рыночных связей. Благодаря этому возникли реальные предпосылки для пересмотра национальной политики в свете новых хозяйственных решений.

В связи с этим сразу же после перехода к нэпу в российской компартии возникло два вначале подспудных, а затем становившимися все более зримыми течения, которые позднее сказались на решениях национальных проблем. Одно из них во главе с Лениным восприняло нэп всерьез и надолго, исходя из необходимости развития рынка. Другое, объединившее большинство руководителей компартии, рассматривало нэп лишь как временную уступку крестьянству, за которой как можно скорее должно было последовать восстановление тоталитарной экономики, поскольку в противном случае, утверждали ее адепты, грядет капиталистическая реставрация. Как говорил Радек, выражая эти настроения, "мы подошли к политике нэп в силу необходимости. Это была уступка мелкой буржуазии, но если бы наши хозяйственники были нэпманами, то эта политика привела бы нас к гибели. Поэтому, мы говорим, смотри зорко за малейшей нэпманской тенденцией среди хозяйственников".[144]

Пока новое противоречие в рядах сплоченного коммунистической партией директората, еще только набирало силу, инерция старых решений национальных проблем продолжала сохраняться, способствуя дальнейшей автономизации в рамках РСФСР формально признанных независимыми советских республик. Вместе с тем в самих республиках в условиях рынка нарастали попытки оградить свои собственные национальные интересы, попытки сузить сферу своей зависимости от РСФСР. На почве этих противоречий росло противостояние Ленина и Сталина.

Новый подход в сфере национальной политики был намечен Лениным в известном письме "Товарищам- коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики". В нем ничего не говорилось ни о тождестве интересов России и республик Кавказа, ни о созданиии единого хозяйства на федеративных началах. Более того письмо призывало кавказских коммунистов, опираясь на военно-политическую помощь России, решать собственные национальные экономические задачи, отличные от тех, которые стояли перед Россией. "Экономически Россия, - писал Ленин, - была и в значительной степени остается отрезанной от передовых капиталистических стран. Кавказ может наладить "сожительство" и товарообмен с капиталистическим Западом быстрее и легче". Он

призывал "экономически сразу опереться на товарообмен с капиталистической заграницей, не скупиться: пусть десятки миллионов ценнейших горных продуктов достанутся ей. Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму".

Не трудно заметить, что в этом письме Ленин исходил из того, что советские республики Закавказья должны стать субъектами мирового рынка, и, следовательно, не Россия, а они сами должны суверенно распоряжаться собственными ресурсами, строя свои отношения с окружающим миром на рыночных основах. Об этом свидетельствует, в частности, заключенный сразу же после опубликования ленинского письма договор Грузии с РСФСР, который в отличие от заключенных ранее соглашений с советскими республиками оставлял открытым вопрос о ее включении в систему политико-административного аппарата Российской Федерации. В договоре указывалось, что обе республики "вступают в военный и хозяйственный союз" и "согласны заключить дополнительное соглашение об объединении организации и военного командования, а также и тех хозяйственных органов, относительно коих объединение будет признано целесообразным".[145]

В своем письме Ленин фактически излагал идеи, несовместимые с политикой немедленной автономизации, которая зиждилась на том, что республики на деле становились частью территории РСФСР. Сказанное, разумеется, не означает, что он предлагал строить взаимоотношения с ними исключительно на рыночной основе. В его распоряжении оставался такой могучий политико-административный рычаг как принадлежность стоявших у власти коммунистов Закавказья к российской коммунистической партии. К тому же подобное положение он рассматривал тогда как временное, обусловленное в том числе и разным уровнем хозяйственного состояния советских республик - в то время как Грузия относительно благоденствовала, хозяйства Азербайджана и Армении находились в крайнем упадке.

Таким образом в данном случае мы имеем дело с неразвитой идеей межгосударственных рыночных отношений советских республик, которые пока рассматривались лишь как временные и локальные, обусловленные своеобразием хозяйственного состояния Закавказья. Тем не менее политика, которую пытался проводить здесь Ленин, открывала возможность этим республикам отстаивать свои собственные национальные интересы, что, естественно, заставляло ополчиться против нее сторонников проведения ускоренной автономизации, опиравшихся на поддержку генерального секретаря.

На этой почве нарастала внутрипартиная борьба, эпицентром которой стал вопрос об объединении республик Закавказья. Ленин не отрицал необходимость такого объединения. "Речь идет, - говорил он 11 апреля 1921 г., - об объединении кавказских республик в один хозяйственный центр: Грузинской, Азербайджанской и Армянской. Нефть производит Азербайджан, ее нужно возить через Батум, через территорию грузинскую, так что будет единый хозяйственный центр."[146] Вместе с тем он не считал, что такое объединение дело текущего дня, тогда как его оппоненты добивались немедленного объединения.

На Кавказе главными представителями последних были возглавлявший кавказское бюро ЦК Орджоникидзе и секретарь ЦК компартии Азербайджана

Киров, которые, саботируя налаживание внешней торговли и концессионного дела кавказских государств (чего требовал Ленин), главным для себя считали немедленное создание Кавказской федерации в виде части РСФСР, о чем позднее заявил первый съезд коммунистических организаций Закавказья.[147] Еще до написания письма Ленин подозревал, что его указания не выполняются либо выполняются спустя рукава. 5 апреля 1921 г в телеграмме Орджоникидзе, умевшему, когда нужно, четко излагать свои мысли, Ленин писал: "ваш ответ неполон и неясен", имея в виду его ответ на вопросы, связанные с внешней торговлей и концессиями. "Крайне важно, - подчеркивал он далее, - чтобы по этим и подобным вопросам решения были самые быстрые. Это имеет гигантское значение и для Грузии и для России, ибо концессии особенно с Италией и Германией необходимы безусловно как и товарообмен за нефть."[148]

Именно из-за скрытого саботажа, убедившись в верности своих подозрений во время беседы с приехавшим в командировку с Кавказа А. Ф. Мясниковым, Ленин написал на следующий день цитированное нами письмо для того, чтобы его подлинные требования стали известны всем кавказским коммунистам. Судя по датам, руководство кавказским бюро ЦК отнюдь не спешило его публиковать. Написанное 14 апреля оно было напечатано в "Правде Грузии" только 8 мая 1921 г. В Азербайджане письмо впервые огласили даже позже: 13 мая 1921 г. на 13 заседании первого Всеазербайджанского съезда Советов. Но еще раньше, 11 апреля 1921 г. здесь же на заседании Бакинского совета по докладам Кирова и Орджоникидзе была принята резолюция об объединении Закавказских советских республик.

В течение многих десятилетий тоталитарная пропаганда утверждала, что идея форсированного создания Закавказской федерации принадлежала самому Ленину. Ниже мы показываем как фальсифицировались рекламировавшиеся в связи с этим документы. При этом читатель должен иметь в виду, что все написанное, каждую бумажку Ленин тщательно хранил в своем архиве, и, следовательно, при желании подлинники написанных им документов не трудно обнаружить.

Первый приписываемый Ленину документ, в котором упоминается необходимость экономического объединения закавказских республик называется "Телеграмма Г. К. Орджоникидзе" 9 апреля 1921 г. В нем указывается: "Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья."[149] Ее текст впервые был напечатан в брошюре "М. Орахешвили. (Ленин и З.С.Ф.С. Тифлис. (Материалы) Изд.-во "Советский Кавказ" 1925 г.). После этой публикации она без изменений вошла во все издания собраний его сочинений. Но такой телеграммы не было. То, о чем пишет М. Орахешвили, это тенденциозный пересказ телефонного разговора Ленина с Орджоникидзе для того, чтобы, прикрываясь ленинским авторитетом, форсировать федерирование закавказских республик. В рубрике "Основные вехи жизни В.И. Ленина" третьего издания его сочинений записано, что Ленин по прямому проводу сообщил Орджоникидзе о той помощи, которая должна прийти в Закавказье. Там же, где речь действительно шла о телеграммах, в рубрике использовалось выражение "телеграфное распоряжение". В пятом издании указанная оплошность была исправлена: в нем под той же рубрикой записано, что Ленин отправил Орджоникидзе телеграмму.

Второй "ленинский" документ, в первом абзаце которого упоминается

"проектируемое экономическое объединение республик Закавказья" - телеграмма тому же Орджоникидзе от 18 апреля 1921 г., впервые опубликованная в "Ленинском сборнике", вышедшем в свет в 1945 г. [150] В примечаниях к этой публикации указано, что телеграмма печатается по рукописной копии. Из пятого издания ленинских сочинений мы узнаем, что эта копия написана рукой жены Сталина, Н.С. Алилуевой. Диктовать ей текст телеграммы Ленин не мог: вплоть до конца 1922 г. он всегда писал все сам, так как ему было намного проще самому излагать свои мысли на бумаге, чем надиктовывать текст секретарям. Возможно телеграмма писалась Сталиным, ратовавшим за федерирование Закавказья[151], возможно, что ее действительно писал Ленин и она опубликована в 1945 г. в правленом Сталиным виде. Здесь нам остается только гадать.

Однако как бы там ни было о подлинном отношении Ленина к идее создания Закавказской федерации мы все же можем узнать из его "Записки Сталину с проектом постановления политбюро по вопросу об образовании Федерации закавказских республик".[152], написанной 28 ноября 1921 г., т. е. уже после того, как 2 ноября 1921 г. кавбюро ЦК приняло решение "о неотложной необходимости заключения федеративного договора между Закавказскими республиками, а также демонстративного заявления Сталина с просьбой об отставке с должности наркомнаца, которое 24 ноября было отклонено политбюро.[153] В записке Ленин писал: Считаю идею создания Федерации закавказских республик "в смысле немедленного практического осуществления преждевременной, т. е. требующей известного периода времени для обсуждения, пропаганды и советского проведения снизу ...в случае большой оппозиции точно и своевременно донести политбюро ЦК РКП".

Впервые в урезанном виде записка была опубликована в 1923 г. в книге "Двенадцатый съезд Росс. Ком. Партии (больш). Стеногр. отчет". Изд. "Красная новь"М., 1923 под многозначительным заголовком "Проект предложения об образовании Федерации закавказских республик". После этого до пятого издания ее перепечатывали во всех собраниях ленинских сочинений с указанием, что в первоначальном варианте Ленин предлагал отложить федерирование на несколько недель. Но как читатель сам смог убедиться в конечном варианте записки слов о нескольких неделях, которые он сам зачеркнул, не было. Ее первоначальная версия пропагандировалась для того, чтобы доказать, как утверждал Сталин, что "Ленин "так торопился и так напирал на то, чтобы федерация была введена немедленно".[154]

В действительности Ленин был категорически против немедленного федерирования закавказских республик. Даже в феврале 1922 г. он четко стоял на позиции защиты их суверенитета. Так в письме Орджоникидзе от 13 февраля 1922 г. Ленин потребовал усилить *грузинскую* красную армию. Зная о настроениях Орджоникидзе все объединять, Ленин в конце письма написал: " за невыполнение этого выгоним из партии *безо всяких*. Тут шутить нельзя. Это политически абсолютно необходимо, и Вы лично и весь Грузинский ЦК ответите перед всей партией за это"[155]. О его негативном отношении к форсированному федериванию свидетельствует и то, что он не послал обычных в таких случаях приветствий трудящимся ни в связи с созданием Федеративного союза социалистических советских республик Закавказья (март 1922 г.), ни в связи с созданием Закавказской социалистической федеративной советской республики (декабрь 1922 г.), что не

помешало ему передать в октябре 1922 г. "лучшие коммунистические приветы" рабочим Баку. Ленин, не без основания опасался, что форсированное федерирование Закавказья добром не кончится. Негативные последствия поспешного федерирования не замедлили сказаться в 1924 г., когда началось национально-освободительное восстание в Грузии в местностях "наиболее насыщенными коммунистическими силами".[156] Восстание было жестоко подавлено.

Как мы уже отмечали, переход к нэпу усилил в республиках тенденции отстаивать порождавшиеся рынком собственные национальные потребности, противодействуя тем самым великодержавным устремлениям российских большевиков, добивавшихся подчинения их жизни нуждам развития России. За словесными баталиями по поводу национальной независимости фактически стоял вопрос о том, кому достанутся командные должности: коммунистической элите республик или коммунистической элите России, а вместе с ним и то, кто будет распоряжаться производственными ресурсами бывших колониальных окраин: российский директорат или директорат добившихся независимости советских республик.

С этой точки зрения весьма примечательна перепалка между Сталиным и Раковским, происходившая позднее на XII съезде партии. Выступая на съезде, Раковский поставил вопрос о концесскоме. "Что это означает, - заявил он, - что концесском будет распоряжаться богатствами всех республик, он будет распоряжаться рудой на Украине, углем, нефтью, марганцем и т. д. на окраинах." В связи с этим Сталин задал Раковскому вопрос "Скажите прямо, что требуете того, чтобы в Донбассе руководила не центральная власть (власть Москвы - Ю.И.), а украинская"? Раковский сразу же стушевался, сказав, что это "неправда".[157]

Поведение Раковского вполне объяснимо. Поскольку протестовавшая верхушка директората республик находилась в рядах коммунистической партии России, руководство которой проводило великодержавную политику автономизации, возможности отстаивать республиканские интересы оставались крайне ограниченными. Решительный протест угрожал закончиться выпадением из рядов руководящих коммунистических работников, а следовательно, и из рядов директората вообще.

Еще до образования СССР формально независимые республики в основном стали частью РСФСР, подчиненными ее политико-административным директивам. К этому времени республиканские представители уже участвовали в составах Всероссийских съездов советов и ВЦИК. На их территориях действовали основные законы РСФСР. В частности, на территории Украины действовали кодексы РСФСР - уголовный, уголовно-процессуальный, а так же законов о труде. Если же "правоотношения регулировались законодательством УССР, - пишут Д.Л. Златопольский и О.И. Чистяков, - и если после этого РСФСР издавала акты, которые противоречили украинским законодательным актам, то органы власти УССР вносили изменения в свое законодательство."[158]

Еще до образования СССР происходило и объединение Всероссийского совета народного хозяйства а также российских наркоматов с советами народного хозяйства республик и их наркоматами: военных и морских дел, внешней торговли, финансов, путей сообщения, труда, почт и телеграфа. Уполномоченные объединенных наркоматов в республиках, как подчеркивает С.Л. Ронин, "исходя из

законодательства РСФСР по соответствующим отраслям, издавали распоряжения, приказы, утверждали инструкции и положения, обязательные к исполнению для ведомственных им органов управления".[159] В 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали декрет, согласно которому во всех советских республиках вводились налоги, установленные Всероссийским ЦИК. В том же году в положении о госплане РСФСР было указано, что разрабатываемые госпланом перспективные и эксплуатационные планы 1922/23 г. распространяются не только на РСФСР, но и на договорные с ней республики.

В 1921-1922 г. расширился круг отраслей республик перешедших в непосредственное управление РСФСР. В 1921 г. Центральное правление каменноугольной промышленности Донецкого бассейна и Азербайджанский нефтяной комитет были подчинены Главному топливному комитету РСФСР. На Украине было создано "Объединение государственных Лисичанских химических и каменноугольных предприятий в Донецком бассейне" ("Химуголь"), подчиненное Всероссийскому совету народного хозяйства. В 1922 г. в управление последнего перешло еще 3 треста, предприятия которых до этого управлялись совнархозом Украины - "Укрметалл", "Югосталь" и "Сельмаштрест". В том же году был создан "Днепролес", объединивший деревообрабатывающие предприятия России, Белоруссии и Украины. Кроме того была объединена винодельческая, а затем и спиртовая промышленность советских республик. Последние фактически лишились основных промышленных отраслей, перешедших в распоряжение РСФСР.

Уже в 1922 г. процесс автономизации независимых советских республик достиг той стадии, когда правительство РСФСР, как подчеркивает Д.Л. Златопольский, фактически превратилось в "правительство складывающейся федерации советских республик"[160] Не подлежит сомнению, что политическая и экономическая интеграция в условиях враждебности капиталистического мира была неизбежна. Неизбежно и то, что центром интеграционного притяжения становилась РСФСР, будучи среди них наиболее развитым государством. Однако формы, в которых осуществлялась указанная интеграция, были далеки от равноправных отношений, что было далеко не неизбежно. Условием и предпосылкой последних были рыночные связи, для которых идеи свободы и равенства, как справедливо утверждал Маркс, были лишь "идеализированными выражениями обмена меновыми стоимостями".[161]

Складывавшиеся же отношения независимых советских республик с РСФСР в реальности были далеки от подобных отношений, поскольку зиждились на политико-административных началах, предполагавших всевластие на одном полюсе - полюсе РСФСР - и беспрекословное подчинение на другом - полюсе формально независимых республик. Потерпевшая крах на внутриреспубликанских уровнях идея "единой фабрики" на межреспубликанском приобретала как бы вторую жизнь, превратившись в один из важнейших факторов, способствовавших позднее всеобъемлющему восстановлению командно-административных экономических связей во всех республиках, включая РСФСР. Народ, попиравший права других народов, действительно не мог стать свободным.

Особенность межреспубликанских командно-административных связей заключалась в том, что они открывали широкий простор политике подчинения интересам России национальных потребностей независимых советских республик. Для этого отнюдь не требовалось формального отрицания равноправия народов

советских государств. Более того их равноправие провозглашалось в качестве неотъемлемой нормы межнациональных отношений. Однако реальные связи с РСФСР в силу их великодержавного политико-административного характера делали республики бесправными. Несоответствие провозглашенных демократических форм их реальному содержанию - одна из характернейших черт социализма вообще и его тоталитарной разновидности в особенности, о чем наиболее ярко свидетельствует, например, знаменитая сталинская конституция.

Во второй половине 1922 г. процесс автономизации независимых советских республик вступил в новую фазу - фазу объединения с РСФСР, влекшую за собой полную утрату ими независимости. 9 августа была создана комиссия ЦК во главе со Сталиным для выработки проекта объединения, который должен был установить единообразие в отношения республик с РСФСР и окончательно ликвидировать все их легальные возможности отстаивать собственные национальные интересы. Поставленные Сталиным задачи комиссии были четко изложены в его письме Ленину 22 сентября 1922 г. "Молодое поколение коммунистов на окраинах, - писал Сталин, - игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик... Если мы теперь же не постараемся приспособить *форму* взаимоотношений между центром и окраинами к *фактическим* взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т.е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же и вместе с тем реальной автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик."[162] Исходя из этого, Сталин разработал проект резолюции комиссии "О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками" и разослал его для обсуждения в ЦК компартий республик. 25 сентября 1922 г. материалы комиссии были направлены Ленину в Горки.

Первоначально различия между Сталиным и Лениным в решении поставленных задач вопреки утверждениям коммунистической пропаганды сводились не столько к содержанию создававшегося объединения, сколько его формы. Ленин предложил вместо вхождения республик в состав РСФСР на правах автономий (идея Сталина), объединить их в Союз советских государств, создававший видимость сохранения ими независимости в условиях реального их превращения в автономные образования Российской федерации. У Ленина не было возражений против предложения Сталина "внешние дела (индел, внешторг), военные дела, железнодорожные, финансовые и почтель (почту и телеграф - Ю.И.)" ... республик "объединить с таковыми РСФСР." Более того он даже ставил вопрос о еще большем усилении автономных начал. В проекте Сталина предлагалось "наркоматы продовольствия, труда и народного хозяйства формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР". Ленин же ставил вопрос о возможном слиянии и этих наркоматов "по соглашению ВЦИКОВ",[163] что исключало вообще их существование на территориях объединявшихся республик.

Возмущение Сталина ленинскими поправками к его проекту и его обвинения Ленина в "национал-либерализме", подразумевавшим потакание, как тогда говорили, "независимцам", было скорее плодом уязвленного непомерного самомнения, чем разногласиями по существу. 6 октября 1922 г. пленум ЦК одобрил

правленый Лениным проект об отношениях РСФСР с независимыми советскими республиками и поручил продолжать готовить объединение.

Однако чтобы провести принятые решения в жизнь, потребовалось предварительно подавить протесты руководителей всех подлежавших объединению республик за исключением Армении. Для них вопрос о независимости был неразрывно связан с той ролью, которую им предстояло играть в создававшемся объединении. Как писал 22 сентября 1922 г после ознакомления с проектом объединения Раковский Сталину, проведение новой политики "формального упразднения независимых республик" явится "ударом по планам хозрасчетного возрождения республик. И в данный момент хозяйственная инициатива независимых республик чрезвычайно сужена. При отсутствии у них финансовых средств и права распоряжаться местными богатствами, они теперь не в состоянии работать как следует для поднятия местных производительных сил. Суживание их инициативы, что явится следствием проведения данного проекта, еще больше уменьшит их хозяйственную роль".[164]

В Азербайджане сторонники Ахундова утверждали, что предполагаемое объединение преждевременно, а возглавляемая Кадырли группа, требовала ликвидации Закавказской федерации и непосредственного вхождения Азербайджана в Союз ССР в качестве независимой республики.[165] О преждевременности автономизации и необходимости объединения с сохранением всех атрибутов независимости компартия Грузии заявила еще в сентябре 1922 г. и продолжала требовать объединения на началах независимости в октябре 1922 г. после решения ЦК РКП (б) о переходе к практической работе по созданию СССР. 3 октября 1922 г. ЦК КП (б) Украины твердо заявил о необходимости сохранения прежней системы договорных отношений, указывая при этом, что "тактическое централизованное руководство независимыми республиками может быть вполне достигнуто соответствующими директивами по партийной линии".[166] Украине больше, чем остальным республикам, было что терять. Ее высший хозяйственный орган - Украинское экономическое совещание (ЭКОСО) - имело право приостанавливать постановления и распоряжения объединенных наркоматов РСФСР с уведомлением об этом соответствующего наркомата и СТО РСФСР. Белоруссия также высказалась не только за сохранение прежних договорных отношений, но и за предоставление ей таких же прав, какие имела Украина.

Как видит читатель, вопреки утверждениям тоталитарной пропаганды, никакого энтузиазма и воодушевления в связи с известием о предстоящем образовании Союза ССР в республиках не было. Более того для реализации упомянутого решения пленума ЦК РКП(б) от 6 октября 1922 г. пришлось усмирять взбунтовавшихся руководителей республик. Причем на Кавказе усмирение приняло особо непристойные формы. В ход были пущены интриги, клевета и провокации. Дело дошло, выражению непокорных грузинских коммунистов, до держимордовского рукоприкладства. Оскорбления и угрозы физической расправы над несогласными были стилем руководства Орджоникидзе. Пользуясь безнаказанностью он в присутствии Рыкова ударил по лицу Какабадзе.

Протесты в республиках заставили Ленина в корне изменить взгляды на проблему союза независимых советских государств. Его новое видение было изложено в серии заметок, объединенных позднее под заголовком "К вопросу о

национальностях или об "автономизации", которые он, будучи полупарализованным, диктовал в те дни, когда проходил съезд, провозглашавший создание СССР на принципах автономии.

В заметках Ленин признал, что "затея "автономизации" в корне была неверна и несвоевременна". Главную причину этого он видел в том, что государственный аппарат заимствован от царизма "и только чуть-чуть подмазан советским миром", что этот аппарат "представляет из себя буржуазную и царскую мешанину".[167] Идея разрушения старой государственной машины, о которой до революции так много говорили большевики, оказалась несостоятельной. Разрушение действительно было бы необходимо, если бы постреволюционное государство действительно было государством эксплуатируемых масс. Но так как к власти пришел существовавший за счет труда рабочих и крестьян директорат, то ему был нужен свой аппарат насилия, чтобы держать массы в повиновении, заставляя их трудиться на себя. Поэтому большевики лишь совершенствовали старый государственный аппарат, обильно смазывая его коммунистическим миром, чтобы он не давал осечек. Они не только умножили его способность совершать в невиданных доселе масштабах насилие над массами, но и намного увеличили его численность, чему, помимо прочего, с одной стороны, способствовало огосударствление экономики, с другой, - возросший приток на государственную службу тех, кто имея образование, лишился частных источников доходов.

Не подлежит сомнению, что госаппарат (Ленин в этом, безусловно, прав), на который опирались большевики, в силу традиционного притеснения инородцев был насквозь пропитан русским шовинизмом. Причем на национальных окраинах бывшей царской России этот шовинизм имел особенно глубокие корни, порожденные колониальной эксплуатацией нерусских народов. Здесь, как и всюду в колониях, представители государственного аппарата издавна находились в особо привилегированном положении и с точки зрения служебных окладов и с точки зрения обладания властью над особенно бесправными подданными Российской империи. Их командное ядро составляли русские, опиравшиеся, говоря современным языком, на русскоязычные слои других национальностей. Получая на всех уровнях доходы, более высокие, чем они могли бы иметь в России, персонал этого аппарата был кровно заинтересован в сохранении своего привилегированного положения, которое гарантировало воссоединение бывших колоний с Россией на началах автономизации, снимавшей преграды, как проницательно писал Ленин, нашествию "того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ".[168]

Именно русские бюрократы и политически смыкавшиеся с ними на национальных окраинах квалифицированные русские рабочие обычно составляли большинство членов коммунистических организаций независимых советских республик. В частности, в 1922 г. доля коренных жителей в компартии Украины равнялась 24% (из них только 8% считали родным языком украинский), в компартии Туркестана - 50%, (из них половина были неграмотными), в Азербайджане - треть.[169] При этом руководящие должности, как правило, занимали русские либо уже обрусевшие коренные жители, способные проводить пророссийскую политику.

Даже в Армении, где компартия состояла практически из одних армян, руководящие должности занимали русскоязычные. "Хотя у нас в Армении

руководящие партийные работники - армяне, - говорил Амбарцумян на четвертом совещании ЦК РКП(б) по национальному вопросу, - но они главным образом выходцы из Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии и с местами не особенно сильно связаны. Поэтому существует среди работников определенная тяга из Армении. Когда был поставлен этот вопрос, то оказалось, что среди местного населения главные партийные кадры сосредотачиваются в партийных низах, но в руководящих органах местных партийных работников из армян не имеется". По заявлению Амбарцумяна, руководящие работники лучше знали русский, чем армянский[170] Преобладание в компартиях русских и смыкавшихся с ними русскоязычных предопределило в республиках успех политики автономизации.

Как мы уже отмечали, за исключением Армении, во всех советских республиках были руководители, пытавшиеся избежать автономизации путем сохранения на началах независимости договорных отношений с РСФСР. Однако их возможности были нейтрализованы отчасти кампанией преследования непокорных, организованной Сталиным, отчасти сопротивлением русифицированного партийного аппарата самих республик, поскольку автономизация означала сохранение за ним властных полномочий.

Понимая какой простор для великорусского шовинизма открывает автономизация, Ленин призывал "оставить и укрепить союз социалистических республик" на принципиально новых основах. "Не следует зарекаться заранее, - писал он, - ни коем образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическим, а во всех других отношениях восстановить самостоятельность отдельных наркоматов".[171]

Восстановление самостоятельности республиканских наркоматов на деле означало, что республики получали возможность самим распоряжаться своими производственными ресурсами. А это неизбежно должно было повлечь за собой глубокий подрыв всей системы их политико-административного подчинения диктату РСФСР. На смену последнему должны были прийти рыночные отношения. Таким образом и сфера межреспубликанских отношений, по предложению Ленина, стала бы кодированной по нэповскому образцу, который органически сочетал рыночные отношения с тоталитарными, политико-административными.

В межреспубликанских отношениях основным инструментом их политико-административного регулирования, по мысли Ленина, могла стать российская компартия, поскольку в нее на правах низовых организаций входили компартии республик вступавших в Союз. "Надо иметь в виду, - писал он, - что дробление наркоматов и несогласованность их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью."[172]

К этому времени уже был накоплен, опираясь на партийный авторитет, "осмотрительный и беспристрастный" опыт нейтрализации несогласованности с Москвой. В частности, на заседании политбюро 27 апреля 1922 г. ЦК КПУ было указано, что "никакие самодеятельные переговоры отдельных советских республик с иностранными государствами не должны вестись без предварительного согласования с НКИД РСФСР или ЦК РКП. В виду того, что имеющиеся по этому

поводу постановления политбюро нарушается в исключительной обстановке, в которой нарушения носят явно преступный характер, предавать виновных партийному суду".[173]

Там , где дело касалось рынка, Ленин постоянно призывал сочетать его с тоталитарными административными связями. В данном случае такое сочетание предполагалось в сфере межреспубликанских отношений государств, вступавших в Союз. Однако не подлежит сомнению и то, что, если бы рыночный механизм был запущен, то весьма скоро он бы порвал все тоталитарные нити, связывавшие республики с РСФСР. Национальные интересы, интересы формировавшихся наций (а они, как мы уже отмечали, рыночные) принудили бы республики устранять все тоталитарные препятствия на пути собственного прогресса. Даже, если бы у власти оставались коммунисты они все равно были бы вынуждены оформить свое национальное первородство, организационно порвав с РКП(б).

Ленин же всегда недооценивал жизненность наций в условиях перехода к социализму, сводя национальные различия лишь к бытовому и культурному уровню, что на деле способствовало, как бывает со всеми, кто отрицает нации как таковые, к бессознательному признанию только одной нации, в данном случае российской. Ненавидя великорусский шовинизм и связанные с ним империалистические отношения к угнетавшимся в прошлом царизмом народам, он объяснял подобные явления недостатками унаследованного от прошлого государственного аппарата, а не его атрибутами, порожденными коммунистической структурой власти. Естественно, что это ограничивало возможности последовательно решать национальные проблемы на демократических началах. Однако по сравнению с автономизацией межреспубликанских отношений ленинские предложения, несомненно, были крупным шагом вперед, открывавшим дорогу к созданию Союза подлинно независимых государств и окончательной ликвидации в будущем тоталитарных оков, привязывавших их к РСФСР.

Из-за болезни и творившихся интриг возможности Ленина развенчивать автономизацию были ограниченными. Тем не менее он не оставлял мысль реформировать Союз на рыночных основах. С этой целью для доказательства опасности великорусского шовинизма, выраставшего на почве автономизации, он продолжал раскручивать грузинское дело, связанное с мордобоем, учиненным Орджоникидзе, а также готовиться к выступлению на предстоявшем XII партсъезде, понимая, что ни у политбюро, ни у ЦК он вряд ли найдет поддержку своим планам реформирования Союза. Но врачи и на этот раз запретили ему заниматься политикой.

В связи с этим 5 марта 1922 г. он обратился к Троцкому с просьбой, чтобы тот отстаивал его предложения по национальному вопросу. Но если раньше Троцкий полностью солидаризировался с ним, последовательно защищая в декабре 1921 г. госмонополию внешней торговли (подробности смотри ниже), то теперь в вопросе об объединении независимых советских республик они расходились в главном - Ленин добивался создания Союза преимущественно на рыночных основах, Троцкий - на централизованных, плановых началах, замещающих, по его выражению, "дьявола рынок". Этим объяснялась непоследовательность последнего в отстаивании ленинских предложений.

Вопреки фальсификации тоталитарной пропаганды, утверждавшей, что Троцкий, мотивируя болезнью, отказался выполнить просьбу Ленина, он немедленно приступил к ее реализации, направив на следующий же день, 6 марта 1922 г., письмо

в ЦК "К тезисам Сталина по национальному вопросу". В письме Троцкий отмечал, что главной опасностью в национальной политике является великодержавный шовинизм, чего не указывал Сталин. Однако в силу своих антинэповских представлений он предложил свое компромиссное решение вопроса об автономизации. "Можно бы прямо сказать, - писал он, - что создание объединенных комиссариатов есть экзамен советскому аппарату (для Ленина этот аппарат был чуждый, для Троцкого и большинства партийных руководителей свой, советский - Ю.И.): если бы этот опыт на практике получил великодержавное направление, то партия внесла бы на ближайшем съезде Советов предложение о разъединении объединенных комиссариатов впредь до надлежащего перевоспитания советского аппарата в духе действительно пролетарского внимания к нуждам и потребностям малых и отсталых наций".[174] В этой связи нельзя не отметить и его позицию в отношении хозяйственной самостоятельности советских республик. "Нельзя, - говорил он на заседании секции по национальному вопросу XII партсъезда, - подчинить уголь украинскому национальному моменту, нефть азербайджанскому. Тогда нельзя говорить ни о какой экономической жизни".[175] Российские большевики обычно не замечали, что подобные заявления были проявлениями самого настоящего махрового русского шовинизма, прикрытого фразами о пролетарском интернационализме.

В сущности Троцкий был не против автономизации как таковой, а лишь против, ее негативных последствий вроде русского шовинизма, мордобития учиненного Орджоникидзе, поспешного создания Закавказской федерации как воплощение идеи "чрезмерного централизма" и т. д. Его позиция полностью устраивала Сталина, учитывавшего обстановку сложившуюся в партии. Декорируя учет ленинских замечаний, о которых знал только узкий круг большевиков, предложения Троцкого позволяли ему форсировать в рамках Советского Союза автономизацию формально независимых советских республик. 7 марта 1923 г. Сталин написал Троцкому: "Ваши поправки к тезисам Сталина по национальному вопросу считаю неоспоримыми и целиком совпадающими с основным тоном этих тезисов".[176] Он полностью учел замечания Троцкого, включая удобное для проведения политики автономизации гипотетическое предложение о пересмотре договора о создании СССР, если потребуется перевоспитывать госаппарат. В 8-мом пункте сталинских тезисов, принятых к публикации на заседании политбюро 22 марта 1923 г. было записано: "Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик... Если бы этот опыт получил на практике великодержавное направление (как будто это направление уже не стало до отвратительности грубым, зримым! ! - прим. Ю.И.)... то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов впредь до надлежащего перевоспитания советского аппарата."[177] Таким образом автономизация предлагалась в тезисах в качестве наилучшего решения национального вопроса, тогда как ленинские "отступления" от такого решения рассматривались лишь в качестве запасного варианта, рассчитанного на возможный сбой.

В итоге XII партсъезд стал съездом торжества идей автономизации. Идеям же парализованного в это время Ленина, предлагавшего реформировать СССР на рыночных началах, на съезде не нашлось места. По утверждению выступавших, нэп с его рыночными отношениями на национальных окраинах лишь "питал, взращивал национализм"[178] , не совместимый с политикой объединения независимых советских республик в рамках грядущего СССР.

С этой точки зрения весьма примечателен доклад Сталина и последовавшие за ним выступления на съезде по национальному вопросу. Доклад начинался с утверждения о том, что в партии "принципиальный взгляд на национальный вопрос остался тот же, что до Октября и после".[179] Иначе говоря, по Сталину, национальный вопрос как прежде так и теперь, должен был решаться на принципах автономии, что давало ему возможность ссылаться на многочисленные прошлые ленинские высказывания, цинично заявляя при этом на узких совещаниях, что, Ленин, который в это время был парализован, "много забывал в последнее время".[180]

В сталинской трактовке "классовая сущность национального вопроса в условиях советского развития состояла в установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей".[181] А для этого необходимо, как он предлагал, чтобы советская власть стала "властью не только русской, но и межнациональной".[182] За благопристойной марксистской идеологией здесь скрывались имперские интересы российских большевиков, подразумевавшие существование на национальных окраинах аппарата власти русских бюрократов, вобравшего в себя представителей обрусевших коренных жителей. Но угнетавшиеся в прошлом царизмом народы были отнюдь не заинтересованы в существовании такой власти. Вместо "межнациональной" им была нужна своя национальная власть, способная защищать экономические и политические интересы формировавшихся здесь наций, включавших не только сельские, но и городские слои.

Сталина и его многочисленных сторонников не пугала навязанная им риторика о первоочередной опасности русского шовинизма. Ведь эта же риторика присутствовала в решениях Х-го съезда партии, но не смогла помешать нарастанию колонизаторских устремлений в РКП(б). К тому же Сталин предложил руководствоваться во истину иезуитской тактикой борьбы с русским шовинизмом. Она сводилась к тому, чтобы русские шовинисты сами вели с ним борьбу, тогда как борьба с ним нерусских национальностей клеймилась как "антирусский шовинизм". Последним предлагалось вести борьбу с собственным национализмом.[183] Все эти ухищрения нужны были лишь потому, что, как говорил Сталин, "ранее угнетенные национальности занимают наиболее нужные для хозяйственного развития районы и наиболее важные с точки зрения военной стратегии пункты".[184]

На съезде не только не нашлось места ленинским идеям объединения независимых советских республик. Они вообще были поставлены вне закона, свидетельствуя о том, какая ожесточенная борьба велась по национальному вопросу. На заседании президиума съезда было объявлено, что "записка (записок в действительности было три - Ю.И.) Ленина по национальному вопросу стала известна ЦК только накануне съезда. В связи с этим, говорилось в заявлении, "президиум будет считать распространение каких-либо слухов о задержке оглашения этой записки со стороны какого бы то ни было из членов ЦК клеветой."[185]

Заявление президиума было полуправдой. Во-первых, как только Ленин продиктовал записки, о них немедленно было доложено Сталину ленинскими секретарями, которые в порядке партийной дисциплины были обязаны обо всем ему доносить; во- вторых, 5 марта 1923 г. о записках узнал Троцкий. Ему их передали по поручению Ленина вместе с материалами по грузинскому делу.

Сталин все делал для того, чтобы о записках ничего не было известно. Троцкий же хотел немедленно ознакомить с их содержанием членов политбюро. Однако 6 марта, согласно биохронике, ему позвонила Фотиева, заявив, что Ленин поручил ему передать, что записки "он намерен опубликовать, но позже".[186] Но во-первых, передавая записки Троцкому Ленин об этом оговорил бы сам заранее, и, во-вторых, 6 марта он не мог никому ничего поручать, ибо находился под домашним арестом: к нему не пускали даже Крупскую и М.И. Ульянову, кричавшую в истерике что она поднимет пресненских рабочих. Звонок был явно инспирирован Сталиным. В этой связи представляет интерес свидетельство секретаря СНК М. Гляссер, писавшей Бухарину в 1923 г. о том, что Ленин "велел передать Троцкому - *только ему* - свою декабрьскую статью по нацвопросу". После передачи "В.И., действительно, узнав об этом, обрадовался и как будто успокоился"[187] Позднее она обратилась к Троцкому с требованием отдать ей статью. Ленин в это время уже был парализован. И здесь рука Сталина несомненна. Троцкий ее вернул, оставив себе копию.

Последнее обстоятельство вынудило Сталина ознакомить с содержанием записок делегатов съезда, обвиняя Троцкого в том, что он "нашел возможным держать под спудом (имеются в виду записки - Ю.И.) более, чем месяц, не доводя ее до сведения до сведения Политбюро или Пленума ЦК".[188] Записки были зачитаны на сеньорен-конвенте, а затем по делегациям с условием, что их не будут оглашать на съезде, где председательствующие потом одергивали каждого пытавшегося их упомянуть. После съезда о записках уже никто больше не упоминал. Молчание после их написания длилось почти 30 лет пока они не были впервые опубликованы в 1956 г. под известным названием "К вопросу о национальностях или об "автономизации".

XII съезд партии дал зеленый свет объединению независимых советских республик с РСФСР на автономных началах. Тоталитаризм раньше всего одержал победу в сфере межреспубликанских связей в условиях, когда в самой России ему еще приходилось считаться с недавнем протестом широких масс. Его победа означала начало конца всей политики нэпа, став прологом к замещению командно-административными связями порожденных нэпом рыночных отношений не только на колониальных окраинах, но и в самой России.

Конституция СССР 1924 г., унифицировав и юридически оформив автономию, закрепила политичекую и экономическую зависимость союзных республик от РСФСР. На национальных окраинах СССР, как и повсюду в колониальном мире отношения между городом и деревней продолжали носить межнациональный характер. В проводивших пророссийскую политику городах проживали преимущественно русские либо русскоязычные жители. Трудившиеся в сфере найма коренные жители были преимущественно крестьянами- отходниками, приходившими из деревни в город на заработки.

Основная масса коренных жителей была дискриминирована. Для выборов депутата в советы в деревне, где проживало коренное население требовалось в пять

раз больше голосов, чем в русскоязычном городе. Причем и здесь и там действовали ограничения избирательных прав, чтобы не прошел нежелательный кандидат. В деревне это достигалось с помощью открытого голосования по списками, многостепенностью выборов, в городе - голосованием в основном не по территориальному, а по производственному принципу, обусловленному выдвижением кандидата партийно-административным руководством предприятий, где и после выборов избранный депутат продолжал трудиться, завися от тех, кто его выдвигал. Позднее после коллективизации производственный принцип был распространен и на сельскую местность, сделав ненужным неравенство избирательных прав жителей деревни. Однако как бы то ни было и в том и в другом случае подобные выборы обеспечивали директорату аппарат власти, способный отстаивать в союзных республиках российские интересы.

Центральные советские органы, говорил Раковский, выступая на XII съезде партии, - "после первого союзного съезда Советов стали хозяевами всей нашей жизни. Нет такого шага, который можно было бы сделать национальной республике и о котором можно было бы заранее сказать, что его нужно сделать. Уездный исполком больше знает свои права, чем национальные республики. Товарищи, я заявляю, что союзное правительство пошло по неправильному пути".[189] С такими же мыслями выступил на съезде и Ф.И. Махардзе. "Здесь говорят, - заявил он - о независимых, о самостоятельных республиках советских. Нужно быть в высшей степени тут осторожным., чтобы не преувеличивать чего бы то ни стало. Товарищи, всем ясно, какая это независимость. Ведь у нас одна партия, один Центральный орган, который в конечном счете определяет для всех республик, даже для всех малочисленных, все решительно, и общие директивы, вплоть до назначения ответственных руководителей в тех или других - все это исходит от одного органа, так что говорить при этих условиях о самостоятельности, о независимости - это в высшей степени непонятное само по себе положение".[190]

Интересам России была подчинена и система командно-административных связей в сфере экономики. По конституции 1924 г. в ведение Союза или, иначе говоря фактически России, входило утверждение единого бюджета СССР, включавшего бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них, поступавших на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на образование бюджетов союзных республик. В ведение Союза входило также установление основ общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, а также заключение концессионных договоров.

Из ведения республик были изъяты наркоматы иностранных дел, внешней торговли, военно-морских дел, путей сообщения и связи. Остававшиеся в их ведении советы народного хозяйства и важнейшие наркоматы - финансов, продовольствия, труда и рабоче-крестьянской инспекции обязаны были руководствоваться директивами соответствующих наркомов СССР, которые были вправе единолично принимать решения по всем вопросам своих ведомств. В ведении самих республик оставались лишь наркоматы земледелия, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения и социального обеспечения. Но и они в своей деятельности обязаны были руководствоваться основами, разрабатывавшимися не ими самими, а

соответствующими ведомствами Союза.

Не трудно заметить, что из экономики только земледелие оставалось сферой компетенции самих республик, тогда как остальные ее сферы были прерогативой Союза или иначе России, опиравшейся в республиках на русскоязычные города. Опираясь на эти города, Россия присваивала львиную долю того, что производилось в республиках. К чему это приводило, проиллистрируем лишь одним примером. По первому пятилетнему плану в общесоюзную промышленность украинской республики, которой реально распоряжалась Россия, вкладывалось 5 млрд. руб., в республиканскую - 611 млн. руб. и местную 136 млн. руб. [191] Естественно, что все доходы общесоюзной промышленности поступали в общесоюзную казну, хотя при этом разрабатывались украинские ресурсы - уголь, железная руда и т.д. Но дело не отграничивалось только вывозом сырья, строились металлургические и химические заводы, заводы по производству продукции машиностроения, обслуживавшие в первую очередь нужды экономики России. Порожденный тоталитарным социализмом колониализм перерос его ограниченные традиционные рамки, обусловленные исключительно вывозом сырья. От общесоюзных предприятий украинцам доставалась в основном лишь заработная плата.

Вместе с индустриализацией росла и численность тех, для кого труд по найму становился единственным источником существования, что потребовало развития легкой индустрии для нужд внутреннего рынка. Этим объясняются хилые финансовые вливания в республиканскую и местную промышленность. А так как ведущей тенденцией как в самой России, так и в республиках, было стремление удерживать зарплату на возможно низком уровне, то внутренний рынок развивался замедленно, тормозя развитие украинской нации.

Другим фактором, способствовавшим замедленному развитию наций в союзных республиках СССР, явился возросший приток переселенцев из России. Индустриализация усугубила недостаток квалифицированных кадров в республиках, знающих русский язык, так как при умножавшихся командно-административных связях с Россией росло делопроизводство, ведущееся на русском языке. Дефицит восполнялся за счет русских и русскоязычных переселенцев. Таким образом вхождение советских республик в союз на автономных началах широко открыло двери для того нашествия русских шовинистов, которое так проницательно в свое время предсказал Ленин. "В 1926 г., - пишет А. Авторханов, - русское население национальных окраин составляло 5%. В результате проведения большевиками курса на массовое заселение национальных республик представителями некоренных национальностей их процент повысился, а в некоторых из них повысился до 20%".[192]

Добровольно переселявшихся из России привлекала возможность получать здесь более высокую должность и, следовательно, зарплату. Но при этом они, как правило, не ассимилировались с коренным населением, оставались отчужденным от него. В условиях порожденной автономизаций отношений им ненужно было усваивать в русскоязычных городах язык и привычки коренных жителей, к которым многие из них относились с чувством собственного превосходства, присущим русским шовинистам.

Директивы Москвы, громаднейшая документация центральных ведомств на русском языке делали технически невозможным широкое использование национального языка в большинстве звеньев общественной жизни. Тем самым сфера

функционирования национального языка ограничивалась преимущественно бытом и низшими ячейками экономики и власти. А это открывало широкие возможности для засилья русских и русскоязычных на ключевых должностях, чему в немалой степени способствовали и более высокий уровень их культуры и больший доступ для этой части населения к высшему и специальному образованию, поскольку преподавание в высших и средних специальных заведениях велось преимущественно на русском языке.

В союзных республиках русские и русскоязычные жители находились на положении обособленного инонационального населения, определявшего основные стороны жизни коренных национальностей. Проводившаяся в 20-х гг. так называемая коренизация государственного и партийного аппарата для Сталина и иже с ним была не более, чем вынужденной игрой, подобно той, которую раньше приходилось вести, провозглашая независимость республик. Подлинная коренизация была не совместима с отношениями, порожденными автономизацией. Не случайно уже в начале 30-х годов активные коренизаторы подверглись жестоким репрессиям.

О настроениях, царивших в руководстве компартии, превратившейся, по удачному выражению И. Майстренко в “штаб великодержавного шовинизма”,[193] свидетельствует, например, заявление Рыкова. “Термин “колониальная политика”, - утверждал он, - может употребляться “только в том смысле, что колониальная политика, например, Великобритании заключается в развитии метрополии за счет колоний, а у нас колонии за счет метрополии. Россия все более обессиливала от навязанной ей доли донора, снабжения “братских народов” топливом, техникой, производственными кадрами. Превратившись в своего рода “внутреннюю колонию”, фактический источник дотаций национальным республикам, она была по существу обречена на экстенсивную модель общественного развития.”[194]

Но колониальных связей без ввоза капитала на подвластные территории не бывает. За все надо платить. Другое дело, что в отношениях России с союзными республиками этот ввоз капитала принял на много большие размеры в связи с выкачиванием из них не только сырья, но и готовых промышленных изделий, предназначенных для нужд экономики России, развивавшейся опережающими темпами по сравнению с остальными республиками Союза. Что же касается экстенсивной модели развития России или, иначе говоря, развития не столько за счет роста производительности труда, сколько за счет сооружения новых предприятий, то ее причина коренилась не в межреспубликанских связях, а в том, что директорат довел потребление рабочих до голого физического минимума, при котором машины зачастую не могли конкурировать с их дешевым трудом. В этих условиях механизмы использовались лишь в тех случаях, когда без них рабочие не могли сами выполнять те или иные производственные операции.

Как известно, в 60-х гг. рухнула мировая система колониализма. К этому времени отношения политического господства и подчинения в качестве одной из предпосылок существования мировых хозяйственных связей стали не нужны. Потребности экономического развития отсталых стран сами вынуждали их по мере возможности налаживать разносторонние отношения в системе мирового хозяйства. Между тем как колониальные связи России с союзными республиками продолжали сохраняться, ибо строились не на рыночных а командно-административных началах,

органически включавших приказы и их исполнение.

Так продолжалось вплоть до конца 1991 г., когда у нас окончательно рухнул тоталитарный социализм, а вместе с ним и распался Советский Союз. Беловежские соглашения лишь юридически оформили то, что, не задумываясь о последствиях, эмпирически было подготовлено политикой КПСС.

Дело в том, что само существование всеобъемлющей системы командно-административного распределения было возможно лишь в условиях ограниченного промышленного потенциала, когда число планово-учитываемых показателей было сравнительно не велико. В частности, в 30-х годах планом учитывалось всего несколько сот разновидностей фондируемой продукции. Однако по мере того, как росло производство, с одной стороны, увеличивалось число требовавших планового учета экономических связей (при увеличении производства в два раза число экономических связей увеличивалось в 4 раза), чего не могло компенсировать строительство гигантских предприятий, с другой, - росла численность плановых показателей выпуска продукции. Уже к началу 50-х годов всеобъемлющее централизованное планирование из Москвы стало невозможным. В обстановке гонений на кибернетику госплан СССР со своими деревянными счетами, арифмометрами и прочими “сложными” механизмами такого же порядка все более запутывался в расчетах многих тысяч показателей, сваливавшихся на него.

В связи с этим началось сокращение сферы централизованного планирования госплана СССР за счет расширения ее в госпланах союзных республик К 1958 г. число показателей, включенных в союзный план сократилось до 1000 по сравнению с 5000-ми показателями 6-тью годами раньше. Эти изменения послужили началом конца существования межреспубликанских командно-административных связей. КПСС, не замечая того, подорвала самые глубокие экономические основы, на которых зиждился Советский Союз. Рост продукции национальных производственных комплексов, регулируемых республиканскими госпланами, способствовал ускоренному формированию национальных потребностей, которые требовалось удовлетворять. На этой почве усиливались противоречия между экономическими нуждами республик и межреспубликанским распределением, диктуемым госпланом СССР. Распад СССР и образование действительно свободных государств разрешили эти противоречия.

Можно по разному относится к Ленину. Но как бы то ни было, если быть объективным, ему нельзя отказать в одном, а именно в прозорливости. После распада СССР вновь наблюдается тенденция объединения составлявших его республик по модели, в общих чертах намеченной еще Лениным. Объединение происходит прежде всего по линии совместных выступлений как на дипломатическом так и военном уровнях при сохранении полной хозяйственной и политической самостоятельности возродившихся вновь государств. Тот же факт, что они объединяются без тоталитарных политико-административных пут в виде единой правящей партии и слитных министерств иностранных и военных дел объясняется лишь делом времени.

Сегодня от ленинских предложений объединения республик нас отделяют почти 80 лет, когда тоталитарные межгосударственные связи уже абсолютно изжили себя. Теперь на повестке дня повсюду стоит образование зон свободной торговли, для которых многим государствам СНГ еще требуется дорасти, ибо они требуют

существования охватывающих их разносторонних рыночных связей. Появится ли такая зона на территории СНГ (объективные тенденции к этому есть, а вместе с ними и тенденции возрождения вновь русского языка в качестве основы межнационального общения) помимо прочего во многом зависит от того насколько России удастся полностью освободиться от тоталитарного наследия, включая неизжитый российский шовинизм, который присущ не одним только коммунистам. Интересы российских шовинистов отнюдь не тождественны интересам процветания свободной России. Более того одни напрочь исключают другие.

ОТ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ К ОПОРЕ НА СОБСТВЕННЫЕ СИЛЫ

При обсуждении вопроса о привлечении иностранного капитала в Россию один из выступавших заявил: "Мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте".[195,196] Пусть читатель не думает, что сказанное выше - фрагмент заседания Государственной Думы. Это говорилось свыше 80-ти лет назад на Арзамасском уездном съезде советов, когда после окончания гражданской войны и иностранной интервенции, когда большевики еще только намечали пути восстановления лежавшего в руинах хозяйства.

В происходивших в то время спорах о месте России в окружающем ее мире и его влиянии на экономическое развитие страны выявились две точки зрения: одна из них ратовала за преодоление отсталости, опираясь на рост экономических связей с индустриально развитыми странами, другая, - призывала к опоре на собственные силы, чтобы не очутиться в кабале у иностранных капиталистов. Первую из них теоретически обосновал и пытался проводить в жизнь Ленин, вторую, - постепенно овладевавший властью триумвират Зиновьева, Каменева и Сталина, а позднее, когда, триумвират распался, - Сталин.

Ленин исходил из того, что Россия - неотъемлемая часть мирового хозяйства, подорванного войной. В связи с этим он заявлял, что "советская власть... не только крепла сама, но выступает с планом восстановления всего мирового хозяйства". Причем "для восстановления всемирного хозяйства, как он считал, нужно использовать русское сырье".[197] Однако, если в дореволюционные годы таким сырьем было главным образом зерно, то теперь из-за развала сельского хозяйства его должно были, по мысли Ленина, в основном заместить другие виды сырья, за счет продажи которых за границей можно было приобретать машины и оборудование для крупной промышленности. Для этого он предлагал привлекать иностранный капитал. Умножение экономических связей России с индустриально развитыми странами еще в годы военного коммунизма ставилось в основу угла всех ленинских наметок осуществления догоняющего развития, что вызывало на всех партийных уровнях протесты, сводившиеся к тому, что "своих эксплуататоров прогнали, а чужих хотим пускать".[198]

Иное решение проблемы предлагал Сталин. Он последовательно добивался свертывания рынка и восстановления подорванной нэпом системы государственного распределения, несовместимой с масштабным участием страны в международном разделении труда. Понимая неизбежность прилюдного поражения в случае публичной полемики с Лениным, осторожный Сталин первоначально предпочитал оставаться в тени тех, кто открыто участвовал в дискуссиях. Лишь после смерти Ленина, когда должность стала служить основанием неоспоримости его изречений-infllibilitas ex cathedra - он начал выступать с публичными заявлениями по интересующей нас проблеме.

В частности, в ответах на вопросы в Свердловском университете 9 июня 1925 г., он утверждал, что царская Россия "давая кабальные концессии и беря кабальные займы у западных держав, влезала в ярмо полуколониального существования". Исходя из этого делался вывод: для того, чтобы избежать полуколониальной зависимости, "остается новый путь развития, путь, не изведанный еще полностью другими странами, путь развития крупной промышленности без кредитов извне,

путь индустриализации страны без обязательного притока иностранного капитала".[199] Фактически это была программная установка, определявшая на многие годы вперед политику сторонников тоталитарного социализма.

Ни ее аргументы, ни сделанный на их основе вывод, который фальшиво приписывался Ленину, были в корне неверны, но она может служить ключом к пониманию сущности происходивших тогда и возобновившихся теперь споров. "Полуколониальное ярмо" на деле подразумевает политическую зависимость страны в качестве внеэкономической предпосылки организации производства сырья и вывоза его за границу в условиях, когда внутренний рынок крайне ограничен из-за отсутствия или почти полного отсутствия собственной крупной промышленности, а сельское хозяйство сохраняет натуральные черты. Но в дореволюционной России ничего подобного не было. Она не была политически зависимой страной, и к тому же обладала относительно развитым внутренним рынком, рост которого определялось не экспортом сырья как было в колониях и полуколониях, а производством фабричной промышленности. "В целом, - пишет отечественный историк А.Г. Донгаров, - Россия больше ввозила промышленного сырья и полуфабрикатов, чем вывозила. Соответствующие стоимости сырьевого импорта и экспорта за 1913 г. будут следующими - 668 млн. и 153 млн. рублей. В частности, две из наиболее развитых стран мира - Англия и Германия - поставляли в Россию уголь".[200]

По сравнению с индустриально развитыми государствами Россия, несомненно, была отсталой страной, вынужденной еще до революции форсировать свое экономическое развитие. Громадную роль при этом играл иностранный капитал, который устремлялся преимущественно в отрасли, производившие средства производства, т. е. те, где требовались крупные капиталовложения и приходилось относительно долго ждать пока они смогут давать прибыль. В 1914-1915 гг. доля иностранного капитала в группе А составляла 60%, а в группе Б всего 18%. В это же время больше половины средств производства ввозилась из-за границы. Средняя прибыль на иностранный торгово-промышленный капитал составляла 12,9%, по государственному долгу - всего 4,5%.[201] Подобный приток капиталов отнюдь не закабалял страну. Он ускорял развитие экономики России, способствовал преодолению ею отсталости.

В свете этих фактов разговоры о кабальном характере экспансии иностранного капитала выглядят по меньшей мере нелепостью. Между тем вопли о закабалении страны иностранцами, вопли о ее бессовестной распродаже, которые мы с завидным постоянством слышим и в наши дни, настойчиво раздавались еще до революции. В связи с этим, например, Витте был вынужден заявить: "говорить об экономической оккупации России, о продаже русских богатств равносильно слепоте: это значит не знать своей великой истории, не верить в себя и свои великие силы".[202] Как и всюду в странах с уже сложившимся внутренним рынком приток извне капиталов и товаров форсировал модернизацию экономики, способствуя ее ускоренному развитию.

Революция наложила свою печать на эти процессы. Задачам развития крупной индустрии, служившей социальной базой роста численности директората, были подчинены все принимавшиеся на государственном уровне решения в условиях послереволюционного разрыва политических и экономических связей с за границей и резкого сокращения по сравнению с довоенным внутреннего обмена между

промышленностью и сельским хозяйством, без восстановления которого возможности участия в мировом хозяйстве крестьянской страны были крайне ограничены .

Разоренная многолетними войнами деревня в условиях свободного рынка была не способна прокормить неземледельческое население, тогда как находившаяся в руинах крупная промышленность в свою очередь была не в состоянии обеспечить ее своими товарами. Единственным выходом из этой ситуации стал натуральный налог, который по инициативе Ленина был введен после перехода к нэпу. При "полной невозможности удовлетворить крестьянское хозяйство городскими продуктами" за счет разоренной фабричной промышленности натуральный налог представлял, говоря словами Ленина, "понижение разверстки до последних пределов", при одновременном получении дополнительных продуктов путем скупки продукции крестьян, получавших возможность приобретать "предметы местной кустарной промышленности".[203] Но товаризация сельского хозяйства вместе с ростом мелкой промышленности подразумевали подъем свободной торговли, а вместе с ней и частного капитала, а это было как раз то, чего как огня боялись большинство руководителей компартии, включая Зиновьева, Каменева и Сталина, добившихся избавления от навязанных нэпом рыночных отношений.

Неслучайно после смерти Ленина уже в 1924 г. продовольственный налог был заменен денежным, вынуждавшим крестьян продавать зерно по установленным государством пониженным ценам в условиях стагнации того самого мелкого производства, которое могло обеспечить их промышленными товарами. По утверждению наркомторга Н.Б. Эйсмонта, крестьянин за свою продукцию теперь получал вдвое меньше, чем до войны[204], тогда как промышленные товары продавались по ценам выше довоенных, чему способствовал громадный дефицит. На эти деньги он мало чего мог купить. По данным Рыкова семь десятых промышленной продукции потреблялось в городах и лишь три десятых в деревне. Причем из-за дороговизны промышленных изделий их покупателями в деревне были, как он говорил. "главным образом кулацкие богатые элементы".[205]

Во имя борьбы с нэпом рыночные связи села после смерти Ленина сознательно свертывались выхолащиванием их реального вещественно-стоимостного содержания при сохранении присущих рынку форм. В результате хозяйственная обособленность деревни, ее изоляция от города углублялась. Об этом свидетельствует, например, выступление представителя Курской губернии на сессии ВЦИК. "В сентябре 1925 г., - говорил он, - у нас было такое удовлетворение потребностей: по ситцу и хлопчатобумажным товарам всего на 3%, по ходовым суконным товарам - на 10%, по железоскобяным - на 20%, по стеклу - на 10% и т. д. При таком снабжении промтоварами о серьезности заготовки говорить не приходится, ибо ждать предложения на рынке хлеба без товаров невозможно".[206]

На почве свертывания рыночных связей деревни росла натурализация ее производства. Деревня все больше замыкалась в себе. "До тех пор, пока деревня не будет материально обеспечена, - утверждал на XI Всероссийском съезде советов Сизов, - ждать товарного развития со стороны крестьянского населения не приходится потому, что то сырье, которое производит крестьянское население, оно же и переделывает. Лен производится местным населением для своих потребностей, Кожу, которая гниет в кадках у крестьян, при всех затратах они все-таки перерабатывают

потому, что за целое рогатое животное они получают на рынке две пары подошв. Такие цены бьют местный рынок, и несоответствие рынка не дает возможности широко развить товарное производство в области сельского хозяйства”.[207]

Подобно тому, как внешняя политика является продолжением внутренней, так и внешнеэкономические связи являются продолжением экономических процессов, протекающих внутри страны. Ни в условиях только что преодолевшей военнокоммунистические препоны товаризации сельского хозяйства при жизни Ленина, ни в условиях попятного движения после его смерти - свертывания рыночных связей между городом и деревней - экспорт сельскохозяйственной продукции в дореволюционных масштабах был невозможен, тогда как продукция разоренной фабричной промышленности из-за ее отсталости ни как не могла быть востребована в индустриально развитых странах. В связи с этим внешняя торговля переживала глубокий спад. Если в 1913 г. стоимость российского экспорта в довоенных ценах составляла 1370 млн. руб., то за пятилетие с 1920/21 г. по 1924/25 г. его годовая стоимость не превысила 370 млн. руб., или иначе говоря, не превысила 27% его довоенной величины.[208] При этом за исключением 1923/24 г. внешнеторговый баланс постоянно сводился с большим дефицитом. В связи с этим, выступая в январе 1924 г. на XIII партконференции Рыков говорил, что из-за отсутствия золотого фонда для приобретения за границей машин и оборудования, пассивный баланс стал невозможен, “потому что мы не можем купить больше, чем продаем, потому что у нас купила нет, все вышло”.[209]

Между тем для восстановления на базе электрификации разрушенного войной хозяйства страна как никогда прежде нуждалась в громадном ввозе из индустриально развитых стран транспортных средств, машин, оборудования и т.д., Решить эту проблему без роста экспорта было невозможно. В качестве выхода из создавшегося положения Ленин предлагал, создавая концессии, широко привлекать иностранный капитал, чтобы так или иначе восполнить валютный дефицит. “Без хлеба, - говорил он, - нельзя развивать внешней торговли. Но что же мы дадим? Хлам? Хлама у них своего много. Говорят, давайте хлебом будем торговать, а мы хлеба дать не можем. Поэтому мы решаем задачу при помощи концессий... Без концессий мы своей программы электрификации страны выполнить не можем”.[210]

Это говорилось еще в годы военного коммунизма, в 1920 г. После перехода к нэпу хлеб в небольших количествах все-таки стал вывозиться за границу, что позволило увеличить стоимость экспорта с 10 млн. рублей в 1920/21 г. до свыше 300 млн. руб. в 1922/23 - 1924/25 гг. Однако заместить его масштабным экспортом другого сырья ни при жизни Ленина, ни тем более после его смерти из-за сопротивления партийно-государственного аппарата не удалось. 70% экспорта приходилось на сельское хозяйство, тогда как 70% импорта предназначалось для развития промышленности.[211] Таким образом, как и до революции, внешний рынок продолжал опосредовать, но уже на чрезвычайно суженной основе, связь между сельским хозяйством и промышленностью.

Все руководители компартии были согласны форсировать экспорт, увеличивая объемы внешней торговли. Однако большинство из них, включая триумвират Зиновьева, Каменева и Сталина, хотели наращивать экспорт, сокращая в борьбе с нэпом внутренний рынок и приток иностранного капитала. Они исходили из того, что “плановые методы, как было записано в 1924 г. в резолюциях XII съезда РКП(б), когда больной Ленин фактически уже был отстранен от власти, могут и должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его”.[212] С этой целью устанавливались монопольно низкие цены на продукцию крестьян при чрезвычайно ограниченных возможностях приобретения ими городских товаров. Товаризация сельскохозяйственного производства искусственно сдерживалась, а вместе с ней сдерживались и поступления его продукции на внешний рынок, что в условиях отсутствия других товаров для продажи за границу не могло негативно не сказываться на темпах модернизации российской экономики, ибо вне рамок мирового хозяйства модернизация вообще была невозможна.

Различия в подходах Ленина и большинства руководителей компартии не ограничивались только мерами по обеспечению внешней торговли товарами и валютой. Они сказались и в поиске ее оптимальных форм. Ленин и его немногочисленные сподвижники последовательно отстаивали государственную монополию внешней торговли, тогда как его оппоненты в руководстве компартии, возглавляемые триумвиратом Зиновьева, Каменева и Сталина, стремились свести эту монополию на нет.

При крайне ограниченных возможностях импорта коренная модернизация и ускоренный рост промышленности без государственной монополии внешней торговли были невозможны. Сама государственная фабричная промышленность из-за убыточности была не в состоянии за собственный счет обновить производство основного капитала, электрифицируя всех отрасли народного хозяйства страны. Чтобы решить эту задачу требовалось привлечь иностранный капитал и ресурсы сельского хозяйства, сосредоточив при этом в руках государства все зарубежные закупки машин и оборудования.

Помимо ограниченного экспорта, сельское хозяйство способствовало сокращению убыточности фабричной промышленности благодаря политике возложения “жертв на мелких земледельцев”,[213] позволявшей посредством низких административных цен на хлеб экономить на зарплате тех, кто был занят в промышленности. Условием же существования таких хлебных цен была государственная монополия внешней торговли, защищавшая от экспансии иностранного экспортера.

В дальнейшем по пути подобных “жертв мелких земледельцев” ,через этап конфискации государством доли крестьянской продукции и скупки ее по административным ценам, прошло подавляющее большинство стран Востока. На определенном историческом отрезке, когда сохраняются глубокие диспропорции в уровнях развития города и деревни, натуральные платежи и низкие административные цены это не волюнтаристские акции сторонников того или иного курса (в том числе и сторонников тоталитарного социализма), а абсолютная необходимость, с которой в процессе догоняющего развития вынуждены считаться независимо от политической ориентации все предержащие власти. Однако в одних случаях их итогом было наращивание рыночных связей, в других - их свертывание и замена административным распределением, как это в частности, в конечном итоге произошло в России.

Различие между Лениным и его партийными оппонентами в сущности сводилось к тому, что его курс через диалектику ограничений рыночных связей объективно пролагал путь к их всестроннему развитию, тогда как его оппоненты

стремились использовать подобные ограничения для ликвидации рыночных отношений. В России, как позднее и в ряде стран Востока, там, где к власти приходили коммунисты, победу одерживали антирыночные тенденции, присущие тоталитарному социализму. Но рождавшийся на их основе экономический строй в конце концов не выдерживал проверку временем, вынуждая коммунистические правительства снова переходить к тем самым рыночным отношениям, поборником которых был Ленин.

Замечательно и то, что и в тех странах Востока, где даже не помышляли о социализме, на начальных этапах борьбы с отсталостью проводилась экономическая политика, содержавшая ряд важных черт, которые впервые теоретически разработал и пытался провести в жизнь опять- таки Ленин. С этой точки зрения особый интерес представляет опыт Тайваня, где послевоенное реформирование экономики происходило под контролем американской администрации. Американцев вряд ли можно обвинить в том, что они противники свободной торговли. Тем не менее, будучи практичными людьми, они осуществляли широкомасштабное вмешательство государства в рыночные отношения, не ведая того, что его основы в свое время впервые были разработаны Лениным и его сподвижниками.

В результате политики, "возлагавшей жертвы на мелких земледельцев", в распоряжение государства в 1950-1959 гг. поступало свыше 60% производившегося на Тайване риса. Это достигалось путем натурального (рисом) внесения налогов и платежей, государственного обмена поставляемых крестьянам удобрений на рис и обязательных для крестьян его государственных закупок. Располагая громадным количеством зерна, власти получили возможность продавать его, как это делалось в России, по административным ниже рыночных ценам, удешевляя тем самым стоимость рабочей силы занятой в промышленности, а также экспортировать его за границу.

Отмечая масштабное вмешательство государства в экономическую жизнь, следует иметь в виду, что здесь никогда не ставилась абсурдная задача ликвидировать свободный рынок, подменив его административной организацией обмена, к чему стремились после смерти Ленина российские большевики. На Тайване по мере роста производства все большие массы риса поступали в свободную продажу, тогда как административное регулирование обмена все больше приходило в упадок. Тем самым была создана почва для возникновения при государственной поддержке того самого строя цивилизованных кооператоров, который в свое время мечтал создать в России Ленин. Наконец, опыт Тайваня, как и подавляющего большинства стран Востока показывает, что на начальной фазе индустриализации в условиях догоняющего развития рост производства средств производства с использованием иностранных капиталов происходит преимущественно на государственных предприятиях, порождая на какое-то время гипертрофию государственного сектора.

Примечательно, что при блокировании с СССР подобные социально-экономические изменения в свое время рассматривались советскими востоковедами как тенденции к социализму. В связи с этим они выделяли страны социалистической ориентации, полагая, что при благоприятных условиях их ожидает то, что сегодня мы называем тоталитарно-социалистическое будущим. Объективные возможности для этого тогда действительно существовали, исчезнув позднее вместе с крахом тоталитарно-социалистической системы.

Исторически российские большевики были первыми, пытавшимися в отсталой стране, используя масштабные ограничения рыночной стихии, наладить на государственных предприятиях передовое производство средств производства. Однако тот факт, что это явление было временным как и то, что оно не могло служить оправданием постоянного сосредоточения в собственности государства основного промышленного потенциала, так и остался, включая Ленина, непонятым российскими коммунистами. Противоречия между расширявшимся рынком и полностью национализированной крупной промышленностью в тот период еще не достигли той зрелости, которая позволила бы обнаружить несостоятельность марксистских догм, которыми руководствовались большевики.

Как мы отмечали, в условиях догоняющего развития государственная монополия внешней торговли была нужна не только для того, чтобы предназначенные для внешнеторговых операций фонды сосредотачивались в руках государства, но и для того, чтобы избежать конкуренции иностранных экспортеров, которые могли вздувать цены на скупавшиеся товары. Дело в том, что на рынках отсталых стран вообще и в России в частности цены на товары, как правило, были значительно ниже мировых. На российских рынках внутренние цены на некоторые из них были ниже международных в три раза. Например, в середине 1922 г. лен, занимавший доминирующее положение в российском экспорте того времени, на мировом рынке оценивался золотом в 11 руб. 80 коп. за пуд а на внутреннем рынке его цена составляла всего 4 руб. Щетина и мокро-соленые кишки соответственно 15 и 6 руб., мокро-соленые кожи - 22 и 8 руб.. Высок был разрыв цен и на зерно. В частности, в 1923 г. на российском рынке за пуд ржи давали 60 коп., а на мировом свыше одного руб.[214] Разрыв цен при отсутствии препон, поставленных государством, позволял иностранным экспортерам с прибылью скупать крестьянскую продукцию по повышенным ценам.

В этих условиях обеспечить в интересах промышленности существование низких цен можно было только одним путем - путем жесткой государственной монополии внешней торговли, которая по инициативе Ленина была введена еще в годы военного коммунизма, 11 июня 1920 г. Полемизируя позднее с Бухариным, утверждавшим, что при ее отмене развернется борьба между крестьянином и экспортером, Ленин писал: "это... в корне неправильно, ибо экспортер при указанных, например, мною разницах в ценах (лен стоит в России 4 р. 50, а в Англии 14 р.) мобилизует вокруг себя все крестьянство самым быстрым, верным и несомненным образом. На практике Бухарин становится в защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата (на деле здесь речь идет о директорате - Ю.И.), который не в состоянии воссоздать своей промышленности без охраны ее... а только исключительно монополией внешней торговли".[215]

В борьбе за государственную монополию внешней торговли Ленин опирался на Красина, и его аппарат наркомата внешней торговли. Красин не без основания полагал, что при ее отмене в аграрном секторе начнут хозяйничать иностранные торговые компании, обирающие крестьян торгово-ростовщическими методами. "В деревне, - писал он, полемизируя с противниками монополии, - будет искусственно введен самый злостный эксплуататор, скупщик-спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной. Эти

скупщики, привозя в качестве "эквивалента" всякую заграничную заваль, используя нужду разорившейся деревни, опутают крестьянина ссудами и авансами под будущий урожай, закабаляя его бесчисленными способами ростовщической и кулацкой практики".[216] Такой вывод был вполне оправдан, если учесть, что после земельного передела в товарном производстве деревни ведущей фигурой непосредственного производителя стал не наемный рабочий, а мелкий крестьянин, вынужденный постоянно влезать в долги в счет будущего урожая.

Красин справедливо указывал и на то, что в отсутствии монополии из России будет вывозиться преимущественно необработанное сырье. "Заграничные скупщики и их агенты будут заинтересованы в срыве торговли государственных и кооперативных органов и между прочим также в ухудшении качества вывозимого русского сырья, так как это позволит им сбивать цены внутри, а очистку, сортировку и приведение сырья в надлежащий вид целиком перенести за границу".[217] Как известно, обработанное сырье всегда стоит на много дороже необработанного.

Госмонополия не только ставила преграды проникновению иностранного скупщика в деревню, но и служила прямой защитой промышленности от конкуренции иностранных товаров. В условиях повсеместной враждебности капиталистического мира, достаточно было ввести ввозные премии, чтобы иностранные промышленные товары заполонили российский рынок. "Денег для этого, - как обосновано подчеркивал Ленин, - у любой промышленной страны более, чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка".[218] Следствием же ломки могло быть только одно - превращение России в полуколониальную страну. Позднее после развала колониальной системы инструмент государственной монополии внешней торговли широко использовался странами Востока для создания собственной промышленности.

Введенная в 1920 г. госмонополия первоначально осуществлялась только аппаратом внешней торговли. В написанном Лениным декрете СНК указывалось, что народному комиссариату внешней торговли "принадлежит исключительное право вести все торговые сношения с иностранными, государственными, общественными и частными учреждениями и организациями, торговыми и промышленными предприятиями и отдельными лицами".

В годы военного коммунизма, в условиях чудовищного обесценения денег и повсеместного их вытеснения натуральным распределением монополия лишь виртуально сказывалась на жизни россиян, не затрагивая непосредственно их личные интересы. Иная ситуация сложилась в связи с переходом к нэпу, открывшему возможности индивидуального денежного обогащения за счет реализации на рынке товаров и услуг, включавшего товарообмен с за границей.

Естественно, что в непосредственной торговле с за границей и отмене госмонополии были преимущественно заинтересованы прежде всего те, кто распоряжался товарами. В советской России ими были главным образом зажиточная верхушка деревни и директорат. У не имевших собственных организаций имущей деревни не было легальных средств преодолеть государственную монополию. Им оставалось только одно - контрабанда. Обладавшие же властью директора в целях личного обогащения добивались легализации своего участия в торговле с за границей, сулившей им колоссальные прибыли. "Многие государственные

предприятия и учреждения, - говорил Красин, - стремятся по возможности избавиться от всякого контроля и получить право беспрепятственного совершения экспортных и импортных сделок, пользования валютой, свободной продажи и покупки заграничных товаров и вывоза русского сырья за границу".[219] Сегодня в условиях рынка подобные поползновения директоров, нарушающих законы во имя собственного обогащения, стали повсеместным явлением.

Ленин и его немногочисленные сторонники в руководстве компартии объективно отстаивали классовые интересы всего директората, совпадавшие с национальными нуждами страны. Триумвират же Зиновьева, Каменева и Сталина, объективно, независимо от помыслов поддерживавших его антимонопольные устремления, добивался в борьбе за власть привлечения на свою сторону широких слоев директоров и дискредитации нэпа, поскольку без монополии, как правильно указывал Ленин, из страны было бы вывезено все. Такая политика фактически подготавливала кризис, который мог позволить триумвирату выступить в роли спасителя революции от разгула рыночной стихии.

За борьбой за то, как торговать с за границей, фактически скрывалась борьба за исторические судьбы нэпа. Основные ее перипетии происходили в основном, что тоже весьма примечательно, в стенах партийных и государственных кабинетов, мало выплескиваясь на страницы ведущих газет. На долю общественности доставались преимущественно слухи.

В ходе борьбы сторонники отмены монополии доказывали, что аппарат наркомата внешторга неповоротлив, забюрократизирован и не способен полноценно удовлетворять нужды хозяйственных организаций. В связи с этим необходимо, как они утверждали, чтобы такие организации сами стали субъектами внешнего рынка. Ленин же справедливо указывал, что неработоспособность наркомата внешней торговли "не больше и не меньше неработоспособности" остальных наркоматов, "зависящая от их общей социальной структуры".[220] Выход из сложившегося положения он видел не в том, чтобы, покончив с монополией, дать возможность руководителям хозяйственных организаций самим торговать с за границей, а в предоставлении наркомату внешней торговли права создавать свои смешанные общества, привлекая в них представителей как российских, так и иностранных организаций, желающих торговать. Иначе говоря, Ленин предлагал заменить, как он говорил "абсолютную монополию" внешней торговли "либеральной".[221] Такая замена адекватно приспосабливала монополию внешней торговли к условиям нэпа, сочетавшего и подчинявшего частный интерес интересу государственному.

В 1922 г., когда Ленин заболев, был вынужден частично отойти от дел, противостояние сторонников и противников монополии внешней торговли из теоретической перешло в практическую плоскость. Первой попыткой ее взломать явилось постановление ВЦИК от 13 марта 1922 г., предоставившее право участия во внешней торговле госорганам, государственным предприятиям и их объединениям, губисполкомам и акционерным компаниям. Согласно постановлению для заключения ими торговых сделок требовалось предварительное разрешение НКВТ и утверждение последним соответствующих договоров. Сегодня мы знаем какие грандиозные аферы могут скрываться за показной бумажной отчетностью, создающей лишь видимость государственного контроля.

Подобные махинации совершались и 80 лет назад. В качестве примера может

служить облетевший тогда страницы газет следующий факт. По официальной отчетности в одно из ведомств поступило предложение в обмен на гвардейское сукно получить из-за границы сахар. В действительности же реальный участник сделки не брал в обмен на сахар никакого сукна, желая ввезти под видом товарообмена 12 вагонов сахара и передать бесплатно два из них ведомству, снабдившему его документами, а остальное распродать по спекулятивным ценам.[222] "Во многих случаях, - писал Д. Минаев, - в газете "Экономическая жизнь" делаются попытки заключения замаскированных договоров, одного для НКВТ, другого для заграничного посредника. Заграничные посредники ищут подставную фирму, и, к стыду нашему, нередко находят ее за чечевичную похлебку". Тресты и торги, по его утверждению, занимались мошенничеством,[223] чему способствовала обстановка повсеместного взяточничества.

Сосуществование государственного аппарата и рынка всегда служит почвой, на которой произрастает подкуп чиновников. Однако в советской России, где этому аппарату вменялось в обязанность вмешиваться во все сферы экономической жизни, взяточничество подобно метастазам поразило весь общественный организм в масштабах, которых Россия до этого не знала. Никакие кампании по борьбе с взяточничеством, проводившиеся на всех уровнях, включая кампании чекистов, были не в состоянии с ним покончить Во многих случаях они имели чисто показной характер. В частности, октябре 1922 г. "Известия" в качестве положительного факта опубликовали следующее сообщение: "В целях борьбы со взяточничеством в Петроградском округе путей сообщения последовал приказ о том, чтобы служащие под угрозой наказания не менее трех суток ареста, не разговаривали в коридорах учреждений".[224] Это был один из очередных месячников по борьбе с взяточничеством.

В обстановке разгула взяточничества вакханалия нарушений монополии внешней торговли нарастала. Ее призвана была окончательно сломить подготавливавшееся слияние наркомата внешней торговли с ВСНХ. В связи с этим 15 мая 1922 г. Ленин направил Сталину записку с проектом постановления политбюро, в котором предлагалось подтвердить монополию внешней торговли и прекратить всюду разработку и подготовку слияния ВСНХ с НКВТ. Через неделю, 22 мая, политбюро опросом по телефону утвердило проект.

К этому времени по инициативе Ленина уже были приняты меры, приспосабливавшие монополию внешней торговли к условиям нэпа. Еще 4 января 1922 г. высшая экономическая комиссия утвердила всецело одобренные Лениным тезисы А.М. Лежавы по внешней торговле, в которых предлагалось создавать "акционерные общества русские и иностранные с участием НКВТ с целью привлечения иностранного капитала для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их за границей и ввоза в страну предметов, необходимых для восстановления хозяйства и товарооборота."[225]

Ленин обосновано возлагал большие надежды на смешанные общества, означавшие отход от системы монополии эпохи военного коммунизма. "Я надеюсь, - писал он в одном из писем, - что на основе "смешанных обществ", если все мы и вы в особенности не допустите, чтобы там сидели "комкуклы", коммунистические куклы на верху для вида, а ворочали всем спецы, жулики и т. п. - то на этой основе мы всю экономику торговли переделаем, и переделаем как раз так, как нужно для

обеспечения социалистического строительства".[226]

Постановление политбюро 22 мая 1922 г. казалось бы завершилось победой сторонников монополии внешней торговли. Но ее противники не сложили оружия. Созданная по поручению политбюро комиссия под председательством Каменела первого июля 1922 г. приняло постановление, открывавшее те же возможности нарушать монополию внешней торговли, что и мартовское постановление ВЦИК. В постановлении комиссии указывалось, что "точно установленным по особому списку хозяйственным органам предоставляется право самим вести торговые операции за границей через своих представителей под общим контролем НКВТ, с его предварительным ознакомлением с каждой той операцией и с правом внешторга налагать вето на каждую операцию за его ответственностью."[227] Постановление комиссии Каменева было принято пленумом ЦК 8 августа 1922 г.

Одновременно пленум отверг предложение Троцкого публично опровергнуть слухи об отмене монополии внешней торговли. По представленному им проекту резолюции было принято обтекаемое решение: "Считая необходимым опубликование в той или иной форме опровержение слухов об отмене монополии внешней торговли, передать предложенный т. Троцким проект декларативного заявления в комиссию как материал."[228]

После пленума наступление противников монополии продолжалось. Их натиск за ее фактическую отмену при формальном сохранении ее видимости усилился. 6 октября 1922 г. по предложению Сокольникова пленум ЦК в отсутствие Ленина (он был болен) принял решение фактически сводящую монополию на нет. "Не декларируя никаких перемен в отношении монополии внешней торговли, - указывалось в протоколе заседания пленума, - провести ряд отдельных постановлений СТО о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям или в применении к отдельным границам. Предложить СТО немедленно начать осуществление указанных мер, не откладывая их до выработки общего списка товаров, подлежащих ввозу или вывозу, а также портов и границ, через которые ввоз и вывоз должен производиться."[229]

В действительности "перемены в отношении монополии внешней торговли" были весьма существенны. И дело здесь не только в сужении ее сферы и сокращении числа тех считанных портов, через которые предлагалось монопольно осуществлять товарооборот России с за границей. Резолюция пленума в сущности снимала государственные препоны мошенничеству, связанному с выдачей валюты, денег и ценностей против счетов и товарных документов. "И то и другое, писал Красин в отзыве на предложение Сокольникова, не представляет, по существу дела, гарантий, ибо счета и товарные документы можно фабриковать в каких угодно количествах и в каких угодно формах. Можно даже представить документы на отправленные уже товары, а товар с пути впоследствии возвратить".[230]

Не случайно и то, что проведение резолюции в жизнь поручалось не совнаркому, где ключевые просты занимали сторонники Ленина, а Совету труда и обороны, в котором были как противники монополии так и колеблющиеся. Ленин отреагировал немедленно - он предложил отложить реализацию решений до следующего пленума, на котором собирался добиться их отмены. 16 октября 1922 г. его предложение было принято политбюро. После этого началось, как обычно бывает в тоталитарных государствах, закулисное перетягивание каната между стронниками сохранения

монополии внешней торговли и ее противниками.

Тактика противников монополии заключалась в том, чтобы отсрочить на длительное время предстоящий пленум с тем, чтобы, пользуясь болезнью Ленина, не дать ему возможности пересмотреть постановление от 6 октября. Уже 12 октября политбюро поручило секретариату (иначе говоря Сталину) "произвести опрос всех находящихся в Москве членов ЦК по вопросу об отложении на два месяца проведения решений пленума о режиме внешней торговли".[231] В ходе опроса Каменев 14 октября сообщил политбюро, что согласен пересмотреть постановление пленума ЦК о внешней торговле. Сталин же и Зиновьев выступили решительно против. "Я, - заявил в телефонограмме Сталину 14 октября Зиновьев, - решительно против пересмотра решения, принятого пленумом по вопросу о режиме внешторга, и по формальным соображениям и по существу. В статье Красина ничего кроме крайне рискованной демагогии не вижу. Голосую против всякого пересмотра."[232] Сталин же в борьбе против монополии пошел еще дальше уже принятых антимонопльных решений, поддержав позицию Бухарина, доказывавшего необходимость замены монополии таможенной политикой. В то же время, ссылаясь на инспирированные им заявления врачей, он искусно делал все для того, чтобы Ленин перестал заниматься политикой.

Позиция Бухарина была такова: "Ни у тов. Ленина, ни у тов. Красина, нет ни звука о тех бесчисленных убытках, которое несет хозяйство страны от неработоспособности наркомата внешней торговли... Регулировать нужно здесь, главным образом, мерами таможенной политики".[233] Идея Бухарина была абсурдной. Никакой таможенной политики нельзя было проводить в стране, границы которой оставались для контрабанды практически открытыми. Как писала тогда газета "Экономическая жизнь", контрабанда шла "через границу целыми обозами".[234]

Возможности общения Ленина из-за болезни в это время были ограничены. Однако своими письмами и с помощью своих немногочисленных сподвижников он настойчиво убеждал руководителей компартии и госаппарата в преимуществах монополии. "Прибыль от внешней торговли, - писал он, в частности, Сталину для членов ЦК 13 октября, - измеряется сотнями процентов, мы начинаем получать миллионы и десятки миллионов. Мы начали строить смешанные общества, начали учиться получать половину их (чудовищной) прибыли. Мы видим уже некоторую перспективу солиднейшего госдохода. Мы бросаем это в надежде на пошлины, которые не могут дать сколько-нибудь подобной прибыли". Весьма значимыми в отстаивании ленинской точки зрения были также "Тезисы наркомвнешторга о "режиме свободной торговли", представленные Красиным 20 октября.

Будучи не в состоянии из-за болезни самому присутствовать на пленуме, Ленин попросил Троцкого выступить на нем в защиту монополии. Троцкий согласился, написав ему: "В пределах вопроса о монополии внешней торговли думаю, что согласие у нас полное. На пленуме надо добиваться всемерного, твердого, не только принципиального, но и практического, организационного закрепления монополии".[235] К этому времени большинство членов ЦК уже поддерживали Ленина. Перед лицом неминуемого поражения, Сталин, чтобы сохранить реноме бесспорного руководителя, был вынужден накануне пленума известить членов ЦК, что "ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов..., говорящих в

пользу сохранения монополии внешней торговли, считаю своим долгом заявить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли, письменно сообщенные мною членам ЦК два месяца назад". Свои возражения против монополии внешней торговли накануне пленума снял и Зиновьев.

18 декабря 1922 г. пленум единогласно поддержал выступление Троцкого, заявившего о солидарности с ним Ленина в защите монополии. В постановлении пленума, в частности, указывалось: "издать в партийном порядке строгую инструкцию... с возбранением под страхом строгих кар выступлений против монополии внешней торговли в переговорах с представителями иностранного капитала в России и за границей с указанием на тяжелый вред дискуссий по вопросу о монополии, которые вызывают в капиталистическом мире представление о нашей неустойчивости по этому вопросу."[236]

После пленума полупарлизованный Ленин 21 декабря написал Троцкому записку: "Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление".[237] К тексту Крупская сделала приписку: "Владимир Ильич просит позвонить ему в ответ". О записке и ее содержании Сталину немедленно доложили его соглядатаи в ленинском секретариате. Узнав, что потребовалось всего "простое маневренное движение", чтобы оставить его в дураках, Сталин пришел в неописуемую ярость, которую выместил на Крупской, устроив ей известный грязный разнос. Его злоба против Ленина и Троцкого возросла, вынуждая в дальнейшем, применять еще более искусные "маневренные движения", действовать еще более коварнее и изощреннее, чтобы окончательно устранить их влияние на властные структуры.

Как мы уже отмечали, Ленин ратовал за приток иностранного капитала в целях интеграции опустошенной войнами экономики России в мировом хозяйстве. Причем в его планах привлечение иностранного капитала выходило далеко за рамки создания смешанных обществ, торговавших с за границей. При отсутствии иностранных займов, которые, как считал Ленин, "очень нужны",[238] и поставленных препон иностранный капитал мог оседать в советской России преимущественно в форме концессий, или иначе говоря в форме аренды государственного имущества. Концессии привлекали иностранных предпринимателей возможностью получать громадную прибыль, порой достигавшую почти 200%[239]

По инициативе Ленина концессии разрешалось учреждать еще в годы военного коммунизма. 4 марта 1920 Красин вынес на обсуждение тезисы о концессиях. 25 марта Ленин их подписал. 23 и 25 марта были опубликованы декреты СНК и ВЦИК, которые разрешали вывоз за границу известной доли продукции предприятий, принадлежавших иностранцам (против чего и сегодня возражают коммунисты), найм рабочих и служащих по специальным договорам, а также гарантировали неприкосновенность имущества концессионеров и незыблемость заключенных с ними договоров.

Однако в годы военного коммунизма, в условиях системы всеобщего государственного распределения средств производства, предметов потребления и рабочей силы, а также незыблемых тарифов заработной платы, концессии не могли нормально функционировать, хотя уже тогда из-за границы поступали предложения о заключении концессионных договоров. Лишь с переходом к нэпу с его рыночными

отношениями возник благоприятный климат для их существования. В связи с этим возросло число иностранных предпринимателей, желавших приобрести концессии в России.

Ленин был энтузиастом использования концессий как для покрытия дефицита платежного баланса и роста товарооборота с за границей, так и переоборудования всего народного хозяйства на базе передовой техники. "Без концессий, - говорил он, - мы своей программы и электрификации страны выполнить не можем; без них в десять лет невозможно восстановить нашего хозяйства...".[240] Ленин выделял в качестве основных три вида концессий - лесные, сельскохозяйственные и горные, предлагая, в частности, передать иностранным концессионерам Кривой Рог и четверть Донбасса, громадные нефтяные площади Баку, Грозного, Эмбы, Ухты, богатейшие медные рудники, а также освоение Курской магнитной аномалии.

С этой точки зрения весьма примечательно его письмо А. Серебровскому. "Архижелательно, - писал он ему 21 апреля 1921 г., - четверть Баку, а то и две четверти сдать концессионерам (на условиях помощи из-за границы продовольствием и оборудованием сверх размеров, необходимых для концессионера). Только тогда есть надежда на остальных трех четвертях или двух четвертях догнать (а затем обогнать) современный передовой капитализм... Зарубите себе и всем на носу: архижелательны концессии. Нет ничего вреднее и губительнее для коммунизма коммунистического самохвальства - сами сладим".[241] О том, что нет ничего вреднее и губительнее постулата "сами сладим" не плохо бы помнить и теперь нашим коммунистам, выступающим против притока иностранного капитала в нашу страну вообще и в сельское хозяйство в особенности.

Вместе с тем, будучи идеологом директората, Ленин подчеркивал, что "основой в концессиях является не улучшение положения рабочих, а повышение производительных сил."[242] В связи с этим он, в частности, писал В.А. Смольянову и членам СТО: "Район "аренды" для данной группы определить <u>точнее</u>, взяв преимущественно или даже исключительно самый дальний Север (это удобнее для нас, ибо избавит нас от посылки туда продовольствия; это удобнее политически, ибо льготные условия для рабочих - до 50 к. <u>золотом</u> !! - меньше вызовут зависти и столкновений у других рабочих."[243] Его в всерьез беспокоило, что, трудясь вместе с иностранцами, российские рабочие на собственном опыте убедятся в том, что за рубежом их братья по классу живут лучше, чем в советской России.

В то же время Ленин прекрасно понимал, что без притока иностранного капитала, без концессий невозможно выйти на уровень развитых индустриальных стран и, как он полагал, его превзойти. Он прилагал максимум усилий для того, чтобы в России было как можно больше концессий, но его призывы сплошь да рядом гасились скрытым саботажем партийной верхушки. Ни триумвират Зиновьева, Каменева и Сталина, ни его сторонники в руководстве страны при жизни Ленина еще не осмеливались открыто выступать против концессий. Несмотря на угрозы применения самых страшных кар, государственно-партийный аппарат молчаливо упирался идти путем, указанным Лениным, вынуждая последнего сплошь да рядом бесплодно убеждать партийных и государственных руководителей в правильности проводившейся им политики. "Против предрассудка, который имеется в верхах ВСНХ, - писал, в частности, Ленин для членов политбюро, - против концессий и нефтяных, и земледельческих и других, надо повести борьбу самую

беспощадную".[244]

Требуя от исполнителей скорейшего заключения договоров с концессионерами, Ленин написал не одно гневное письмо. Так, он обвинял в "саботаже" Рыкова, и настаивал на том, чтобы тот, решая вопросы о концессиях, "двинул дело вперед как следует".[245] Обращаясь к Смилге Ленин указывал: "По соображениям не только экономическим, но и политическим нам абсолютно необходима концессия с немцами в Грозном, а если возможно и в других топливных местах. Если вы будете саботировать, сочту это прямо за преступление."[246] А ведь, кроме писем, на эти же темы были бесчисленные личные беседы и телефонные разговоры, которые заканчивались показным согласием, тогда как дело мало сдвигалось с места. К первому апрелю 1924 г. число предложений о создании концессий перевалило за тысячу в то время, как заключенных договоров начитывалось всего лишь 55.[247]

Не случайно, как только Ленин оказался парализованным и уже не мог влиять на политическую жизнь страны, стали множится знакомые нам и сегодня призывы к тому, что лучше жить бедно, но зато идти своим социалистическим путем. Овладев безраздельной властью, триумвират Зиновьева, Каменева и Сталина в отличие от Ленина видел свою главную задачу не в развитии рыночных отношений с за границей, а в их свертывании, а вместе с ними и в свертывании нэпа. Ее решение требовало изоляции страны от мирового рынка, подразумевавшего, в частности, отказ от использования иностранного капитала.

Именно борьба против иностранного капитала положила начало политике неучастия страны в мировом хозяйстве, в ходе которой руководители компартии формулировали свои первые изоляционистские идеи. В триумвирате ее закоперщиком на первых порах выступил Зиновьев. Еще тяжело болевший Ленин не успел умереть, как в стране стала разворачиваться крупномасштабная публичная кампания против притока иностранного капитала. Да, возможно, - говорил Зиновьев, - дело восстановления нашего хозяйства и пойдет быстрее, если сразу вольется большой приток иностранного капитала, но здесь маленький вопрос заключается в том, пойдет ли это на пользу в классовом смысле слова нашему хозяйству, усилит ли это удельный вес нашего социалистического хозяйства или сразу в величайшей степени усилит нэп."[248]

Сторонники тоталитарного социализма отождествляли нэп и иностранные инвестиции с развитием капитализма, теснившего, как они полагали государственный сектор и сдерживавшего своей высокой зарплатой рост государственных накоплений. На частных промышленных предприятиях вообще и принадлежавших иностранцам в особенности заработная плата рабочих была заметно выше, что было абсолютно неприемлемо для коммунистических защитников интересов пролетариата. В частности, согласно данным 800 коллективных договоров заключенных в середине 20-х гг., заработная плата на частных предприятиях на 60% превышала ее уровень в национализированной промышленности.[249]

На XIII съезде партии в мае 1924 г. идеи неприятия нэпа и иностранного капитала получили логическое завершение в выступлении Зиновьева, объявившего правильным тезис о том, что "если мы не сделаем всего необходимого, для того, чтобы, хотя медленно, но <u>своими силами</u> справиться, то никогда не увидим никакой помощи иностранного капитала, а увидим подножки и обман. Поэтому товарищи выдвигают предложение усиления борьбы с нэпом".[250] Этот призыв к опоре на

собственные силы был публично поддержан и развит Сталиным в речи на собрании студентов КУТВ в июне 1925 г., о которой мы говорили выше.

Среди сторонников расширения связей с мировым рынком наиболее яркой фигурой был Троцкий. Хотя Троцкий и ратовал за скорейшее свертывание нэпа и переход к тоталитарным методам управления экономикой, в решении ряда вопросов он отступал от канонов впервые в мире рождавшегося тоталитарного социализма, которые наиболее последовательно отстаивал в борьбе за единоличную власть Сталин. Отношения последнего с Троцким не ограничивались только рамками личной неприязни.

Троцкий доказывал бесперспективность перехода к социализму в государстве, изолированном от остального мира, и призывал наращивать мирохозяйственные связи в целях содействия революции в других странах и роста экономики в собственной стране. Он полагал, что последствия изоляции будут крайне негативными. "Две трети оборудования наших фабрик и заводов, - писал он, - ввозились из-за границы. Вряд ли это соотношение значительно изменилось и для нашего времени. Это значит, что вряд ли нам будет хозяйственно выгодно в ближайшие годы производить машинное оборудование у себя больше, чем скажем, на две пятых или, в лучшем случае, наполовину. Если бы мы сразу совершили резкую передвижку средств и сил в сторону производства новых машин, то мы либо нарушили бы необходимые пропорции между разными отраслями хозяйства и между основным и оборотным капитал в одной и той же отрасли, либо сохранив эти пропорции, сильно снизили бы общий коэффициент роста."[251] Примечательно, что прогноз последствий опоры на собственные силы, порождавшей нарушение пропорций "между разными отраслями хозяйства и между основным и оборотным капиталом в одной и той же отрасли" впоследствии полностью подтвердился.

О том, какого накала в середине 20-х гг. достигала борьба между сторонниками и противниками опоры на собственные силы, можно судить, например. по тому, что в резолюции пленума ЦК в октябре 1925 г. еще указывалось, что "необходимая быстрота роста нашего хозяйства в ближайшие годы может быть достигнута при условии максимального расширения связи с мировым рынком".[252] Но уже в декабре 1925 г. на XIV съезде партии, где Сталин имел большие возможности, чем на выборах в ЦК, манипулировать составом делегатов, резолюция о внешнеэкономических связях была составлена в духе предложения Бухарина - Сталина о том, что "можно строить социализм без так называемой "помощи" западноевропейского или американского капитала".[253]

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в середине 20-х гг. борьба между сторонниками и противниками опоры на собственные силы пока носила преимущественно идейно-теоретический характер, так как в отсутствии тоталитарной экономики еще не было материальной базы для проведения строгой изоляционистской политики. Нэп продолжался. Даже в государственном секторе распределительная система функционировала на суженной основе, тогда как рыночные связи, охватывавшие экономику отсталой крестьянской страны, требовали своего продолжения и за рубежом, или, иначе говоря, требовали рыночного подключения к мировому хозяйству.

Вопреки утверждениям большинства отечественных историков, иностранный капитал в 20-е гг. играл существенную роль в экономике СССР. Из концессий

наибольшую значимость имели концессии в горнорудном деле и лесном хозяйстве. На лесные концессии приходилось свыше 30% экспорта леса из СССР, на долю одной только компании "Лена-Голфилдс" - около 30% всей добычи золота. По наметкам правительства в 1925/26 г. удельный вес концессий в производстве меди, цинка и свинца к 1930 г должен был составить 19, 26, и 45 процентов.[254]

И концессии в лесном хозяйстве и концессии в горнорудном деле концентрировались главным образом в необжитых районах. На них трудились квалифицированные иностранцы и неквалифицированные рабочие из различных районов СССР. Даже в конце 20-х гг. не вызывали недоумения строки Н. Богданова, который писал: "Наша страна имеет значительный избыток неквалифицированных рабочих, которых не может поглотить наша промышленность. Поэтому для нашей страны весьма важно иметь такие концессии, которые могут занять неквалифицированных рабочих (лесные разработки, постройки каналов, железных дорог, сельскохозяйственные концессии)".[255]

Вначале 30-х гг. хозяйственное освоение необжитых районов - лесные и горнорудные разработки, постройки каналов, железных дорог и т. п. - приняло громадные размеры. Однако концессии с их повышенной зарплатой рабочих уже стали не нужны. Они не могли конкурировать с рабским трудом миллионов заключенных, не требовавшего применения передовых машин. Чтобы они трудились, достаточно было иметь топоры, ручные пилы, кайла, тачки и т. д. Уже в 1931 г. число заключенных составило 2 млн. чел. Ценой их жизни, исчислявшейся в контрационных лагерях месяцами, создавались намеченные компартией очаги цивилизации. Погибших сменяли новые заключенные. Их труд с начала 30-х гг. стал составной хозяйственной жизни тоталитарного государства.

Опора на собственные силы начиналась с ликвидации иностранного капитала. Между тем торговые связи СССР с индустриально развитым миром не только не сократились в начале 30-х гг., но и намного возросли за счет экспорта реквизированного у колхозов хлеба, который обменивался на современные станки и оборудование. Постановление совнаркома от 16 октября 1931 г. запрещало создавать колхозам запасы зерна для собственного потребления пока госпоставки не будут выполнены. Последние же устанавливались с таким расчетом, чтобы колхозам ничего не оставалось. В конце концов такая политика породила в деревне неслыханный голод. В 1932-1933 гг. от него погибло 6 млн. чел., отмечались случаи людоедства и трупоедства.

В результате невиданного в истории чудовищного насилия над массами собственной страны возник экономический строй тоталитарного социализма, в котором при непропорционально высоком росте тяжелой промышленности, обслуживавшей преимущественно военные нужды, производство предметов потребления и услуг для населения влачило жалкое существование. Такой экономике с ее всеобъемлющей распределительной системой были не нужны масштабные связи с мировым хозяйством. Более того они могли взорвать адекватную для тоталитарного социалистического государства непропорциональность ее отраслей.

В итоге накануне второй мировой войны страна оказалась на задворках мирового рынка. Концессии были ликвидированы. Государственная монополия внешней торговли использовалась для сокращения товарооборота с за границей. Во второй половине 30-х гг. промышленное производство в СССР сравнению с 1913 г.

выросло в 7,7 раза и по его объему СССР вышел на второе место в мире, а его внешнеторговый оборот упал на много ниже внешнеторгового оборота дореволюционной, царской России. В сопоставимых ценах в 1913 г. он составлял 1475 млн. дол., а в 1936 г. - 319 млн. дол., т. е. едва достигал 22-х процентов. По объему внешнеторгового оборота гигантская страна уступала маленькой Швейцарии. Весьма примечателен в этой связи и комментарий к приведенным цифрам института Монополии внешней торговли: "Поразительный контраст между 2-м местом в мировой промышленной продукции и 20-24 местом в мировой торговле ярко выражает независимость нашего социалистического хозяйства от мирового рынка".[256] СССР теперь действительно опирался на собственные силы, не позволявшие подавляющему большинству населения иметь даже элементарно сносного существования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мера совпадения требований классов с требованиями общественного развития определяет историческую значимость политических лидеров, отстаивающих их интересы. На крутых поворотах истории, определяющих судьбы народов, а порой и всего человечества, их значимость особенно велика, оставляя глубокий след в памяти человечества. В России таким поворотом была октябрьская революция, классом, интересы которого в наибольшей мере совпадали с требованиями общественного прогресса- директорат, бесспорным политическим лидером, определявшим его политику - Ленин.

Ленин не только возглавил борьбу директората за безраздельную власть, закончившуюся появлением первого в мире тоталитарного социалистического государства, но и был первым, кто стал последовательно добиваться осуществления рыночных мер, подрывавших экономическое основание тоталитаризма, которые при известных обстоятельствах могли привести к обвалу его политического здания. Политический облик Ленина противоречив и остался непонятым современниками. Они высказывали о нем амбивалентные суждения. На Западе, где уже проглядывались контуры рыночного социализма[257], его считали поборником тоталитаризма, тогда как в коммунистической России, - коммунистом, не избавившимся до конца от социал-демократического мусора. Не случайно поддерживаемый Сталиным Бухарин писал XV съезду РКП(б): "Воздвигая кирпич за кирпичом здание идеологии партии, Ленин не успел окончить постройку, отмести в сторону весь старый социал-демократический мусор и дать стройное завершение своей теории".[258] Разумеется, "стройное завершение теории" и тот и другой брали на себя, выхолащивая при этом те ленинские идеи, которые не совпадали с тоталитарными представлениями.

Читатель уже знаком с примерами того, как это делалось. Здесь остается добавить лишь одно: во всех изданиях собрания сочинений Ленина отдельные работы временами исчезали и затем появлялись вновь, либо доходили до читателя в сокращенном виде. При этом каждый раз только последнее из них официально считалось каноническим, в связи с чем ссылки на опубликованные ранее собрания сочинений запрещались. Так, статью "Памяти Прошьяна" читатель может найти в третьем издании, но ей не нашлось места в издании четвертом. "Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г." в третьем издании дается, по развернутой записи, сохранившейся в архиве МК РКП(б), а в пятом - по краткому газетному отчету. В свое время зданию ИМЭЛ из-за его архитектурного облика приклеилось прозвище саркофаг. Прозвище оказалось на редкость удачным, потому что оно отражает не только архитектурную форму, но и содержание проделывавшейся в здании работы - захоронение многих идей, принадлежавших Ленину и основоположникам марксизма. Раскопки этих захоронений, по-видимому, потребуют еще не мало лет.

Примечательно, что в условиях современного перехода к рыночной экономике споры о роли Ленина в истории вспыхнули с новой силой. Все они, в сущности, так или иначе увязаны с формационной оценкой происходящего и в теоретическом плане сводятся к ответу на вопрос: где кончается капитализм и начинается социализм. Теоретические трудности его решения вызваны тем, что традиционно считавшиеся единственно социалистическими тоталитарные экономические связи

постоянно вытесняются теми самыми рыночными отношениями, которые уже давно существуют в странах, традиционно считавшимися нами капиталистическими. Неслучайно поэтому нам приходится слышать непрекращающиеся стенания о том, что Россия скатывается в преисподнюю капитализма, откуда единственный выход - назад к утраченным тоталитарным ценностям.

Но история всегда поступательна. Отдельные ее страновые зигзаги быстротечны и не могут определять глобального развития. Глобальный возврат вспять к исходным пунктам развития возможен только в головах фантастов. Тоталитарный социализм после десятилетий существования в ряде отсталых стран (в европейских он утверждался штыками советской армии) не смог доказать свою большую прогрессивность по сравнению с индустриально развитыми государствами ни с точки зрения темпов развития производства, ни с точки зрения жизненного уровня и социального обеспечения масс, ни с точки зрения степени свободы личности и демократии. На коротких временных отрезках он был способен решать ограниченные исторические задачи, а затем, как по мановению волшебной палочки, утрачивая жизнеспособность, начинал переходить к тем самым рыночным отношениям, которые до этого так упорно отрицал. Сам факт такого перехода, осуществляемого одним и тем же классом указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с одноформационным феноменом, представляющим разные ступени его развития.

В этой связи следует вновь хотя бы вкратце вернуться к послереволюционной эволюции взглядов Ленина на социализм. Как известно, она начиналась с того, что, по его мнению, рыночные отношения в советских республиках были остатками умирающего капитализма, которым, как он считал, нужно временно придать своеобразный государственно- капиталистический вид. В письме Троцкому 21 января 1922 г. он писал: "Термин "государственный капитализм", по моему мнению, (о чем я неоднократно спорил с Бухариным) есть единственно правильный теоретически и необходимый, чтобы заставить косных коммунистов понять, что новая политика идет всерьез... государственный капитализм в государстве с пролетарской властью (в действительности властью директората - Ю. И.), может существовать лишь ограниченный и временем и властью распространения и условием своего применения, способом надзора за ним и. т. д.".[259] Однако через год, как мы уже показали в книге, Ленин стал призывать к коренной перемене всей точки зрения на социализм с учетом существования частного торгового интереса. Фактически он стоял на пороге признания того, что мы называем сегодня рыночным социализмом, а Бухарин и Сталин - "старым социал-демократическим мусором. С признанием существования при социализме рынка и частного торгового интереса считавшиеся Лениным "государственно-капиталистическими" отношения, если быть последовательным, становились отношениями социалистического общества.

Классический марксизм лишь в общих чертах наметил различия между капитализмом и социализмом, ибо для их конкретного анализа тогда еще не было фактического материала. В сущности, они сводились к тому, что социализм предполагает общественный строй, в котором все средства производства находятся в общественной собственности, тогда как капитализм предполагает общественный строй, в котором ведущее место занимает частное товарное производство, базирующееся на использовании наемного труда.

При таком производстве собственниками предприятий являются индивидуальные предприниматели, решающие производственные задачи на свой личный страх и риск в соответствие со стихийно меняющейся коньюнктурой рынка. В Западной Европе этот строй просуществовал в течение многих столетий пока в его недрах на рубеже XIX - XX веков не начался стихийный рост общественных форм капитала в виде государственных и не признававшихся марксистами, включая Ленина, за таковые негосударственных акционерных компаний, а также кооперативных обществ, которые постепенно оттесняли, подчиняли и вбирали в себя предприятия индивидуальных предпринимателей, становившихся так или иначе составной частью функционировавшего на общественных началах капитала.

Такие предприниматели уже были отнюдь не мелкими и средними буржуа, разорявшимися из-за конкуренции крупного капитала. Они приобрели качественно иной облик, облик, присущий новой формации, где функционирующий в общественных формах крупный капитал, уже превратился в главную опору их существования, что, разумеется, не исключает случаев (но не общих тенденций) их разорения и, наоборот, перехода в ряды крупных предпринимателей. Об этих качественных изменениях в свое время прекрасно писали сотрудники института мировой экономики РАН, рассматривая их, правда, как изменения в лоне капитализма. "Речь идет,- писали они, - о непосредственном или косвенном устойчивом включении тысяч и десятков тысяч мелких и средних предприятий в сферу организации производственно-сбытового аппарата монополий".[260] В связи с этим Ю.Б. Кочеврин и В.Б. Рамзес, в частности пришли к выводу, что "крупные предприятия, концентрируя у себя производство основных профилирующих видов продукции, а также ряд важнейших стадий производственного процесса (начальные - в химии, металлургии, текстильной промышленности, завершающие в машиностроении), в производстве мелкосерийной и уникальной продукции и в промежуточных стадиях производственной вертикали, а иногда "на выходе" готовых изделий, оставляют место для существования многочисленных мелких и средних предприятий".[261]

Сказанное, разумеется, не исключает того, что государственные и акционерные компании впервые возникли еще на ранних стадиях развития капитализма, но тогда они были инородными образованиями в царстве индивидуального предпринимательства. Лишь в XX веке многообразные общественные формы капитала постепенно стали ведущими в экономике всего мира, а порожденное ими производство после второй мировой войны прибрело способность регулировать доставшуюся от капитализма рыночную стихию не только в страновом, но и в глобальном масштабе.

В индустриально развитых странах отмеченный переход от господства индивидуального капитала к господству капитала общественного, или, иначе говоря, от капитализма к социализму, существенно отличался от смены формаций предшествующих эпох, когда смена формаций нередко опосредовалась революционным насилием. В данном случае мы имеем в виду переход от феодализма к капитализму, ломавшему отношения, основанные на личной зависимости одних и привилегиях других. Условием и предпосылкой существования подобных отношений в отличие от рыночных было то, что отдельные работы и продукты входили "в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и

повинностей” в связи с чем, как совершенно правильно указывал Маркс, - “непосредственно общественной формой труда” здесь была его натуральная форма, его особенность, а не всеобщность.”[262] Подобные отношения включали личное принуждение и, следовательно, насилие одних над другими, которое в свою очередь зачатую само уничтожалось революционным насилием.

Иное дело развитое буржуазное общество, где личное принуждение исключение, а не правило, где “отдельные частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями.”[263] В таком обществе вещные отношения сами, помимо воли людей, стихийно корректируют юридические нормы производственных связей в соответствии с требованиями производительных сил, внося изменения в разделение труда, имущественные отношения и т. д. Тот самый товарный фетишизм, который так не жаловали марксисты, на деле оказался не бедствием, а благом, поскольку определяемое конъюнктурой рынка движение вещей дает возможность преодолевать инерцию норм, закрепленных надстройкой, постепенно приспосабливая их к изменениям производительных сил. Таким образом при капитализме “на базе общественных отношений возник объективный, независящий от воли людей механизм, позволяющий более или менее плавно эволюционным путем осуществлять переход к сменяющей его формации.”[264] Подобная эволюция от капиталистической к социалистической формации произошла в индустриально развитых странах, которые у нас, противопоставляясь государствам тоталитарного социализма, традиционно считались капиталистическими.

В отсталых же странах, где неразвитость рынка препятствовала такой эволюции, рождение нового строя потребовало своеобразного хирургического вмешательства в виде насильственных революций и государственных переворотов с последовавшим широким использованием административных регуляторов общественного производства, компенсировавших недостатки ограниченного рынка, что неизбежно вело к гипертрофированному разбуханию государственного сектора, подминавшего под свои нужды все отрасли национального хозяйства. В дальнейшем же по мере роста рыночных связей сфера действия госсектора все более сужалась открывая простор для роста многообразных форм общественного производства - негосударственных акционерных компаний и кооперативов. С этой точки зрения тоталитарный социализм представляет собой обусловленную отсталостью младенческую разновидность рождавшейся в отсталых странах новой формации.

Тоталитарный и рыночный социализм объединяет одно - доминирующее положение общественного производства. Однако между ними имеются и существенные различия. В странах тоталитарного социализма это производство представлено государственными предприятиями и коллективными хозяйствами, объединенными командно-административными связями в единый производственный организм, в котором распределение осуществляется исключительно по труду. Причем присущее ему распределение имеет тенденцию на одном полюсе максимально сокращать личное потребление производителей материальных благ, чему способствует преобладание неквалифицированного труда, на другом, - тенденцию увеличивать личное потребление управляющего производством директората. В таких случаях и на том на другом полюсе денежная

оплата обычно имеет натуральную подпитку: у непосредственных производителей главным образом в виде доходов от возделываемых земельных участков, у директората - в виде спецбуфетов, госдач, закрытых поликлиник и т. д.

В странах рыночного социализма общественное производство представлено государственными и негосударственными компаниями, а также кооперативными предприятиями, составляющими единый производственный организм, регулируемый государством посредством рыночных связей. Читатель, натоowевший в наших школах марксизма-ленинизма, конечно, может здесь возразить, заявив, что негосударственные акционерные компании являются частными, поскольку контрольный пакет акций находится в руках немногих крупных акционеров, решающих все вопросы их жизнедеятельности. Однако при этом не учитывается, что директора отстаивают прибыльность всего акционерного капитала, а не какой-то его части, а потому и интересы всех акционеров независимо от доли их акций. В этой связи нельзя не согласиться с Энгельсом, который еще в конце XIX в. противопоставлял частный капитал акционерному, считая его коллективным. “Что же представляет собой *частное* капиталистическое производство? - риторически спрашивал он, - Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами - это уже больше не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство* , но и отсутствие планомерности.”[265]

При тоталитарном социализме почти весь капитал сосредоточен в руках государства. При рыночном социализме граждане могут быть его частными обладателями и получать на него доход. В неразвитом виде, когда еще сохраняется связь между производительным трудом и капиталом, это можно наблюдать в кооперативах частных товаропроизводителей, доходы которых помимо доходов от труда включают прибыль на вложенный капитал, а также у владеющего акциями обширного слоя наемных рабочих. В развитом виде частная собственность на капитал отделена от производительного труда и может приносить весьма высокие доходы. В связи с этим имущественное неравенство при рыночном социализме на много контрастнее, чем при тоталитарном социализме.

Рыночный социализм далек от ипостаси социализма, наработанного в трудах основоположников марксизма и тем более от ипостаси тоталитарного социализма. Для него характерны не только имущественные контрасты, но и рост жизненного уровня широких масс. Тот самый рынок, который при капитализме по отношению к ним выступал своей разрушительной стороной, обрекая на разорение мелких собственников и нищенское существование рабочих, сегодня способствует росту их потребностей, превращает, говоря языком коммунистов, потребности в “священную обязанность” индивида”, обеспечивающую подъем их жизненного уровня.

Во времена Маркса эта сторона рынка была менее заметна по сравнению с его разрушительной стороной тем не менее будучи подлинным исследователем, он не мог обойти этот вопрос. “Хотя каждый капиталист, - писал он, - и требует, чтобы его рабочие делали сбережения (имеется в виду экономия на потреблении - Ю.И.)

но он требует, чтобы это делали только *его* рабочие, ибо они противостоят ему как рабочие, но ни в коем случае не остальная масса рабочих в качестве потребителей. Поэтому вопреки всем "благочестивым" фразам капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать их потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д. Как раз эта сторона отношения между капиталом и трудом представляет собой существенный момент цивилизации и именно на ней покоится историческая правомерность капитала, но вместе с тем и его нынешнее могущество."[266]

При рыночном социализме как раз эта созидательная сторона рынка, "представляющая собой существенный момент цивилизации" по сравнению с прошлым сегодня обрела неизмеримо больший потенциал. Под воздействием рекламы у самых широких масс умножаются потребности во все новых и новых товарах. Одновременно происходит и рост инвестиций на подготовку работников, чтобы их производить. Рабочая сила дорожает. Рост потребностей и удорожание рабочей силы это разные аспекты подъема жизненного уровня масс, которому до сих пор завидует население стран, еще до конца не избавившихся от тоталитарного наследия.

Другая особенность рыночного социализма заключается в том, что присущая ему надстройка строится на подлинных принципах свободы и равенства, представляющих собой, говоря словами Маркса, "идеализированное выражение обмена меновыми стоимостями". В политической жизни эти принципы составляют основу той демократии, которая позволяет гражданам в отличии от "демократии" тоталитарного социализма, по своему разумению участвовать в общественной жизни, создавать собственные независимые от государства организации и легально протестовать. Между тем как "демократия" тоталитарного социализма оставляла им только одно - с неиссякаемым восторгом воздавать хвалу за то, что им позволяют по нищенски существовать.

Исторически Ленин был предтечей плеяды современных коммунистов отсталых стран, объективно пролагающих путь к рыночному социализму. Как и Ленин они сегодня пытаются развивать рынок при сохранении тоталитарных основ существующего строя. При этом они используют неизмеримо больший арсенал рыночных средств, чем это делалось когда-то в России. В частности, они не боятся применять инструмент частной собственности на землю, употребляют не только аренду государственной собственности иностранным капиталом, но и разрешают ему сооружать собственные производственные комплексы, а в сфере крупной промышленности допускают существование негосударственных предприятий. Но при этом не следует забывать, что к концу XX в. кризис тоталитарных методов хозяйствования в этих странах был неизмеримо глубже, чем в России начала его второго десятилетия, и потребовал принятия более радикальных мер для борьбы с ним.

В прошлом мы считали себя опережающими всех. С тем большей горечью сегодня сознаем, насколько отстали от передовых государств. Непрекращающееся догоняющее развитие продолжается. Раньше в борьбе с отсталостью преодолевалось буржуазно-монархическое наследие, теперь преодолевается наследие тоталитарного социализма. Широко пропагандировавшиеся когда-то ленинские идеи перманентного террора, обеспечивавшего властным структурам неограниченную

свободу действий и порождавшего несчетное число подлецов, строивших свое благополучие на несчастиях его жертв, сегодня уже окончательно канули в лоно коммунистического прошлого. Зато долгое время скрывавшиеся от нас и искажавшиеся коммунистами идеи Ленина о развитии рынка и связанных с ним отношений продолжают жить, став по прошествии стольких лет снова предметом ожесточенных политических споров.

ПРИЛОЖЕНИЕ
(краткая хроника борьбы)

В конце жизни Ленину пришлось вести бескомпромиссную борьбу с триумвиратом Зиновьева, Каменева и Сталина, в ходе которой триумвират оттеснял его от власти. Вопрос о власти в то время был частью вопроса об экономическом и политическим будущем России. Ленин добивался дальнейшего наращивания порожденных нэпом рыночных связей, триумвират - создания условий для возрождения подорванной нэпом тоталитарной экономики. За политическими коллизиями здесь скрывались экономические интересы разных слоев формировавшегося директората.

Первые признаки зарождавшегося противостояния наметились весной 1922 г., когда Ленин заболел. В апреле 1922 г. у него была удалена пуля. Кремлевские врачи настаивали , чтобы он покинул Москву и уехал отдыхать в "гористую местность". Одновременно стали широко муссироваться явно инспирированные слухи о его болезни и возможной отставке, в связи с чем в зарубежной прессе время от времени появлялись сообщения одно нелепее другого. Эти слухи особенно усилились, когда 25-27 мая у Ленина резко ухудшилось состояние здоровья и он действительно был вынужден отойти от дел. Лишь 11 июля он смог вновь приступить - да и то вполсилы - к работе.

Как раз в это время стала набирать обороты дискуссия по вопросу о государственной монополии внешней торговли. Ее инициаторами были требовавшие отмены госмонополии Бухарин, Пятаков и Сокольников, которых скрытно поддерживал Сталин. Для последнего было важно доказать, что, во-первых, "старик" уже не тот и стал ошибаться, и, во-вторых, сплотить вокруг себя недовольных Лениным, чтобы укрепить свои позиции в рядах триумвирата.

Еще 15 мая 1922 года Ленин направил Сталину записку с проектом постановления политбюро, в котором предлагалось подтвердить монополию внешней торговли. Через неделю, 22 мая, политбюро рутинным опросом по телефону утвердило проект. Однако закулисная кампания против государственной монополии внешней торговли продолжалась. Сталин, прикрываясь лояльностью к Ленину, выступал в роли ее главного организатора. Время открытого противодействия "уже плохо соображавшему больному человеку" еще не наступило. С 11 июля по 26 сентября 1922 года зафиксировано, не считая разговоров по телефону, одиннадцать его бесед с Лениным. Ряд из них наверняка были посвящены проблеме госмонополии внешней торговли. Судя по тому, что Ленин не принимал никаких экстраординарных мер, особых тревог эти беседы у него не вызывали, хотя кампания по дискредитации госмонополии усиливалась.

Во второй половине сентября Сталин открыл новый фронт борьбы против Ленина, поставив вопрос о вступлении независимых советских республик в состав РСФСР. Ленин решительно выступил против этого. 26 сентября 1922 г. после беседы со Сталиным, продолжавшейся 2 часа 40 мин, он изложил свои возражения в письме к Каменеву и попросил последнего ознакомить с письмом членов политбюро. В ответ Сталин разослал свое письмо губкомам и обкомам, в котором обвинил Ленина в национал-либерализме, или, иначе говоря, в поощерении устремлений республик быть независимыми от РСФСР. 6 октября пленум ЦК утвердил ленинские предложения о создании Союза советских республик.

Откладывая дальнейшие споры о том, каким быть СССР до своего выступления на Х-м Всероссийском съезде Советов, который должен был состояться в декабре, Ленин в это время все свои усилия сосредоточил на защите государственной монополии внешней торговли, которая неожиданно для него была поставлена под угрозу срыва. 6 октября пленум ЦК частично ее отменил. Ленин понял, что и в этом вопросе полагаться на Сталина нельзя. Об этом свидетельствует начатое им дублирование с Троцким вопросов о госмонополии, которые ему приходилось решать со Сталиным. В частности, именно в беседе с Троцким и Сталиным Ленин предложил отложить реализацию решений пленума. 16 октября это предложение было утверждено политбюро. Началась подготовка нового пленума, на котором по поручению Ленина должен был выступить Троцкий.

14 декабря Ленин вручил одновременно Сталину и Троцкому письмо для предстоящего пленума. В ответ Сталин предложил ему отложить обсуждение на пленуме вопроса о госмонополии внешней торговли. На следующий день, 15 декабря 1922 г. Ленин был вынужден снова писать письмо Сталину для членов ЦК, настаивая на недопустимости отсрочки обсуждения. В этот же день им было написано и письмо Троцкому с краткими соображениями о том, как защищать госмонополию. 18 декабря Троцкий, отстаивая ленинскую линию, выступил на пленуме и был поддержан его участниками.

Это была последняя победа Ленина, одержанная им на партийном форуме. Она же явилась началом конца его власти в стране. Еще задолго до поражения на пленуме Сталин убедился, что оттеснить Ленина от власти и утвердиться в роли руководителя страны он может только одним путем - путем политической изоляции Ленина, авторитет которого оказывал решающее влияние на общественную жизнь.

Певые попытки его политической изоляции начались уже осенью 1921 г., когда Ленин после болезни только вернулся к политической деятельности. 9 августа 1921 г. пленум ЦК РКП(б) по предложению выступавшего в тандеме со Сталиным Бухарина принял следующее постановление: "Обязать т. Ленина продолжать отпуск точно на то время и тех условиях, как будет указано врачом (проф. Гетье) с привлечением т. Ленина на те заседания (советские или партийные), а равно и на ту работу, на которую будет предварительное согласие секретариата ЦК"[267] Секретариат же возглавлял Сталин.

Ленин игнорировал это решение пленума. Но попытки его политической изоляции по мере нарастания борьбы по вопросу о госмонополии внешней торговли усиливались. Первоначально под предлогом заботы о его здоровье они велась через третьих лиц. В начале декабря Рыков, говоря о чрезмерной загруженности Ленина, предложил, чтобы его заместители по Совнаркому "просеивали" желающих записаться к нему на прием. 13 декабря Ленин на это предложение ответил отказом. На следующий день, 14 декабря, когда Ленин высказался против отсрочки обсуждения на пленуме вопроса о госмонополии внешней торговли, врачи запретили ему беседовать на политические темы с теми, кто его посещал, и предложили переехать в Горки. Ленин отказался выполнить это "медицинское" предписание.

Дальше начинается подлинная фантасмагория с фиксацией даты второго приступа болезни Ленина. В пятом издании его сочинений и в биографической хронике указывается, что в ночь с 15 на 16 декабря произошло резкое ухудшение состояния его здоровья. Но 16 декабря Ленин работал как обычно. Утро этого дня

началось заурядной диктовкой письма о распределении обязанностей между заместителями председателя СНК и СТО. Посещение лечащих врачей А.М. Кожевникова и В.В. Крамера, по-видимому, было обычным: с 11 ч. до 11 ч. 45 мин. В тех же изданиях говорится, что в ночь с 22 на 23 декабря наступил паралич правой руки и ноги. Однако в четвертом издании его сочинений написано, что 23 декабря он вызывал к себе секретаря, диктовал письма и требовал доставить ему какие-то книги. Известно также, что 23 декабря Ленин с разрешения врача начал работу над "Письмом к съезду".

Вместе с тем во втором, третьем и четвертом изданиях его сочинений указывается, что паралич наступил 16 декабря. В этот день в 11 вечера проводился консилиум врачей, запретивший ему работать, что служит важным признаком ухудшения состояния его здоровья после обычного дневного посещения лечащих врачей. О том, что паралич наступил где-то вечером 16 декабря косвенно свидетельствует и тот факт, что 18 декабря на том же самом пленуме ЦК, на котором Ленину удалось отстоять государственную монополию внешней торговли, было принято не записанное в биохронике благостноге постановление о персональной ответственности Сталина за соблюдение Лениным установленного врачами режима, а не внесенное в протокол предложение о том, чтобы "на Сталина возложить ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных отношений, так и переписки".[258] Фактически пленум одобрил политичекую изоляцию Ленина, соблюдение которой было поручено Сталину. Позднее Ленин скажет своему секретарю Фотиевой: "Если бы я был на свободе..."

Несмотря на частичный паралич ставшее уже открытым противоборство со Сталиным продолжалось. 18 декабря жена Сталина Н.С. Аллилуева была уволена из ленинского секретариата. Но он не смог избавиться от сталинских соглядатаев, среди которых были запуганные Сталиным секретари Л.А. Фотиева и М.А. Володичева, которые регулярно в порядке партийной дисциплины обязаны были доноситьСталину обо всем, что Ленин делал и писал. 21 декабря с разрешения профессора О. Ферстера Ленин продиктовал переданное Крупской письмо Троцкому. Сталин об этом немедленно узнал и устроил ей непотребный разнос. В полной уверенности в своей безнаказанности он, чтобы запугать ее, заявил, что если подобное повторится, то объявят вдовой Ленина не ее, а Артюхину - известную в те годы ткачиху-выдвиженку. Но удар прошел мимо цели. Крупская пожаловалась Каменеву и Зиновьеву, с мнением которых тогда Сталин не мог не считаться.

23 декабря с разрешения врача А.М. Кожевникова Ленин начал диктовать "Письмо к съезду". Узнав об этом, Сталин тут же попытался реализовать дарованные ему пленумом права, запретив Ленину что-либо писать. Но Ленин буквально восстал против такого запрета, заявив, что тогда не будет принимать никаких лекарств. В связи с этим 24 декабря совместно с врачами было проведено экстренное совещание Сталина, Каменева и Бухарина, которое постановило разрешить Ленину диктовать по 5-10 минут в день и передавать написанное, но не ждать при этом ответов и записок. Полностью запрещалась переписка. Друзьям и домашним вменялось в обязанность не сообщать Ленину о политических событиях.

Казалось бы, что политически изолированный, полупарализованный Ленин был обречен лишь бессильно наблюдать за тем, что происходит в партии и государстве. Но он не сдавался. Борьба со Сталиным продолжалась. Политическая

воля и страсть Ленина вплоть до кончины выглядят поистине беспредельными. За два месяца - январь и февраль 1923 г. - он написал больше, чем Сталин за весь 1922 г. Многострадальна судьба написанных им в этот период работ. Своим радикализмом они пугали большинство руководителей РКП(б). Как известно, "Письмо к съезду" и "К вопросу о национальностях или об "автономизации" увидели свет лишь после смерти Сталина, статьи "О кооперации" и "О нашей революции" ждали публикации почти полгода: написанные в январе, они были напечатаны в искореженном партийной цензурой виде только в мае 1923 г.

Наконец, известен скандал с публикацией "Как нам реорганизовать Рабкрин", когда сторонники Сталина требовали не печатать статью, а Куйбышев, работавший тогда в секретариате партии, предложил вообще ограничиться показом Ленину "Правды", в которой в единственном экземпляре была бы напечатана эта статья. Благодаря Троцкому ее все-таки удалось опубликовать немедленно - написанная 23 января 1923 г. она была опубликована 25 января. В ответ по инициативе Сталина от имени политбюро и оргбюро 27 января 1923 г. было разослано в губкомы и обкомы письмо, в котором указывалось, что статья "Как реорганизовать рабкрин" написана тяжелобольным человеком, которому разрешили писать только "в силу невыносимости умственной бездеятельности". Под письмом стояли подписи всего ареопага: Андреева, Бухарина, Дзержинского, Калинина, Каменева, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Сталина, Томского и Троцкого. Что касается подписи Троцкого, то она была явно фальсифицирована Сталиным. Троцкий еще 23 января направил в ЦК проект "Предложения секретариата о распределении функций между Пленумом ЦК, Политбюро и Секретариатом ЦК", в котором предлагалось реализовать идеи этой статьи. Что касается большинства партийного руководства, то оно действительно негативно отнеслось к ленинским предложениям ограничить всевластие генсека.

Не рассчитывая на поддержку политбюро, сомневаясь в ЦК, Ленин в конце января приступил к подготовке к предстоявшему съезду партии, на котором собирался выступить против курса, проводимого Сталиным вообще и его решения национального вопроса в особенности. 23 января 1923 г. он запросил все материалы по грузинскому делу, которое увенчивал мордобой, учиненный Орджоникидзе. На заседании политбюро 1 февраля его секретарям выдали лишь часть документов и потребовали отложить сообщение Ленину о результатах их изучения до заключения профессора О. Ферстра. На этом же заседании Сталин демонстративно просил освободить себя от обязанностей наблюдать за исполнением Лениным установленного врачами режима в связи с постоянными его нарушениями. Политбюро это требование отклонило, развязав тем самым ему руки для ужесточения мер по изоляции больного.

6 февраля Сталин отдал распоряжение М.И. Гляссер сообщить Ленину о результатах работы по грузинскому делу не раньше, чем через 3 недели. 16 февраля Ленин вновь потребовал выдать ему все материалы по этому делу. В результате прошло больше месяца, прежде чем Ленин смог получить 3 марта 1923 г. докладную записку и заключение Л.А. Фотиевой, М.И. Гляссер и Н.П. Горбунова о материалах комиссии политбюро ЦК РКП(б) по грузинскому вопросу.

Сталин все делал для того, чтобы сорвать работу Ленина. 20 февраля 1923 г. Ленин попросил дать ему стенографический отчет X Всероссийского съезда Советов,

на котором рассматривался вопрос об объединении советских республик. Последовало молчание. 27 февраля он вновь был вынужден запрашивать этот отчет. В материалах биохроники среди многочисленных сообщений о книгах и документах, поступавших к Ленину, дальнейших сведений об искомом отчете нет.

О тех невыносимых условиях, в которые был поставлен Ленин, красноречиво свидетельствует записка Л. Фотиевой, датированная 16 февраля 1923 г. "Вчера, - писала она, - т. Сольц сказал мне, что тов. из КП Грузии привез ему материалы о всяких притеснениях, чинимых в отношении грузин (сторонников старого ЦК КПГ). Что касается "инцендента" (речь идет о мордобое Орджоникидзе - Ю.М.), то в ЦКК было заявление потерпевшего, но оно, по словам Сольца, пропало. На мой вопрос: как пропало? т. Сольц ответил, да так пропало. Но это все равно (слова Сольца), так как в ЦКа имеется объективное изложение инцендента Рыковым, который при этом присутствовал."[269] В изложении Рыкова, мордобитие было вызвано расстройством нервной системы Орджоникидзе.

Ленину не только чинили препятствия в получении партийных документов. Опираясь на врачей, Сталин ужесточал меры по его политической изоляции. 29 января Ленин запросил врачей, сможет ли он выступить на XII съезде партии и получил отрицательный ответ при том, что в это время он чувствовал себя хорошо и ему официально разрешили работать по 2-2,5 часа в день. Тем не менее 11 февраля профессор О. Ферстер после осмотра нашел, что его здоровье ухудшилось и запретил чтение газет, свидания и получение политической информации. На следующий день Л. Фотиева записала в дневнике секретариата: "У Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания ЦК, а ЦК дает инструкции врачам", имея ввиду ужесточение ограничений режима его работы. Известно также, что нарком здравоохранения Семашко протестовал против вмешательства руководителей партии в лечение болезни Ленина.

Между тем в феврале 1923 г. лидирующее положение Сталина заметно пошатнулось. 21 февраля на проходившем пленуме ЦК при рассмотрении подготовленных им к XII съезду тезисов "О национальных моментах в партийном и государственном строительстве" было принято решение принять с критическими поправками за основу, но не публиковать их до предварительного ознакомления с ними Ленина (с разрешения врачей) и, если Ленин потребует пересмотра тезисов, созвать экстренный пленум. Это заставило Сталина лихорадочно искать кардинальный выход из создавшегося положения. По воспоминаниям Троцкого, он в феврале зондировал почву среди членов политбюро относительно передачи Ленину яда. Члены политбюро отнеслись к этому предложению отрицательно.

5 марта Ленин продиктовал письмо Троцкому с просьбой взять на себя сообщение по грузинскому делу на пленуме ЦК РКП(б), а также письмо Сталину с требованием извиниться за хамский разговор с Крупской в декабре 1922 г., о котором он только теперь узнал. В этот же день заметавшийся Сталин, чтобы выиграть время, опросом по телефону членов политбюро добился согласия отложить партсъезд на 15 апреля и назначить пленум ЦК на 10 апреля.[270]

Как уже знает читатель, в архиве Ленина не оказалось ряд документов или их копий, которые были нужны ему для работы. Зато после его смерти он пополнялся фальшивками, компромитировавшими противников Сталина. В частности, такой фальшивкой является запись М. Володичевой телефонного разговора с Троцким 5

марта 1923 г., в ходе которого он якобы отказался выполнить просьбу Ленина, ссылаясь на то, что находится в парализованном состоянии.[271] Эта запись не подписана М. Володичевой и не оприходована сотрудниками архива.

В действительности же Троцкий немедленно приступил к выполнению просьбы.

На следующий день 6 марта 1923 г. он в письме членам политбюро ЦК РКП(б) в свете ряда положений ленинской статьи "К вопросу о национальностях..." подверг критике тезисы Сталина "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве", обсуждавшиеся на февральском пленуме ЦК. Ленин же в этот день (несомненно, по инициативе Сталина, отвечавшего за соблюдением им режима установленного врачами) фактически был посажен под жесткий домашний арест: с ним официально запрещалось общаться всем, включая Крупской и М.И. Ульяновой. Лишь после отчаянных протестов последним удалось добиться разрешения видеться с Лениным.

Далее снова начинаются разночтения относительно даты третьего приступа болезни Ленина с последовавшим параличом правой половины тела и резким поражением речи. Во втором, третьем и четвертом изданиях сочинений Ленина указывается, что приступ наступил 9 марта. Это же число указывает и Крупская.[272] Однако в биографической хронике говорится, что в этот день в беседе с врачами Ленин спрашивал о докторе Ф.А. Гетье и вечером говорил Крупской, что чувствует себя хорошо. Что же касается третьего приступа, то по данным биохроники и пятого издания, он развился 10 марта.

Как бы то ни было, влиять на политическую жизнь страны Ленин уже не мог. Попытки Троцкого реализовать предложения Ленина по грузинскому вопросу (им было послано письмо в секретариат ЦК 28 марта 1923 г) как и его намерения опубликовать статью "К вопросу о национальностях или об "автономизации", а позднее и "Письмо к съезду" были блокированы сторонниками Сталина.

О жизни Ленина в последующий период из официальной хроники мы знаем очень мало. Тем не менее отдельные факты позволяют утверждать, что он делал все для того, чтобы вернуть себе трудоспособность и не оставлял попыток продолжать борьбу. По-видимому, Ленин заподозрил что-то неладное в своем лечении. В частности, в июле 1923 г., он ушел из дома и три дня прожил во флигеле дома управляющего совхозом "Горки" А.А. Преображнского, предлагая Крупской и М.И. Ульяновой перебраться туда же жить. По словам Крупской, "еле удалось убедить его вернуться".[273] После этого А.А. Преображенский был смещен, а управляющим хозяйством совхоза "Горки" назначен некий А.Г. Панков. 31 июля Ленин "потребовал, чтобы к нему больше не ходили врачи", затем избавился от медсестер. В конце концов ухаживающий за ним персонал свелся к трем санитарам.[274] В октябре 1923 г. Ленину предложили переехать на юг, от чего он отказался.

Известно, что во второй половине 1923 г. его здоровье улучшилось. По свидельству Крупской "улучшение шло непрерывно. Восстановилась отраженная речь - говорил Ильич своим обычным голосом, с обычными интонациями -, все лучше шло чтение вслух, был большой успех в письме, создавался солидный фундамент для самостоятельной речи. Проф. Фельдберг считал, что к лету Владимир Ильич будет говорить."[275] В ноябре - декабре он уже смог принимать Бухарина, Е. Преоб-

раженского, М. Бронского, И. Скворцова-Степанова, И. Пятницкого, А Воронского, Н. Крестинского. Все посещавшие Ленина в эти дни, кроме Скворцова-Степанова, позднее были уничтожены Сталиным. Последний, несомненно, в подробностях знал от Бухарина, что Ленин вновь (в который раз) выходит из политической изоляции. 19 января до этого чувствовавшему себя хорошо Ленину неожиданно становится плохо. В последующие дни состояние его здоровья непрерывно ухудшалось пока не наступило 21 января 1924 г.

Подводя итоги, не трудно заметить, что, во первых, даты приступов болезни Ленина в официальных партийных изданиях сознательно фальсифицировались, во-вторых, приступы возникали именно тогда, когда появлялась угроза политического провала Сталина и, в третьих, приступы возникали в период, когда Ленин чувствовал себя относительно работоспособным и другие меры его изоляции оказывались недостаточными для нейтрализации его политической борьбы. Все это неизбежно наводит на мысль, что по указанию Сталина Ленина систематически доводили до беспомощного физического состояния до тех пор, пока он не умер. Для этого не обязательно требовались специальные яды. Достаточно было, например, изменять дозы предписанных врачами лекарств. Об отравлении Ленина Сталиным писал и Троцкий в статье, опубликованной за 10 дней до его смерти.

Ленин умирал покинутым ближайшими соратниками. Еще на заре своей революционной деятельности он растерял практически всех основных друзей по политической борьбе, а на ее закате был предан почти всеми, кого он привел к власти. Зато хоронили его с неслыханными почестями. Те самые руководители компартии, которые форсировали кончину Ленина, всячески препятствуя реализации его политики, после его смерти сделали все для того, чтобы представить его в качестве зачинателя тех самых идей, с которыми в конце жизни ему пришлось бороться. Исторические судьбы великих людей воистину неисповедимы. В таких случаях требуется время, пока история не расставит все по своим местам.

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 36. С. 263 .
[2] См. Иванов Ю.М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997. С. 116.
[3] Гиндин Ф.И. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в.\\Вопросы истории. М., 1966. № 3. С.51.
[4] Там же. С. 55 .
[5] Pollard S. The Genesis of Modern Management. L., 1965. P. 106.
[6] Ленин В.И. т. 33. С.101.
[77] Каутский К. Бернштейн и социал-демократическая программа.Антикритика Карла Каутского. СПБ., 1906. С. 171.
[8] Шишкин В.А. “Полоса признаний” и внешнеэкономическая политика СССР. 1924-1928. Л., 1983. С. 283, 284.
[9] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 17. С.437.
[10] Там же Т. 23. С.344.
[11] Струмилин С. Почему мы первые у врат социализма.//Экономическая жизнь. 10 июля 1920 .
[12] Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780-1830. L., 1969 . P. 429.
[13] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19. С. 217 .
[1414] Там же С. 344.
[15] Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности\\История СССР. М., 1963. № 2.. С. 68 .
[16] Ленин В.И. Т. 33. С. 97.
[17] Там же. С. 101 .
[18] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 18. С. 302, 303 .
[19] Ленин В.И. Т. 36. С. 201.
[20] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19. С. 17 .
[21] Там же. С. 298-299.
[22] Маркс К., Энгельс Ф. Т.25. Ч.1. С. 426 .
[23] Там же. С. 422 .
[24] [24].Там же. С. 424
[25] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 23. С.342.
[26] Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы развития капитализма. М., 1959 . С. 46-47 .
[27] ВКП(б) в резхолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1936.С.438.
[28] ГАСПИ. Ф. 17, Оп. 163. Д. 62. Л. 2.
[29] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 290. Л. 30 .
[30] Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999, С. 546.
[31] Иванов Ю.М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997. С.101
[32] Цит по: Геллер М., Нрекрич А. Утопия власти. М, 1995. С. 123 .
[33] История СССР. Т. VIII. М., 1967. С. 25.
[34] См. Экономическая жизнь 7. 11 1922; 18. 7 1922; 12. 7. 1921.
[35] Ленин В.И. Речь на 1-ом Всероссийском совещании по работе в деревне *18* ноября 1919 г. Т. 39. С.310 .
[36] Ларин Ю. Вопросы крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 13 .
[37] Крицман Л. Пролетарская революция и деревня. М.- Л. 1929. С. 104 .
[38] Ленин В. И. Речь при обсуждении законопроекта СНК “О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства” на фракции РКП(б) VIII съезда советов

24 декабря. Т. 42. С.180-181 .
[39] Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Т. 43. С. 60.
[40] Яковлев Я. К вопросу о работе РКП в деревне (материалы к съезду партии) // Правда 5 апреля 1923 .
[41]Айхенвальд А. Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. М.- Л. 1928. С. 164.
[42] Ленин В.И. Планы брошюры "О продовольственном налоге". Т. 43. С. 382, 385.
[43] Российский голсударственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 59 .
[44] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 59 .
[45] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3.Д. 356. Л. 12.
[46] Ленин В.И. О нашей революции. По поводу записок Н.Суханова. Т. 45. С. 378.
[47] Там же. С. 379.
[48] Там же. С. 381
[49] Ленинский сборник. II. М.-Л., MCMXXIV. С. 4-5 .
[50] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938, С. 250 .
[51] Ленин В.И. О кооперации. Т. 45. С. 370 .
[52] Там же. С. 372 .
[53] Там же. С. 369 .
[54] Там же. С. 370 .
[55] Там же. С. 370-371.
[56] Там же. С. 374 .
[57] Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов. Т. 44. С. 343.
[58] См. О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. Постановление ЦК РКП(б) от 12 января 1922 г. Ленин В.И. Собр. соч. 3-е издание. Т. XXVII. С. 148.
[59] Ленин В.И. О кооперации. Т. 45. С. 375.
[60] См. Зиновьев Ближайшие задачи партии после кончины Ленина//Петроград, 1924. № 1;Стучка Ленин и аграрный вопрос//Под знаменем марксизма. М., 1924. № 3.
[61] Тов Зиновьев О международном и внутренем положении СССР//Правда 20 апреля 1924.
[62] Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (б) № 5 (53) . июнь 1923. С. 17 .
[63] См. Правда. 10, 17, 19, 29 июня и 17 июля 1923 .
[64] Правда. 10 июня 1923.
[65] Крупская Н. Было ли у Ильича два стратегических плана, один в 1921-году, другой в 1923 // ГАСПИ. Ф.1. Оп. 2. Д. 69. Л. 7 .
[66] Ленин В.И. О кооперации
[67] Крупская Н.Кю Речь на собрании делегатов-крестьян Московской губернии в первую годотвщину смерти Владимира Ильича//ГАСПИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 73. Л. 4.
[68] Стенограмма заседания секции о работе в деревне на XIII съезде РКП(б)// ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.
[69] Бухарин Н.И. Еще раз к вопросу о нашей политике в деревне.//ГАСПИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 69. Л. 10.
[70] Бухарин Н. Заметки экономиста. М.-Л., 1928 . С. 40 .
[71] Бухарин Н.И. К вопросу о закономерностяхэ переходного периода. М.-Л. 1928. С. № 39.

[72] Ленин В.И. О нашей революции.По поводу записок Н.Суханова. Т. С.
[73] Цит по: Зассен И. Развитие теории кооперации в эпоху капитализма.М., 1919. С. 57.
[74] Генеральный совет Первого интернационала 1864-1866. Протоколы. М. 1961. С. 213, 214 .
[75] Письмо Энгельса. Т. 36. С. 486.
[76] Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1916. С. 304 .
[77] Ленин В.И.Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами. Т. 7, С. 47 .
[78] Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперции. М., 1916. С. 371.
[79] См. Ленин В.И. Революционный авантюризм. Т. V. С. 159 .
[80] Кооперация.Страницы истории. Т. 1. Книга первая. М., 1999. С. 449-450 .
[81] Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. М.-Л., 1928 г. С. 369.
[82] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Чать 1. М., 1936, С. 526.
[83] XII Московская губернская партийная конференция. Выступление Каменева.// Правда. 16 мая 1924 .
[84] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д.626. Л. 119, 120 .
[85] Айхенвальд А. Советская экономика...С. 170.
[86] См Рецензию Ленина на книгу Р.Гвоздев Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значенгие. Спб. 1899. Т. 4. С. 56.
[87] См. ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д.40 . Л. 16.
[88] См. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. Т. С.
[89] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 40. Л. 51-52 .
[90] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 42.
[91] ГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 53. Л. 5 .
[92] Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 93 .
[93] Дискуссия 1923 года. Материалы и документы. М., 1927. С. 86 .
[94] Pethybridge R. One Step Backwards Two Steps Forward. Soviet Society and Politics in the New Economic Policy. Oxford, 1990. P. 282-283 .
[95] Сельскохозяйственная кооперация в цифрах. М., 1924. С. 3 .
[96] Айхенвальд А. Советская экономика... С. 165, 164.
[97] Алейков А. Сельскохозяйственная кооперация в деревне.//Правда. 21 мая 1924 .См. также Соколов В. Классовая борьба в деревне//Правда. 25 апреля 1924.
[98] К характеристике условий работы с.х. кооперции на местах.ГАСПИ. Ф. 17. Оп.84. Д. 496. Л. 46 .
[99] Там же. Л. 46-47.
[100] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 4. Л. 3 .
[101] Там же. Л. 43 .
[102] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов... Ч. II. С. 18 .
[103] Циркунов С.В. В лабиринте доктрины... С. 134.
[104] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д.40. Л. 19.
[105] Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М., 1974. С.127 .
[106] Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. II. Ч. 2. М., 1929. С. 8 .
[107] Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. Книга II. М. 1994. С. 169.
[108] В кавычках использованы дефиниции программы КПР, где указывается, что

при капитализме в стадии потребительского общества "потребление из естественной функции человеческого организма превращается в новую "священную обязанность" индивида".
[109] Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Т. 27. С. 105 .
[110] Российский статистический ежегодник.М., 1994. С.354.

[111] Agrawal A.N. Indian Economy. Problems of Development. Delhi, 1999. P. 233.
[112] Ibidem
[113] Ibid. P. 129 .
[114] Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978-1995 гг.). М., 1997. С. 59 .
[115] См. там же. С. 66 .
[116] Ленин В.И. Империализм как высшая стадия развития капитализма. Т. 27. С.377.
[117] Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. М., 1992, С. 42.
[118] Там же. С. 43 .
[119] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1 М., 1936. С. 216.
[120] Там же.
[121] Ленин В.И. Т.48. С. 235 .
[122] Ленинский сборник. М., 1957. С.64 .
[123] Марксизм и национальный вопрос. Харьков, 1923. С. 342 .
[124] Несостаявшийся юбилей... С. 82.
[125] Ленин В.И. Т. 33. С.101 .
[126] Там же. С. 122.
[127] Ленин В.И. Т.24, С. 238.
[128] Там же. С. 132.
[129] Ленинский сборник. Т. XXX... С. 44, 45.
[130] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Т. 24. С. 124.
[131] Там же. С. 130 .
[132] Сталин И.В. Т. 2. С.296 .
[133] Ленинский сборник. Т. XXX... С. 62.
[134] Якубовская С.И. Строительство союзного советского социалистического государства. 1922-1025. М., 1960. С. 84-85 .
[135] Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 28.
[136] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. С. 295.
[137] См., напр., там же. С. 325.
[138] ГАСПИ Ф. 17. Оп. 163. Л. 2 .
[139] Ненароков А.П. За свободный союз свободных народов. М., 1989. С.15.
[140] Ненароков А.П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917-1924. М., 1991. С. 55
[141] Ленин В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. Т. 41. С. 164.
[142] Там же. С. 168.
[143] Златопольский Д.Л., Чистяков О.И. 50 лет Союза ССР. М., 1972, С. 161.
[144] ГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 110
[145] Образование СССР. Сбюорник документов. 1917-1924. М.-Л., 1949. С. 257.

[146] Ленин В.И. Из заключительного слова по докладу о концессиях на заседании коммунистической фракции ВЦСПС. Т. 43. С. 185-186.
[147] Майстренко И. Национальная политика КПСС. Munchen, 1978. С. 74.
[148] Ленин В.И. Т. 52. С. 126-127.
[149] Т ам же. С. 135.
[150] Ленинский сборник. XXXV. М., 1945. С. 234.
[151] См. Сталин И.В. Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье. Доклад общему собранию тифлисской организации коммунистической партии Грузии. 6 июля 1921 г. Т. 5.
[152] Ленин В.И. Т. 44. С. 255 .
[153] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 217. Л. 10.
[154] Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и готсударственном строительстве. Т. 5. С. 257.
[155] Ленин В.И. Т. 44. С. 388-389.
[156] Сталин И.В. Очередные задачи партии в деревне. Т. 6. С. 308 .
[157] ГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1, Д. 10. Л. 34, 64.
[158] Златопольский Д.Л., Чистяков О.И. Образование Союза ССР. М., 1972. С. 170

[159] См. напр. Ронин С.Л. К истории конституции СССР. 1924 г. М., 1949. С. 52 .
[160] См.Златопольский Д.Л. Образование и развитие СССР как союзного государства. М, 1954, С. 98.
[161] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант "Капитала"). Часть первая. Т. 46. Ч. 1. С. 191 .
[162] ГАСПИ. Ф.5 ОП.2 Д.28 Л.20.
[163] См. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. М.,1992. С. 112
[164] Там же. С. 119.
[165] См. Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, М. 1940.
[166] Цит по: Пентковская В.В. Роль В.И. Ленина в образовании СССР.//Вопросы истории 1956. № 3. С. 17-18.
[167] Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об "автономизации". Т. 45. С. 356, 357 .
[168] Там же.
[169] См. Тайны национальной политики... С. 108, 110
[170] Там же. С. 153.
[171] Ленин В.И. К вопросу о национальностях ... Т. 45 .С. 362 .
[172] Там же
[173] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 273. Л. 5.
[174] ГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. Л. 75 .
[175] Там же. Л. 94 .
[176] Несостоявшийся юбилей... С. 185.
[177] ГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10. Л. 40 .
[178] См. Сталин И.В. Доклад о национальных моментиах в партийном и государственном строительстве. Т. 5. С. 248-249 .
[179] Там же. С. 236.

[180] Несостоявшийся юбилей... С. 210 .
[181] Сталин И.В. Докла о национальных моментах... С. 239.
[182] Там же. С. 241.
[183] См. Сталин И.В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. Т. 5. С. 267 .
[184] XII съезд КПСС... С. 481.
[185] ГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 56. Л. 2 .
[186] Троцкий Л.Д. Письмо членам ЦК РКП 16 апреля 1923 г. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. М., 1990. Т. 1. с. 54-55; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12.
[187] ГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1 Л. 34.
[188] ГАСПИ. Ф. 5. Оп.2. Д.34. Л.19.
[189189] XII съезд КПСС. М., 1968. С.582.
[190] Там же. С.516.
[191] Покад Д.П. Первые успехи социалистической индустриализации на Украине. (1926-1929). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1959. С. 9.
[192] Авторханов А. Империя кремля. Минск-Москва, 1991. С. 111.
[193] Майстренко И. Национальная политика КПСС... С. 37.
[194] Цит по: Национальная политика России. История и современность. М., 1997. С. 303.
[195] Все ссылки на Ленина даются по по 5-му изд.его сочинений за исключением речи 26 ноября 1920 г., которая в 5-ом изд. воспроизведена по краткому газетному отчету тогда как в 3-ем изд. дана ее запись.
[196] Ленин В.И. Доклад всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров о внутренней и внешней политике 22 декабря 1920 г. Т.42 С. 135
[197] Ленин В.И. Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г.
[198] Ленин В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г.
[199] Сталин И.В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете июня 1925 г. Т. 7. С. 196, 197-198.
[200] Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 36.
[201] Там же. С. 21, 35.
[202] Там же. С. 35.
[203] Ленин В.И. Речь о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. Т.43 С.153, 156.
[204] РСФСР. Всероссийский XIII съезд советов. М., 1927. С. 321.
[205] Рыков Доклад на XIII партконференции. ГАСПИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
[206] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М, 1925. С. 466.
[207] XI Всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. М., 1924. С. 71.
[208] См. Проблемы организации внешней торговли. ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 168. Л. 26.

[209] ГАСПИ. Ф. 51. Оп. 1. д. 3. Л. 14.
[210] Ленин В.И. Речь на собрании секретарей ячеек
[211] Проблемы организации внешней толрговли. ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 168. Л.26.
[212] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. М., 1936. С. 488.
[213] Ленин В. И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б). Т. 43. С. 27.
[214] См. Съезд уполномоченных наркомвнешторга.//Экономическая жизнь 22 июня 1922; Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. М.-Л., 1928. С. 190.
[215] Ленин В.И. О монополии внешней торговли
[216] Красин Тезисы наркомвнешторга о “режиме свободной торговли”. ГАСПИ Ф. 50. Оп. 2. Д. 36. Л. 10.
[217] Там же.
[218] Ленин В.И. О монополии внешней торговли.
[219] Внешняя торговля Советской России (Беседа с наркомвнешторгом Л.Б. Красиным). //Известия 8 марта 1922 .
[220] Ленин В.И. О монополии внешней торговли...
[221] См. Ленин В.И. Письмо Фрумкину М.И. и РадченкоИ.И. Т. 54. С. 213.
[222] А.Б. Перспективы нашей внешней торговли.//Известия 10 марта 1922.
[223] Минаев Д. Организационные вопросы (о внешней торговле) //Экономическая жизнь. 20 мая 1922 .
[224] Известия. 28 октября 1922 .
[225] ГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 35. Л. 4
[226] Ленин В.И. Письмо М.И. Фрумкину и И.И. Радченко. Т. 54. С. 213.
[227] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 81. Л. 11.
[228] Там же. Л. 7.
[229] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 86. Л. 3.
[230] ГАСПИ Ф. 5. Оп. 2. Д. 35. Л. 24.
[231] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 300. Л. 11.
[232] ГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 36. Л. 7.
[233] Там же. Л. 14.
[234] См. Экономическая жизнь 17 октября 1922.
[235] ГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д 35 Л. 51.
[236] ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 86. Л. 1.
[237] Ленин В.И. Письмо Троцкому. Т. 54. С. 327-328.
[238] Ленин В.И. Письмо Красину. Т. 52. С. 240.
[239] См. В.И. Касьяненко, Л.Ф. Морозов, Л.К. Шкаренков Из истории концессионной политики советского государства//История СССР. 1959. № 4. С. 52.
[240] Ленин В.И. Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Т.XXV. С. 513.
[241] Ленин В.И. Письмо А. Сербровскому. Т. 52. С. 123.
[242] Ленин В.И. Из заключительного слова по докладу о концессиях на заседании коммунистической фракции ВЦСПС. Т. 43. С. 186.
[243] Ленин В.И. Письмо Смольнинову В.А. и членам 100. Т. 53. С.100.
[244] Ленин В.И. Письмо А.М. Лежаве, П.А. Богданову и В.М. Молотову для

членов политбюро. Т 53. С. 136.
[245] См. Ленин В.И. Письмо Рыкову. Т. 52. С. 115.
[246] Ленин В.И. Письмо И.Т. Смилге. Т. 54. С. 139-140.
[247] Вавилин И. Иностранный капитал в России. Л., 1925. С. 55.
[248] ГАСПИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.
[249] Центральный организационный комитет по созыву Российского зарубежного съезда. Доклад российского торгово-промышленного и финансового Союза . Париж, 1926. С. 4.
[250] XIII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1924. С. 61.
[251] Троцкий Л. К социализму или капитализму (анализ советского хозяйства и тенденций его развития). М.-Л., 1925. С. 43
[252] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., 1936. С. 35.
[253] Там же. С. 48-49.; ГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 16. Л. 106.
[254] Индустриализация СССР. 1926-1929 гг. Документы и материалы.М., 1969. С. 99.
[255] Богданов Н,П, Профсоюзы и концессионные предприятия. М.- Л., 1928, С. 17.
[256] Внешняя торговля Советского Союза. М., 1938. С. 106.
[257257]Подробнее см. Истоки противоборства коммунистов и социал-демократов в кн. Иванов Ю.М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997.
[258] Бухарин XV съезду. ГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 16. Л. 106.
[259] Ленин В.И. Письмо Троцкому. Т. 52. С. 131.
[260] Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1970. С. 24
[261] Там же. С. 246.
[262] Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 23. С. 87 .
[263] Там же. С. 83 .
[264] Иванов Ю.М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997. С. 29.
[265] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 234 .
[266] Маркс К. Критика политической экономии 1857-1858 годов (черновой набросок). Т. 46. Ч.1 С. 240-241 .
[267] ГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 21. Л. 18
[268] ГАСПИ Ф. 17. Оп. 2. Д. 86. Л. 6
[269] ГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2.Д. 32. Л. 35
[270] ГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. Л. 105
[271] ГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л.3
[272] ГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1. Л. 103
[273] ГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1. Л. 104
[274] ГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1. Л. 104-105
[275] ГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1. Л. 108